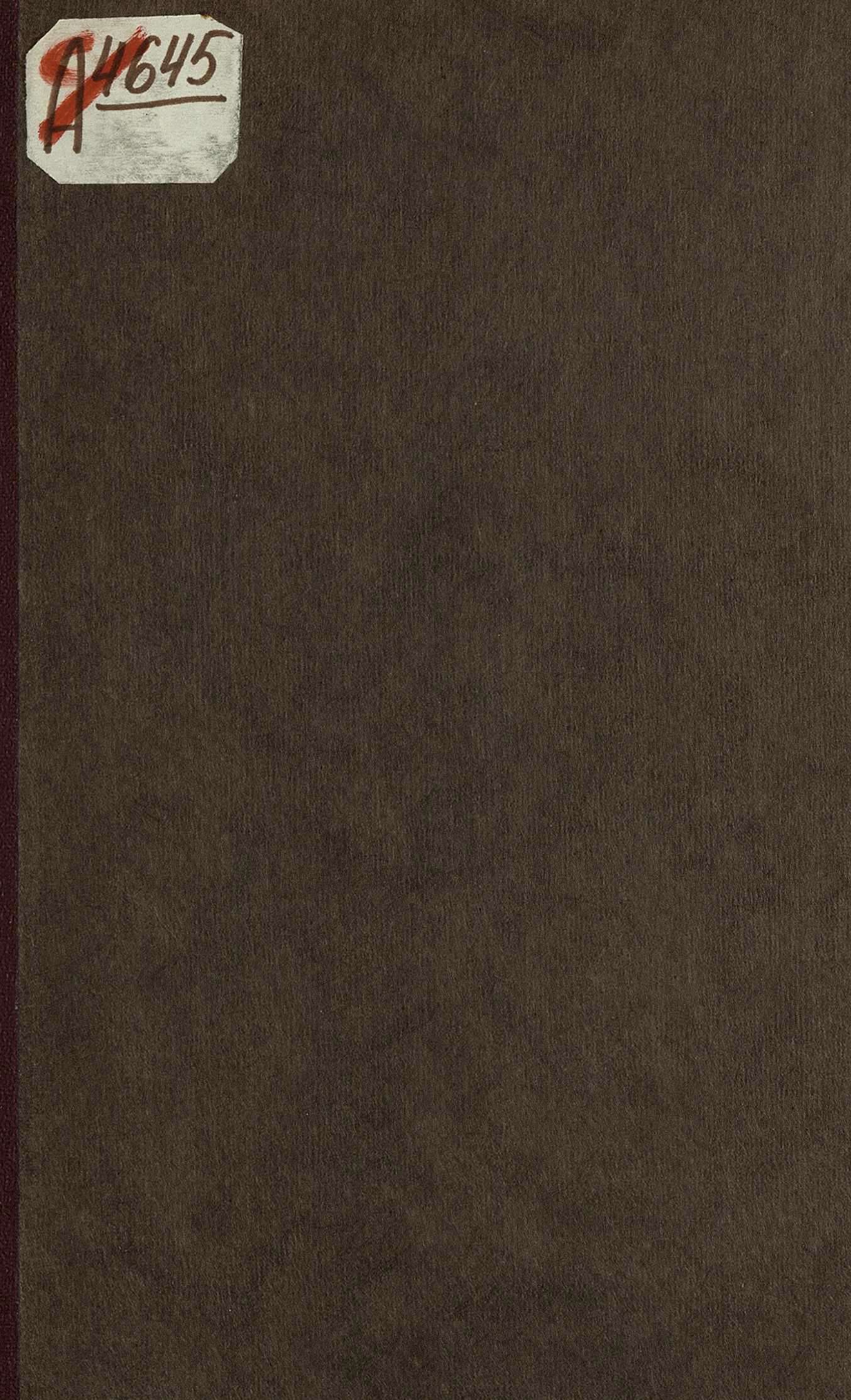
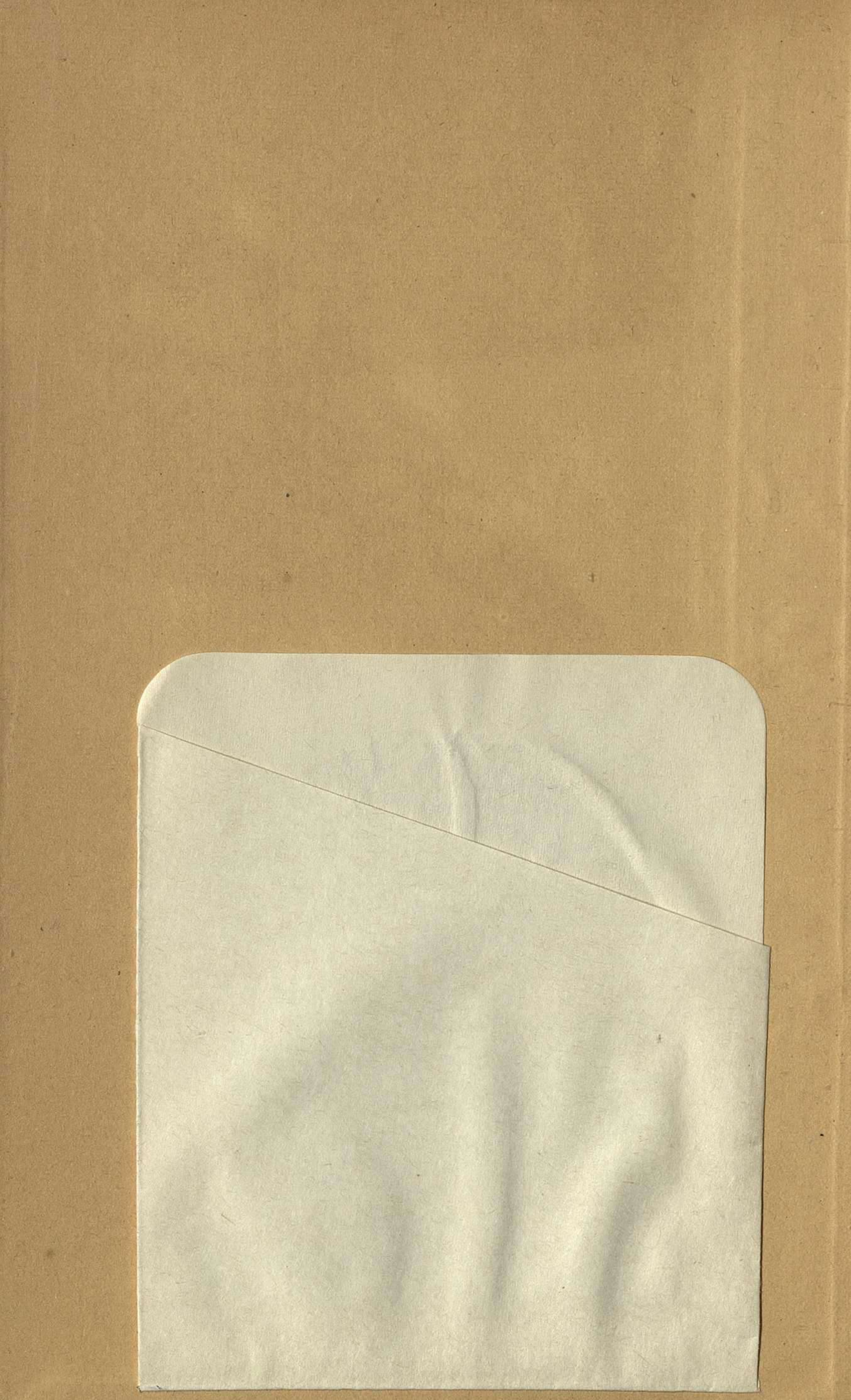

А4645

Д-ръ Д. С. ПАСМАНИКЪ.

РЕВОЛЮЦІОННЫЕ ГОДЫ ВЪ КРЫМУ.

(Приложеніе: Письмо И. И. Петрункевича о русской интеллигенціи).

1926

Того же автора:

1) Русская революція и еврейство (Большевизмъ и іудаизмъ). Парижъ 1923. Цѣна...... *10 фр.*
2) Дневникъ контр-революціонера. № 1-ый *2 фр.*
— — № 2-ой *2 фр.*

Imprimerie de Navarre, 5 rue des Gobelins, Paris.

La justice sans la force est impuissante; la force sans la justice est tyrannique.

Pascal.

Le peuple est opprimé, quand le pouvoir est faible.

Anatole France.

ПРЕДИСЛОВІЕ

Въ послѣднее время опубликовано столько воспоминаній и свидѣтельскихъ показаній о русской революціи, или, если хотите, о «русскомъ опытѣ», что каждый новый авторъ мемуаровъ объ этомъ событіи долженъ оправдать свое выступленіе, если онъ не стоялъ въ центрѣ событій, если онъ не принадлежитъ къ той численно ограниченной группѣ лицъ, имена которыхъ войдутъ въ русскую исторію.

Авторъ настоящаго очерка не предъявляетъ подобныхъ претензій. И все же онъ полагаетъ, что его воспоминанія представляютъ извѣстный интересъ по слѣдующимъ причинамъ.

Во - первыхъ: Было бы ошибочно полагать, что вся наша *трагедія исчерпывается* событіями, имѣвшими мѣсто въ Петроградѣ, или въСтавкѣ. Какъ реагировала многомилліонная масса на столичныя событія, что она дала и что она взяла? Была ли провинція объектомъ, или субъектомъ революціи?

Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ 19-го столѣтія въ нашей эмигрантской средѣ очень горячо дебатировался вопросъ о томъ, сыграетъ ли во время революціи Петербургъ ту же роль, что и Парижъ. Вѣдь, въ дѣйствительности, всѣ французскія революціи создавались почти исключительно Парижемъ, рѣшенію котораго подчинялась вся провинція. Самъ П. П. Лавровъ, бывшій въ мои студенческіе годы вождемъ всей русской эмиграціи, полагалъ, что столица не сыграетъ рѣшающей роли въ ходѣ русской революціи, и что самодержавіе сможетъ окопаться въ Москвѣ, или даже въ провинціи. Онъ полагалъ, что послѣдняя куда больше независима отъ Петербурга, чѣмъ Франція отъ Парижа. Въ этомъ обстоятельствѣ усматривалась тогда огромная опасность для развитія всего революціоннаго процесса въ обширной Россіи, раскинувшейся на многія тысячи верстъ и обитаемой различными народностями, разрозненными и культурно и матеріально.

Припоминаю,что сообразно съ этимъ вырабатывался планъ одновременнаго возстанія въ нѣсколькихъ пунктахъ страны, далеко отстоящихъ другъ отъ друга, что, между прочимъ, вновь дало поводъ Драгоманову, родоначальнику политическаго украинофильства, отстаивать идею областной автономіи. Такъ обстояло дѣло въ 1888 году. Интересно отмѣтить, что Г. В. Плехановъ и въ этомъ вопросѣ выступилъ противникомъ Лаврова: вождь россійской соціалъ - демократіи тогда уже предсказывалъ, что исходъ россійской революціи будетъ рѣшенъ въ столицѣ, что и случилось въ 1905 и въ 1917 г. г. Волѣ столицы подчинилась вся Россія безпрекословно и даже гораздо легче и полнѣе, чѣмъ Франція Парижу. Тоже самое случилось въ Австріи и въ Германіи, гдѣ весь переворотъ въ 1918 г. былъ рѣшенъ столицами.

Этотъ фактъ знаменательный, ибо онъ имѣетъ огромное значеніе не только для прошлаго, но и для будущаго. Надъ этимъ фактомъ надо задуматься, во всякомъ случаѣ, его надо изучать, ибо въ немъ разгадка очень многихъ на первый взглядъ прямо непонятныхъ явленій. Будущій историкъ нашего Смутнаго времени будетъ вынужденъ изучать настроенія и поведеніе русской провинціи лѣтомъ 1917 г., чтобы выяснить связь событій, приведшихъ къ извѣстнымъ результатамъ. Мы поэтому считаемъ, что одновременно съ показаніями столичныхъ дѣятелей, должны быть собраны и наблюденія тѣхъ, которые провели всю эпоху революціонныхъ событій въ провинціи. Авторъ этихъ записокъ жилъ съ 20 февраля 1917 по 3-е апрѣля 1919 г. въ Крыму, гдѣ произошли огромной важности событія, имѣвшія, какъ мы увидимъ, вліяніе на общее развитіе революціи, причемъ онъ не только наблюдалъ событія, но принималъ въ нихъ посильное активное участіе вплоть до первой эвакуаціи Крыма послѣ ухода французовъ.

Во - вторыхъ: Можетъ быть это нескромно съ моей стороны, но я долженъ указать и на слѣдующую, чисто субъективную, причину, почему я считаю нужнымъ предать гласности мои воспоминанія: я — еврей. Въ извѣстныхъ кругахъ вкоренилась мысль о неразрывной связи между активностью русскаго еврейства и всѣмъ ходомъ русской революціи. Что это: легенда или глубокомысленный выводъ изъ фактовъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ представляетъ огромный интересъ для всей русской жизни и мысли. При этомъ отмѣчу, что я лично занималъ особое

мѣсто въ самомъ еврействѣ. Многіе годы я былъ членомъ центральнаго сіонистскаго комитета въ Россіи и однимъ изъ редакторовъ сіонистскаго органа печати «Разсвѣтъ». Но и среди сіонистовъ я занималъ особое мѣсто: я отстаивалъ принципъ полнаго невмѣшательства не только сіонистовъ, но и всѣхъ русскихъ евреевъ въ общерусскую политику и особенно въ революціонное движеніе. Я предвидѣлъ еще въ 1904 г., что на наше вмѣшательство отвѣтятъ погромами и сугубой реакціей со стороны не только верховъ, но и низовъ русскаго общества. Но я оставался одинокимъ со своимъ мнѣніемъ. Я отказался выставить свою кандитатуру въ Госуд. Думу отъ Полтавской губ.(откуда я родомъ), ибо я твердо стоялъ на принципѣ невмѣшательства въ общерусскую политику. Я его придерживался до 3 марта 1917 г. Въ этотъ день я радикально перемѣнилъ фронтъ по причинамъ, которыя я разъясню ниже. И съ тѣхъ поръ по сегодняшній день я цѣликомъ ушелъ въ русскую политическую жизнь, вступивъ въ кадетскую партію. Я поддерживалъ первое Временное Правительство, боролся противъ засилія разныхъ «совѣтовъ» и противъ керенщины, защищалъ Корнилова, помогалъ ген. Алексѣеву, отстаивалъ интересы бѣлаго движенія, какимъ *я его желалъ* видѣть, защищалъ ген. Деникина и Врангеля и боролся неустанно противъ большевиковъ. Въ результатѣ — я прослылъ «погромщикомъ» среди родного еврейскаго народа, сіонисты оффиціально отреклись отъ меня. А я все же продолжаю вѣрить въ святость моей правды, ибо во всей своей дѣятельности послѣднихъ лѣтъ я руководствовался чувствомъ безпредѣльной любви къ Россіи и къ родному русскому еврейству. Мнѣ думается, что это мое своеобразіе представляетъ не только психологическій, но и политическій интересъ какъ для русскихъ, такъ и для евреевъ. Я надѣюсь, что мои записки послужатъ урокомъ для очень многихъ изъ моихъ нынѣшнихъ недруговъ.

Но прежде всего я желалъ бы выяснить роль нашей провинціи въ ходѣ событій русской революціи.

....

I

СООБЩЕНІЕ МОЕГО ДЕНЬЩИКА.

Съ 13-го августа 1914 г. я находился на фронтѣ въ качествѣ военнаго врача: 14 мѣсяцевъ въ строевой части, а остальное время въ полевомъ подвижномъ госпиталѣ, который былъ прикомандированъ къ гвардейскому корпусу и стоялъ въ м. Киверцы, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Луцка (Волынской губ.). Я оказался въ этомъ районѣ единственнымъ спеціалистомъ по ушнымъ и горловымъ болѣзнямъ и мнѣ пришлось развернуть 353-ій пол. подв. госпиталь на 800 кроватей. Работать пришлось свыше силъ человѣческихъ, пока не слегъ. 20 февраля 1917 г. я былъ привезенъ тяжело больнымъ въ одну изъ ялтинскихъ санаторій, состоявшую подъ покровительствомъ княгини Барятинской. Попалъ я въ эту санаторію лишь потому, что я, какъ сказано выше, служилъ въ госпиталѣ, прикомандированномъ къ гвардейскимъ войскамъ. Весь лазаретъ былъ заполненъ, главнымъ образомъ, гвардейскими офицерами, но были и армейцы. Я былъ единственнымъ евреемъ въ этомъ привилегированномъ лазаретѣ. Все это я узналъ лишь позже, ибо первые дни послѣ моего прибытія я лежалъ неподвижно въ своей комнатѣ и былъ изолированъ отъ всего внѣшняго міра. Я видалъ лишь врача, сестру милосердія и моего вѣрнаго деньщика, Ивана Серебрякова, крестьянина С...ой губерніи. Этотъ деньщикъ былъ мой единственный другъ въ Ялтѣ, гдѣ я рѣшительно никого не зналъ. Нѣсколько словъ объ этомъ другѣ. Ему было уже за сорокъ, съ просѣдью на вискахъ, съ ясными голубыми глазами и съ какой-то прирожденной скромностью, чѣмъ часто злоупотребляли его сослуживцы—деньщики. Онъ проявлялъ глубокую религіозность, но относился очень критически къ нашему священнику, отличавшемуся необыкновенной прожорливостью и трусостью. Въ долгіе зимніе вечера, когда не было работы, я любилъ слушатъ его простые, но умные разсказы о жизни великорусской

деревни. Самъ онъ за годъ до войны выдѣлился на хуторское хозяйство на основанiи Столыпинскаго закона. Многое узналъ я отъ него. Съ особенной настойчивостью онъ мнѣ разсказывалъ о враждѣ, существовавшей между хуторянами и общинниками. Онъ все время опасался, какъ бы односельчане не обидѣли его жену, оставшуюся дома съ подростками и лишь съ однимъ старикомъ - наемнымъ работникомъ. По его разсказамъ выходило, что во всемъ виноваты общинники, а не хуторяне. Самый законъ Столыпина онъ толковалъ вовсе не какъ ставку на «кулака», а лишь какъ средство къ улучшенiю сельскаго хозяйства. У моего Серебрякова и намека на «кулака» не было. Онъ никогда никого не обижалъ, скорѣе его обижали, пользуясь его скромностью. Былъ грамотный и любилъ читать газеты. Но читалъ онъ ихъ по своему: онъ всегда находилъ въ нихъ особое содержанiе, которое мнѣ и въ голову не приходило. Любилъ онъ очень читать Еваннгелiе и Псалтырь. Онъ, кажется, особенно меня полюбилъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ узналъ, что я, еврей, хорошо знаю Евангелiе.

Въ послѣднiе мѣсяцы нашей фронтовой жизни онъ какъ-то настойчиво повторялъ передо мной фразу: «Наши молодцы - порченные». Я-то зналъ, на что онъ намекаетъ - первые признаки ослабленiя дисциплины въ войскахъ начали появляться задолго до революцiи, — но я избѣгалъ разговоровъ на эту щекотливую тему, хотя между нами установились за три съ половиной года совмѣстной жизни довѣрчивыя отношенiя.

Мнѣ съ каждымъ днемъ становилось лучше. Благословенный климатъ райской Ялты дѣлалъ чудеса. На всей Ривьерѣ нѣтъ курорта подобнаго Ялтѣ. Мой врачъ, однако, былъ очень строгъ и не позволялъ меня выводить даже на солнцемъ залитую террасу. Не помню точно, 3-го или 4-го марта я пробудился въ особенно бодромъ настроенiи духа и я началъ подумывать о скоромъ возвращенiи на фронтъ, къ моимъ раненымъ и больнымъ, въ мои благословенные Киверцы. Война — ужасное явленiе, но фронтовая жизнь имѣетъ свои особыя прелести, которыя можетъ понять лишь тотъ, кто самъ жилъ этой адской жизнью.

Вдругъ въ мою комнату входитъ мой деньщикъ, даже не постучавшись въ дверь, и сразу выпаливаетъ:

— Ваше В - родiе, царя больше нѣтъ!

Я инстинктивно присѣлъ, посмотрѣлъ на него и потомъ какъ-то странно пощупалъ себя. Нѣтъ, я не сплю и

не сонъ мнѣ снится, мой Иванъ не пьянъ, чего съ нимъ за все время службы ни разу не случалось. А онъ стоитъ и молчитъ.

— А ты откуда это знаешь?

— На кухнѣ только что въ газетѣ читали.

Я велѣлъ принести мнѣ мѣстную газету. Дѣйствительно, на первой страницѣ огромными буквами было напечатано: «Революція въ Петроградѣ. Отреченіе Николая II». И, кажется, рядомъ былъ напечатанъ списокъ членовъ Временнаго Правительства.

Я былъ ошеломленъ и молчалъ, словно меня придавила огромная глыба, внезапно скатившаяся съ высокихъ горъ. Ни намека на радость. Неясное ощущеніе, что надвигается огромное чудовище необычайныхъ размѣровъ, дѣйствія котораго даже предвидѣть нельзя.

Вдругъ мой деньщикъ прерываетъ тягостное молчаніе и заявляетъ:

— Теперь, значитъ, ваше в...родіе, конецъ войнѣ! Разойдемся по домамъ! Безъ царя воевать нельзя!

Такъ и сказалъ: «безъ царя воевать нельзя», при этомъ лицо его было очень серьезное и вовсе не выражало радости. Меня это озадачило. Я его спрашиваю:

— Скажи мнѣ, Иванъ, всю правду, по божески, ты доволенъ теперь, что вотъ царь отрекся и что мы скоро всѣ по домамъ пойдемъ?

Немного подумавъ, онъ перекрестился и тихо отвѣтилъ:

— Страшно, баринъ! (интимность моего деньщика выражалась въ томъ, что онъ вмѣсто «ваше в...родіе» употреблялъ слово «баринъ»). Безъ царя Рассея жить не можетъ. Въ деревнѣ такое пойдетъ, что смерть красна будетъ. Наши мужики обозлены. Коли что, я поѣду къ вамъ въ Петербурхъ. Какъ бы на моей хатѣ не показался красный пѣтухъ. Одно слово, страшно, баринъ!

Я ему сказалъ нѣсколько банальныхъ словъ для успокоенія, но и у меня самого на душѣ стало неспокойно. Революція вообще страшная вещь — это я хорошо зналъ — а въ военной обстановкѣ подавно. Въ «безкровную революцію» нашихъ петроградскихъ витій я не вѣрилъ.

Пришелъ врачъ.Я попросилъ у него разрѣшенія выйти на террасу. Онъ мнѣ ничего не сообщилъ, но на мой вопросъ онъ отвѣтилъ очень спокойно, что, по слухамъ, дѣйствительно произошла революція. Послѣ перваго завтрака я улегся на террасѣ, гдѣ на койкахъ уже лежали

около тридцати больныхъ офицеровъ всяческихъ ранговъ, начиная прапорщикомъ и кончая полковникомъ. У нѣкоторыхъ въ рукахъ была мѣстная газета, но о великомъ событіи никто не говорилъ. Сосѣди по койкамъ говорили между собой о разныхъ вещахъ, но не о переворотѣ. Я былъ озадаченъ. Что означаетъ это молчаніе въ эту минуту: недовѣріе къ газетнымъ сообщеніямъ, нежеланіе громко высказываться о политическомъ событіи, полнѣйшій индифферентизмъ, боязнь начальства, халатность безволія, или напряженность потенціальной энергіи? А тутъ рядомъ со мной два молодыхъ офицера вслухъ говорили о суточныхъ, о какихъ-то документахъ въ цѣляхъ полученія какихъ-то добавочныхъ, а поодаль отъ меня офицеръ - красавецъ громко и развязно разсказывалъ своему сосѣду о какой-то барышнѣ, встрѣченной имъ въ кондитерской Раве. Молчали, собственно, лишь тяжело больные, у которыхъ чаще всего и голоса не было. Черезъ нѣкоторое время пришли два офицера изъ города. Они пришли къ намъ на террасу, поздоровались со своими знакомыми, но о «событіи» ни слова, какъ будто его не случилось, или же словно оно для нихъ менѣе важно, чѣмъ суточныя или пикантная встрѣча. Обѣдать я перешелъ въ свою комнату. Люди меня начали раздражать, надо было собраться съ мыслями.

II

РАЗМЫШЛЕНІЯ И РѢШЕНІЕ.

Объявленіе войны застало меня въ Женевѣ, гдѣ жила моя семья. Съ ея полнаго согласія я рѣшилъ немедленно вернуться въ Петроградъ, чтобы вступить въ армію. Но не легко было возвращаться въ Россію. Добрался до Венеціи и съ большимъ трудомъ попалъ на перегруженный уже пароходъ «Сардинія»: весь путь пришлось спать на палубѣ въ страшной тѣснотѣ и питаться остатками отъ кухни, ибо каюты были давнымъ давно заполнены. Возвращались русскіе разныхъ слоевъ общества: генералы, учителя и учительницы изъ Сибири, профессора, чиновники, писатели, студенты и бѣглые матросы съ взбунтовавшагося крейсера «Потемкинъ». Всѣ были радостно возбуждены, всѣ вѣрили... Очень многіе изъ пассажировъ были безъ всякихъ средствъ. Не знаю, какъ и по чьей инціативѣ былъ избранъ комитетъ изъ трехъ лицъ, въ который вошли: Ѳ. И. Родичевъ, проф. Байковъ и я, для сбора пожертвованій и распредѣленія ихъ между нуждающимися. Работа прошла очень дружно, ибо между всѣми русскими пассажирами установилось само собою полное довѣріе, абсолютное единеніе. Не было «борьбы классовъ», всѣ были патріотами. «Потемкинцы» мнѣ безхитростно объявили, что они возвращаются на родину, дабы искупить свою прошлую вину. Не буду описывать подробностей нашего путешествія: мы невольно присутствовали издали при боѣ англійскаго флота съ «Гебеномъ» и «Бреслау», мы были обысканы англійской подводной лодкой, мы присутствовали при свиданіи англійскаго адмирала съ англійскимъ посломъ въ Константинополѣ, находившимся на нашемъ пароходѣ, мы опасались непріятностей послѣ того, какъ нѣсколько русскихъ устроили кошачій концертъ греческой королевѣ Софіи (сестрѣ Вильгельма II), тоже ѣхавшей съ нами, но одно я твердо помню: всѣ русскіе были тогда воодушевлены не революціонными, а патріотичес-

кими чувствами. Однако, въ разговорѣ со мной Ѳ. И. Родичевъ высказалъ очень пессимистическія мысли· «Не вѣрю я въ нашу побѣду, сказалъ онъ мнѣ, а самое страшное то, что все это кончится у насъ революціей, которая *въ этихъ условіяхъ* неизбѣжно будетъ кровопролитной и трагической». Когда я ему указалъ на чудное настроеніе нашихъ пассажировъ, онъ мнѣ сказалъ пророческія слова: «Допускаю, что таково же настроеніе всѣхъ русскихъ людей, но идіотская бюрократія очень скоро возбудитъ противъ себя всѣхъ.Вы не знаете, до чего наши верхи прогнили».

Ближайшіе факты противорѣчили пессимистическимъ предсказаніямъ мудраго Ѳ. И. Въ Пиреѣ, на основаніи нашей телеграммы, русское посольство прислало своего представителя, который передалъ намъ нѣкоторую сумму денегъ для нуждавшихся. Въ Константинополѣ намъ предоставили пароходъ «Евфратъ», причемъ капитанъ заявилъ мнѣ: «нынче у насъ республика; распредѣленіемъ мѣстъ распоряжается вашъ комитетъ, который обязанъ лишь уплатить мнѣ за мѣста въ каютахъ». И дѣйствительно, нашъ комитетъ предоставилъ каютныя мѣста въ первую очередь женщинамъ и дѣтямъ, а всѣ остальные расположились въ трюмѣ и на палубѣ. Одинъ генералъ изъ нѣмецкихъ бароновъ, ѣхавшій со своей любовницей, вдругъ заговорилъ о «кадетско - жидовскомъ засильѣ», но онъ долженъ былъ стушеваться передъ бурными протестами всей остальной публики. Болѣе всего поразилъ насъ пріемъ въ Одессѣ, куда мы прибыли раннимъ утромъ 10-го августа: жандармскій полковникъ, видимо уже извѣщенный о нашей «республикѣ», попросилъ комитетъ провѣрить паспорта всѣхъ пассажировъ. Такимъ образомъ, я внезапно очутился въ чуждой мнѣ роли. Что касается безпаспортныхъ потемкинцевъ, жандармскій полковникъ обѣщалъ мнѣ отвезти ихъ не въ тюрьму, а къ воинскому начальнику.

Пріѣхавъ въ городъ, я отправился навѣстить своихъ знакомыхъ. Оказалось, что и одесское еврейство настроено «патріотично», что оно проявило въ очень внушительной демонстраціи. Тутъ же я узналъ о демонстраціи петербургскихъ студентовъ передъ Зимнимъ Дворцомъ. Вѣрилось... Я вѣрилъ въ побѣду союзниковъ и въ мирное обновленіе Россіи. Какъ только я пріѣхалъ въ Петербургъ, я написалъ большую статью для«Разсвѣта» подъ заглавіемъ: «Война и Палестина», въ которой я предсказывалъ, что

союзники побѣдятъ и что однимъ изъ результатовъ этой побѣды будетъ передача Палестины еврейскому народу. Эта статья была потомъ издана отдѣльной брошюрой. Я доказывалъ, что все русское еврейство кровно заинтересовано въ побѣдѣ союзниковъ. А черезъ два дня я уже былъ въ Двинскѣ, гдѣ стояла часть, въ которую я былъ назначенъ.

Началась страдная пора.

Я не буду здѣсь описывать мои наблюденія во время моей долгой службы на фронтѣ. Я только формулирую тѣ общіе выводы, которые сверлили мое сознаніе, когда я началъ размышлять по поводу совершившагося переворота.

Дѣло не въ отдѣльныхъ ошибкахъ, а въ общемъ фонѣ: русскій солдатъ великой войны не обладалъ уже автоматичной дисциплиной прежнихъ временъ и не пріобрѣлъ еще сознательную дисциплину солдата - гражданина. Это была основная трагедія всего русскаго фронта въ великой войнѣ. Припоминаю: генералъ отъ инфантеріи Сиреліусъ, послѣ смотра, произведеннаго имъ моей бригадѣ подъ Новогеоргіевскомъ, обратился съ рѣчью къ собраннымъ поодаль отъ солдатъ офицерамъ. Между прочимъ онъ сказалъ слѣдующее: «Старайтесь держать своихъ солдатъ въ кулакѣ, ибо, къ сожалѣнію, опытъ послѣднихъ боевъ доказалъ, что лишь 40-50% солдатъ идутъ въ наступленіе, а остальные вкапываются въ песокъ окоповъ». Это было сказано въ декабрѣ 1914 или въ январѣ 1915 г., т. е. когда мы еще не пережили никакихъ крупныхъ пораженій (за исключеніемъ августовскаго въ восточной Пруссіи). Съ самаго начала намъ пришлось пережить эпидемію «палечниковъ»: сотни солдатъ прострѣливали себѣ сами руки. Это стало бытовымъ явленіемъ: этихъ солдатъ не судили, но и не эвакуировали. Ихъ лечили въ полковыхъ лазаретахъ. А когда кадровое офицерство начало замѣщаться скороспѣлыми прапорщиками, появились новыя бѣды: кокаиноманія и самозараженіе венерическими болѣзнями, такъ что вскорѣ получился приказъ — венериковъ не эвакуировать, а лечить въ спеціальныхъ госпиталяхъ на фронтѣ. И, наконецъ, началось самое страшное: дезертирство. Въ декабрѣ 1916 г. въ русской арміи насчитывали уже свыше 900.000 дезертировъ.

Зимой 1916 г. я лично наблюдалъ на желѣзнодорожной станціи въ Киверцахъ очевидный развалъ дисциплины какъ среди солдатъ, такъ и среди рядового офицерства.

Въ это время и интендантство начало хромать: приходилось два раза въ недѣлю кормить тухлой селедкой не только команду, но и больныхъ, не было овса для лошадей, не хватало сапогъ для выписывающихся обратно на фронтъ солдатъ. Они осмѣлѣли и недвусмысленно протестовали.

Все это мнѣ припомнилось въ эту минуту, когда я вдругъ узналъ, что произошелъ переворотъ, царь отрекся и все же хотятъ продолжать войну. Неужели всего этого не знаютъ въ Петроградѣ? Неужели *тамъ* не знаютъ, что означаетъ озлобленная солдатская масса, лишенная крѣпкой дисциплины?

Что тамъ произошло? За весь 1916-ый годъ я не отлучился съ фронта ни на одну минуту, такъ что я не могъ знать изъ первыхъ рукъ о событіяхъ въ центрѣ. Но рѣчи Милюкова и Пуришкевича, произнесенныя въ Думѣ, ходили въ спискахъ по рукамъ офицеровъ на фронтѣ, но огромное впечатлѣніе, произведенное убійствомъ Распутина при участіи великаго князя, но нескрываемая ненависть всѣхъ, начиная дивизіоннымъ генераломъ и кончая прапорщикомъ, къ императрицѣ, которую почти открыто обвиняли въ измѣнѣ въ пользу нѣмцевъ... Все это нервировало до-нельзя весь фронтъ, на которомъ никакіе революціонеры тогда не вели никакой пропаганды.

И вдругъ мнѣ вспомнилась недавняя встрѣча. Поздно ночью въ декабрѣ 1916 г. ко мнѣ заходитъ офицеръ, котораго я сразу не узналъ. Когда онъ снялъ башлыкъ и шинель, я вдругъ увидѣлъ передъ собой знакомаго мнѣ петроградскаго пристава, который до войны присутствовалъ на всѣхъ моихъ публичныхъ лекціяхъ въ качествѣ представителя власти. Мнѣ стало не по себѣ: неужели какая - нибудь «исторія»? Однако, на немъ были настоящіе офицерскіе погоны. Онъ попросилъ чаю. Деньщикъ принесъ закуску и самоваръ. Мы разговорились по поводу его прибытія на фронтъ. И вдругъ онъ мнѣ заявляетъ: «Отпросился на фронтъ, ушелъ оттуда. Видите ли, я очень люблю объѣзжать лошадей, я всегда съ ними справляюсь. Но при этомъ я помню, что можно натягивать лишь одну узду - или правую, или лѣвую. А у насъ теперь натянули обѣ узды: быть бѣдѣ, лошадь понесетъ и всадникъ слетитъ внизъ. Ушелъ, на фронтѣ спокойнѣе». Бывшій полицейскій чиновникъ началъ мнѣ довѣрчиво разсказывать потрясающія вещи о жизни въ столицѣ, о непорядкахъ въ бюрократическомъ механизмѣ, о пьянствѣ, взяточничествѣ и дебошахъ Распутина. Подъ его критикой существую

щаго строя могъ бы тогда подписаться любой эсъ-эръ. Мой собесѣдникъ ругалъ, впрочемъ, всѣхъ. Отъ всего его разсказа вѣяло страшнымъ пессимизмомъ. Онъ ни разу не произнесъ слова «революція», а все время говорилъ о «надвигающейся катастрофѣ».

Эта встрѣча произвела на меня глубокое впечатлѣніе. Если *такъ* разсуждаютъ полицейскіе чиновники, значитъ, дѣло очень плохо, значитъ, на верху все подгнило, слѣдовательно, неотвратная стихія развала и распада... Но зная состояніе фронта, зная душу солдата, которая легче раскрывается передъ внимательнымъ военнымъ врачемъ, чѣмъ передъ офицеромъ, я сразу пришелъ къ твердому выводу: *въ Россіи произошла не весенняя революція, а страшная катастрофа.* Это былъ первый выводъ моихъ размышленій.

Какъ быть, какъ держаться? И тутъ предсталъ передо мной во весь ростъ тотъ фактъ, что я еврей, притомъ еврей, который, какъ я уже раньше упомянулъ, велъ опредѣленную политику абсолютнаго невмѣшательства евреевъ въ общерусскую политику и спеціально въ революціонную борьбу. Если уже быть революціи, проповѣдывалъ я, она должна быть сдѣлана руками исключительно русскихъ людей, причемъ я не скрывалъ, что я сторонникъ эволюціи и врагъ революцій. Какъ же теперь быть: стоять въ сторонѣ и наблюдать? Я не могъ и отмалчиваться, ибо, какъ отъ одного изъ руководителей россійскаго сіонизма, отъ меня потребовали бы объясненія. Да я вообще никогда не избѣгалъ отвѣтственности. Передъ моимъ духовнымъ взоромъ прошли всѣ трагедіи въ жизни еврейства за годы войны. Вначалѣ всеобщій патріотическій подъемъ, но очень скоро начались безумныя и жестокія поголовныя выселенія евреевъ изъ всей прифронтовой полосы безъ всякой нужды, безъ малѣйшаго основанія. Кто не видѣлъ этихъ огромныхъ массъ, какъ скотъ, гонимыхъ евреевъ, не можетъ понять все варварство этихъ выселеній и всю жгучесть ненависти къ царскому режиму, накопившуюся въ широкихъ еврейскихъ массахъ. Не могло быть никакого сомнѣнія, что революція будетъ встрѣчена съ безумной радостью всѣмъ русскимъ еврействомъ, даже не задумываясь надъ дальнѣйшими послѣдствіями переворота. Кстати отмѣчу: потомъ оказалось, что даже еврейская интеллигенція, за немногими исключеніями, отнеслась къ революціи *вначалѣ* съ извѣстной опаской — а вдругъ, все кончится погромами, какъ въ 1905 г. А я, знакомый съ

исторіей революціи и съ состояніемъ нашего фронта, сказалъ себѣ: тутъ даже не русская революція, а міровая катастрофа, ибо, по меньшей мѣрѣ 25 милліоновъ человѣкъ стоятъ подъ ружьемъ. Тутъ вопросъ о бытіи и небытіи всей Россіи, съ существованіемъ которой тѣсно связана судьба шести милліоновъ евреевъ. Болѣе этого: тутъ вопросъ о бытіи всей европейской культуры, ибо не надо было быть большимъ знатокомъ въ соціологіи, чтобы уразумѣть, что въ наше время чисто политическія революціи невозможны. Я твердо помнилъ переписку Лассаля съ Марксомъ въ шестидесятыхъ годахъ 19-го столѣтія, въ которой проводился взглядъ: въ результатѣ ближайшей крупной войны явится соціальная революція. А что сія послѣдняя означаетъ, я твердо зналъ еще до нашествія большевиковъ, ибо я зналъ инстинкты массы, даже когда она прикрывается заманчивой кличкой «сознательный пролетаріатъ».

Передъ опасностью этой катастрофы я сказалъ себѣ: «нѣсть ни эллина, ни іудея», надо спасать культуру, не только ту или иную культуру, а культуру вообще. Русская революція въ обстановкѣ войны сразу вырисовывалась передъ моимъ сознаніемъ, какъ нашествіе варваровъ. Я, какъ сынъ древнѣйшаго культурнаго народа и какъ впитавшій въ себя живительные соки русской культуры, не имѣлъ права оставаться индифферентнымъ зрителемъ надвигающихся грозныхъ событій.

Рѣшеніе было принято: участвовать по мѣрѣ силъ своихъ въ борьбѣ за спасеніе культурной Россіи. Не скрою: въ особенности я хотѣлъ направить свою борьбу противъ еврейскихъ соціалистовъ, которые мнѣ были ненавистны, такъ какъ я съ ними давно уже велъ борьбу въ качествѣ сіониста. Эта моя ненависть не личная, а идейная. Я не мало энергіи употребилъ на изученіе іудаизма, и я пришелъ къ выводу: ничто такъ не противорѣчитъ іудаизму, представляющему собою идеологію мелкаго крестьянства, какъ соціализмъ. Мой антисоціализмъ имѣетъ глубокіе корни и въ іудаизмѣ и въ европейской культурѣ, совершенно расходящейся по своимъ тенденціямъ съ плебейской европейской цивилизаціей. А это я зналъ: въ русской революціи главную роль будетъ играть не эволюціонный кадетизмъ, а бунтарскій соціализмъ, особенно ненавистный всему моему міровоззрѣнію.

Рѣшеніе я принялъ, но на душѣ было тяжело. Мною овладѣлъ сразу пессимизмъ, который я старался разсу-

дочно подавить въ себѣ. Но каждый разъ, когда я сталкивался съ телячьей восторженностью нашихъ легковѣрныхъ гражданъ, я раскрывалъ свой пессимизмъ, надѣясь такимъ образомъ образумить ихъ и усилить ихъ боеспособность. Къ сожалѣнію, противъ человѣческой глупости и сами боги не въ силахъ бороться.

III

ПЕРВЫЯ НАБЛЮДЕНІЯ

Я одинъ изъ первыхъ нарушилъ дисциплину: безъ разрѣшенія лазаретнаго врача я послѣ обѣда поѣхалъ въ городъ.

Былъ чудный весенній день, когда кажется, что солнце только что родилось, когда ощущаешь начало новой эры въ природѣ.

Около зданія земской управы замѣтно какое-то движеніе, еще болѣе оживленно возлѣ зданія городской думы. И здѣсь, и тамъ преобладаетъ молодежь, неизвѣстно откуда взявшаяся. Обывательская масса совершенно спокойна. На набережной толпа гуляющихъ, кондитерскія заполнены, но никакихъ признаковъ «революціи». Лишь одно явленіе привлекло мое вниманіе: въ нѣсколькихъ мѣстахъ снимали вывѣски, на которыхъ имѣлись надписи «поставщикъ Е. И. В.». Въ этомъ актѣ чувствовалось бездонное хамство. Сколько усилій употребилъ владѣлецъ этой вывѣски, чтобы удостоиться званія «поставщикъ Е. И. В.» и вдругъ сразу отрекается отъ него. Я полюбопытствовалъ, зашелъ въ одинъ такой магазинъ и спросилъ хозяина, почему онъ снимаетъ вывѣску. И получаю въ отвѣтъ: «Зашли ко мнѣ и сказали, что разобьютъ витрины, если не сниму вывѣски». — «Кто же зашелъ?» »А кто ихъ знаетъ, какіе-то молодые люди». — «А вы сообщили объ этомъ властямъ?».—«Да ихъ нѣтъ»! Градоначальникъ Спиридовичъ находится теперь въ Петроградѣ, его замѣститель полицеймейстеръ не то высланъ, не то куда-то спрятался, а городской голова Еленевъ отговаривается незнаніемъ. Чтобы уберечь витрины, я вынужденъ снять вывѣску съ вензелями. Да вѣдь это лишь на нѣсколько дней.

— Т. е. какъ на нѣсколько дней? — спросилъ я.

— Не можетъ же Россія долго жить безъ царя, — получилъ я въ отвѣтъ. — Въ городѣ носятся слухи, что ца-

ремъ станетъ Михаилъ. Тогда опять будетъ порядокъ и моя вывѣска опять займетъ свое прежнее мѣсто.

Очевидно, обыватель разсматривалъ все происшедшее въ Петроградѣ, какъ кратковременное явленіе, какъ переворотъ, имѣющій своей цѣлью замѣну неудачливаго царя другимъ царемъ, болѣе симпатичнымъ. И я готовъ былъ заразиться этой обывательской психологіей. А, можетъ быть, оно такъ и есть, подумалъ я. Тогда, вѣдь, произойдетъ чудо: мирная революція въ военной обстановкѣ, оздоровленіе всего административнаго аппарата, отвѣтственное министерство, подъемъ общественной энергіи, благополучное окончаніе войны и эпоха крупныхъ реформъ, т. е. творческой эволюціи, о чемъ я давно мечталъ, ибо въ революціяхъ я уже давно разочаровался.

Одно лишь меня смутило: абсолютная пассивность обывателя, что является величайшей опасностью, особенно въ критическія времена, и — самовольныя дѣйствія «какихъ-то молодыхъ людей», никѣмъ не уполномоченныхъ. Вспомнились мнѣ слова великаго пророка Исайи: «И наступитъ страшное время, когда незрѣлая молодежь будетъ тобой управлять». Неужели наступило это время для Россіи? Не скрою: я уже давно относился критически къ нашей молодежи, которая отличалась всегда своимъ невѣжествомъ и своимъ традиціоннымъ максимализмомъ. У насъ всегда въ роли Маратовъ и Робеспьеровъ выступали экстерны и недоучившіеся студенты.

А вдругъ обыватель окажется правымъ и я со своимъ пессимизмомъ окажусь не по сезону! Долго я просидѣлъ у моря, къ таинственному разговору котораго я всегда любилъ прислушиваться, ища въ немъ откровенія вѣчности. Но и величественное море меня не успокоило.

На слѣдующее утро ялтинцы узнали объ отреченіи Михаила и о властной роли Петроградскаго Совѣта рабочихъ и *солдатскихъ* депутатовъ. Московскія газеты принесли подробности переворота и мнѣ сразу стало ясно: въ Петроградѣ произошелъ грандіозный солдатскій бунтъ, возглавляемый соціалистами и санкціонируемый Госуд. Думой во главѣ съ Родзянко, Шульгинымъ, Гучковымъ и Милюковымъ.

Въ самой Ялтѣ послѣ полученія этихъ извѣстій тотчасъ же зашевелился «третій элементъ»: земскій агрономъ, писарь городской думы, чиновникъ почты и т. д. Обыскали квартиру ген. Спиридовича, забрали всю его, дѣйствительно, замѣчательную библіотеку, свидѣтельство-

вавшую объ его широкомъ знакомствѣ со всѣми социалистическими и вообще революцiонными партiями въ Россiи, тоже самое продѣлали въ жандармскомъ управленiи, которое, однако, успѣло уничтожить всѣ существенные документы заблаговременно, и, наконецъ, прогнали всю полицiю, не имѣя еще милицiи. Формально вся власть въ эти дни перешла въ руки городского головы, принадлежавшаго къ «старорежимникамъ» и лишеннаго всякой энергiи. Онъ метался изъ угла въ уголъ и слѣпо исполнялъ всѣ внушенiя третьяго элемента и выплывшаго на поверхность двухкопеечнаго полуграмотнаго репортера мѣстной газеты, объявившаго себя «вождемъ пролетарiата», котораго въ Ялтѣ, за исключенiемъ типографскихъ рабочихъ (приблизительно человѣкъ тридцать), и въ поминѣ не было.

Вечеромъ того же дня состоялось торжественное засѣданiе городской думы съ участiемъ членовъ земской управы при большомъ стеченiи любопытствующей публики, главнымъ образомъ, молодежи. Солдатъ и вообще военныхъ среди публики не было, на что я обратилъ особое вниманiе. «Отцы города» — почтенные домовладѣльцы —чувствовали себя неловко и не смѣли открыть рта. Видно было, что они сразу сдали свои позицiи и даже не думали отстаивать свой авторитетъ. И внѣшне они имѣли видъ осужденныхъ. Пустыя души, стоячее болото, трусливая толпа. Говорили рѣчи исключительно земцы, которые и при старомъ режимѣ принадлежали къ оппозицiи. Они себя чувствовали именинниками и очевидно вѣрили, что они побѣдили. Первымъ говорилъ предсѣдатель земской управы, который привѣтствовалъ «осуществленiе завѣтныхъ идеаловъ русской общественности». Публики онъ не зажегъ:онъ отъ природы не былъ ораторомъ. Послѣ него произнесъ длинную, но путанную рѣчь крупный землевладѣлецъ, который благословлялъ «новую свѣтлую эпоху». Я отчетливо помню эту рѣчь. Въ ней не было прежде всего искренности, той глубокой искренности, которая способна повлiять даже на враждебно настроенную публику. Чувствовалось , что человѣкъ растерялся, и уже спѣшитъ приспособиться къ какому-то новому господину. Говорили еще другiе. Всѣ ораторы вѣрили въ мирный и умѣренный характеръ происшедшаго переворота, всѣ увѣряли другихъ, что все пойдетъ по хорошему. Когда собранiе кончилось, было ясно, что эти люди массой руководить не сумѣютъ, ибо у нихъ, во-первыхъ, нѣтъ собствен-

ной незыблемой правды, а во-вторыхъ, у нихъ даже намека не было на желѣзную волю, столь необходимую въ неспокойныя времена. Было тяжело на душѣ. Вотъ кто представляетъ нашу т. н. прогрессивную буржуазію, или буржуазную интеллигенцію! Гниль, или импотентность!

Я остался ужинать въ городѣ. Былъ чудный весенній вечеръ. На набережной ходили густыя толпы, очень много военныхъ, но почти исключительно офицеровъ. Ничего въ этой толпѣ не указывало на переворотъ, ничего не предсказывало катастрофы. И люди, и теплый вечеръ, и застывшее море — все манило къ покою. И я опять усомнился въ обоснованности моего пессимизма. А, можетъ быть, на самомъ дѣлѣ все пройдетъ благополучно? Передъ моимъ отбытіемъ съ фронта я узналъ, что наша армія вооружена, какъ никогда, что весной начнется рѣшительное наступленіе. Можетъ быть, побѣдное шествіе патріотически настроенной арміи приведетъ къ скорому окончанію войны, послѣ чего начнется мирное строительство новой жизни на началахъ разумной свободы, всеобщей справедливости, государственной цѣлесообразности и общенародной культурности. Въ тотъ вечеръ газеты принесли сообщеніе, что главнокомандующимъ назначенъ Николай Николаевичъ, что гарантировало фронтъ отъ крупныхъ потрясеній. Это я зналъ: если не трогать фронта, онъ могъ бы еще держаться нѣкоторое время...

Не только ялтинскіе обыватели, но и интеллигентскіе верхи вѣрили въ спокойное развитіе событій.

На слѣдующее утро газеты принесли мрачную новость. Въ Петроградѣ образовалось двоевластіе. Ясно было, что между Временнымъ Правительствомъ и Совѣтомъ р. и с. депутатовъ искреннее соглашеніе невозможно, тѣмъ болѣе что солдатская масса сразу подпала подъ вліяніе Совѣта, что и сказалось въ дошедшемъ до насъ слухѣ о «приказѣ № 1», содержаніе котораго еще не было намъ извѣстно полностью,но зато его гибельное значеніе въ смыслѣ чисто психологическаго вліянія на провинціальную массу было несомнѣнно. Особенно смущала легкость, съ которой Милюковъ отказался отъ своего предложенія объ установленіи конституціонно - монархической власти подъ давленіемъ уличной безымянной толпы. Но не нужно себѣ представлять, что наша провинція немедленно реагировала на петроградскія событія. Особенно вначалѣ она очень сильно отставала отъ столицы. Послѣдняя лишь очень медленно возбуждала нашъ край. 6 или 7 марта со-

стоялось публичное засѣданіе мѣстнаго литературнаго кружка, гдѣ собиралась интеллигенція. Публики было сравнительно мало, большею частью молодежь, изъ видныхъ писателей присутствовали лишь Найденовъ и, если я не ошибаюсь, Гусевъ - Оренбургскій. Но они рѣчей не произносили. Первымъ говорилъ бойкій прапорщикъ съ георгіевскимъ значкомъ, который, восхваляя революцію, особенно подчеркивалъ ея мирный характеръ и ея безкровность и высказалъ убѣжденіе, что теперь русскій фронтъ станетъ непобѣдимымъ. Всѣ присутствующіе долго апплодировали оратору. Послѣ него выступилъ молодой человѣкъ, на лицѣ котораго были видны слѣды глубокаго туберкулеза, и съ мѣста въ карьеръ онъ провозгласилъ: въ Россіи произошла не политическая и не буржуазно - демократическая, а соціалистическая революція. Онъ вспомнилъ о Марксѣ, Лавровѣ и Плехановѣ и закончилъ возгласомъ: «да здравствуетъ русскій революціонный пролетаріатъ»! И опять буря апплодисментовъ. Какая-то дама продекламировала соотвѣтствующіе стихи. Тогда и я счелъ нужнымъ взять слово, чтобы нарушить благодушіе однихъ и протестовать противъ демагогіи другихъ. Я старался доказать невозможность соціалистической революціи въ крестьянской Россіи и указывалъ на возможность междуусобицы и пораженія на фронтѣ, если не будетъ быстро создана крѣпкая власть при поддержкѣ всѣхъ государственно - строительныхъ элементовъ населенія. Моя рѣчь вызвала всеобщіе протесты. Настоящихъ соціалистовъ, кромѣ одного вышеупомянутаго оратора, на этомъ собраніи не было, но никто изъ присутствовавшихъ интеллигентовъ не хотѣлъ или не смѣлъ открыто отказаться отъ соціалистическаго ярлыка. Именно отъ ярлыка, а не отъ міровоззрѣнія. Мои оппоненты говорили одновременно о какой-то слащавой гармоніи интересовъ и о борьбѣ классовъ, о патріотизмѣ и «трудовомъ» соціализмѣ, о побѣдной войнѣ и о международномъ мирѣ. Однимъ словомъ, всѣмъ сестрамъ по серьгамъ.

Когда я вышелъ изъ собранія, я отчетливо почувствовалъ: именно эти добродушно - гуманные интеллигенты загубятъ Россію, ибо они не обладаютъ ни ясной цѣлью, ни твердой волей, что обязательно должно повести къ побѣдѣ демагогіи.

Прошло еще нѣсколько дней. Въ городѣ появились на улицахъ штатскіе и лазаретные солдаты съ красными бантами, лишь очень рѣдко красный значекъ украшалъ

грудь офицера. Но въ Ялтѣ все еще не было «совѣта депутатовъ». Гдѣ-то начали на скорую руку организовываться соціалистическія партіи и профессіональные союзы. Люди, бывшіе многіе годы самыми скромными вѣрноподданными, вдругъ объявили себя соціалистами - революціонерами: полицейскій врачъ, учитель гимназіи, ранѣе писавшій плохіе стихи въ честь Романовыхъ, забитый и безталанный агрономъ - кооператоръ, долгое время прекрасно уживавшійся съ Спиридовичемъ, нѣсколько прапорщиковъ, находившихся на излеченіи въ санаторіяхъ и... бывшіе члены «союза русскаго народа».*) Послѣднихъ было особенно много среди мартовскихъ эс-эровъ, понятно, лишь въ роли статистовъ и скандалистовъ; объявилось и нѣсколько соціалъ - демократовъ, главнымъ образомъ, изъ пріѣзжихъ больныхъ; во главѣ эс-тековъ стояла пріѣзжая госпожа Лонская.

Очевидно, никакихъ связей между всесильнымъ петроградскимъ совѣтомъ р. и с. депутатовъ и ялтинскимъ «пролетаріатомъ» не было: дѣйствовалъ лишь законъ подражанія. Долгое время въ нашемъ «совѣтѣ» отсутствовали солдатскіе депутаты. Приблизительно десятаго марта впервые появился въ нашемъ городѣ совѣтъ раб. депутатовъ, составленный изъ представителей наскоро сколоченныхъ и большею частью фиктивныхъ профессіональныхъ союзовъ партіи эс-эровъ и партіи эс-дековъ-меньшевиковъ. Лишь позже въ совѣтъ вступила и партія народ-

---

*) Для характеристики россійскихъ политическихъ нравовъ лѣтомъ 1917 г. приведу слѣдующій фактъ, разсказанный мнѣ С. С. Крымомъ, бывшимъ при Временномъ Правительствѣ завѣдующимъ удѣльнымъ вѣдомствомъ: въ Воронежской губ. рабочіе и крестьяне захватили сахарный заводъ, принадлежавшій удѣламъ, прогнали директора и инженера и пріостановили всѣ работы. Шингаревъ послалъ г. Крыма уладить этотъ инцидентъ, приносившій значительные матеріальные убытки казнѣ. Къ Крыму явилась мѣстная эс-эровская делегація для переговоровъ; особенно выдавался въ ея средѣ одинъ рыжеволосый, котораго всѣ называли «товарищъ Петръ». Онъ болѣе всѣхъ кричалъ, волновался и ругалъ всѣхъ старшихъ служащихъ завода. Оказалось, что этотъ новоиспеченный «товарищъ» и эс-эръ былъ никто иной, какъ принцъ П. А. Ольденбургскій. Могу прибавить, что онъ до своей смерти считалъ себя эс-эромъ.

ныхъ соціалистовъ, насчитывавшая во всемъ городѣ полтора десятка членовъ. Во всемъ совѣтѣ было лишь четверо настоящихъ рабочихъ, остальные же были интеллигенты и полуинтеллигенты. Отнеслись къ нему наши обыватели съ добродушной ироніей, ибо, говорили всѣ, нельзя же отнестись серьезно къ Ивинымъ и Филипповымъ. А между тѣмъ очень скоро фактическая власть въ городѣ и уѣздѣ, какъ и во всей Таврической губерніи, перешла къ этимъ Ивинымъ и Филипповымъ, ибо искусственно созданные совѣты стали вскорѣ серьезной силой, благодаря солдатамъ и матросамъ. Но случилось это потому, что у насъ никакой другой власти не было.

Согласно телеграммѣ кн. Львова, предсѣдатель уѣздной земской управы Н. Н. Богдановъ, сталъ уѣзднымъ комиссаромъ, которому было подчинено и ялтинское градоначальство. Кадетъ, бывшій членъ Госуд. Думы по Рязанской губ., онъ былъ общимъ любимцемъ, даже и среди лѣвыхъ. Какъ земецъ, онъ проявилъ кипучую дѣятельность. Какъ представитель исполнительной власти, онъ оказался добродушнымъ интеллигентомъ, искавшимъ разрѣшеніе всѣхъ затрудненій въ компромиссѣ. Да и могъ ли онъ поступать иначе? Изъ центра онъ никакой поддержки не получалъ, на мѣстахъ онъ никакой реальной, попросту говоря, полицейской силы не имѣлъ, ибо новообразованная милиція, составленная изъ подозрительныхъ офицеровъ и еще болѣе подозрительныхъ солдатъ, повиновалась скорѣе вожакамъ «совѣта» и соціалистическихъ партій, чѣмъ уѣздному комиссару. Вообще настала блаженная пора: всѣ получили возможность дѣлать, что имъ заблагоразсудится. Количество преступленій возрастало съ каждымъ днемъ, милиція бездѣйствовала, а вскорѣ пошли слухи, что она беретъ взятки, и не трешницами, какъ въ доброе старое время, а сотенными, или же дюжинами бутылокъ прекраснаго крымскаго вина. Впрочемъ, въ этомъ мѣстные идеологи соціалистовъ неповинны. Ихъ вина состояла лишь въ томъ, что они создали атмосферу распущенности.

Но все же первыя недѣли послѣ переворота мы переживали «вешніе дни». Вся публика еще была очень добродушной, злоба еще отсутствовала и «буржуй» еще не превратился въ ругательную кличку. Офицеровъ никто не трогалъ, погоновъ не срывали, до извѣстной степени соблюдались еще правила чинопочитанія. Вскорѣ образовался совѣтъ солдатъ и офицеровъ изъ делегатовъ раз-

личныхъ санаторій и лазаретовъ, въ которомъ оба элемента до извѣстной поры мирно уживались. Фактически въ нашемъ краѣ не было почвы для классовой борьбы и озлобленія, если абстрагировать отъ вѣковой вражды, существовавшей между татарами и мѣстными греками. Послѣднее обстоятельство сыграло огромную роль впослѣдствіи, при появленіи большевиковъ, когда греки почти поголовно перешли къ нимъ, хотя при старомъ режимѣ они составляли главную силу черносотенныхъ организацій.

Въ эти недѣли можно было констатировать лишь одинъ видъ озлобленія: къ заподозрѣннымъ въ шпіонствѣ при старомъ режимѣ. Ихъ «совѣтъ» самовластно арестовывалъ и сажалъ въ тюрьму, а комиссаръ одобрялъ post festum содѣянное внѣ всякихъ законныхъ нормъ. Но и это дѣлалось скорѣе изъ подражанія большимъ городамъ. Въ общемъ можно сказать: вначалѣ всѣ примирились съ переворотомъ, вызвавшимъ искреннюю радость среди демократической интеллигенціи. Мѣстная и многочисленно наѣзжая аристократія притаилась и своихъ настоящихъ чувствъ ничѣмъ не проявляла. Тоже самое и офицерство. Когда начали обходить всѣ лазареты для приведенія больныхъ офицеровъ и солдатъ къ присягѣ въ вѣрности Временному Правительству, никто отъ нея не отказался. По секрету разсказывали, что въ морской санаторіи два офицера увильнули отъ присяги, но именъ ихъ никто не зналъ. А между тѣмъ въ Ялтѣ находились многіе гвардейскіе офицеры, среди коихъ не мало было и такихъ, которые были въ свое время облагодѣтельствованы царской семьей. Когда появилось сообщеніе, что Николай Николаевичъ былъ смѣненъ на посту главнокомандующаго ген. Алексѣевымъ, всѣ офицеры пожалѣли объ этомъ, но ни словомъ не выразили своего протеста противъ этого факта.

Вскорѣ императрица - мать, Николай Николаевичъ и нѣкоторые другіе члены царской семьи поселились на своихъ дачахъ вблизи Ялты въ Дюльберѣ и рѣшительно ничѣмъ не проявляли своего присутствія: въ городѣ они никогда не появлялись. Ялтинская публика ихъ оставила въ покоѣ, никто къ нимъ вражды не проявлялъ, но и никто не выражалъ имъ открыто своей преданности. И могу сказать, что во все время моего пребыванія въ Крыму я ни разу не констатировалъ ни малѣйшаго признака монархическаго заговорщичества, несмотря на всю популярность

среди военныхъ тутъ же находившагося Николая Николаевича. Забѣгая впередъ, укажу на то, что Керенскій никакъ не могъ освободиться отъ кошмара монархическаго заговора, въ виду чего по его приказу полковникъ Верховскій, бывшій впослѣдствіи военнымъ министромъ, произвелъ обыскъ во всѣхъ помѣщеніяхъ, гдѣ жили Романовы, и у нѣкоторыхъ ялтинскихъ аристократовъ, но ничего подозрительнаго не было констатировано. Какъ потомъ выяснилось, этотъ обыскъ былъ произведенъ подъ давленіемъ Севастопольскаго и Петроградскаго совѣта р. и с. депутатовъ. Наши соціалисты всѣхъ мастей не могли примириться съ мыслью, что монархисты останутся спокойными и совершенно бездѣятельными послѣ переворота. А на самомъ дѣлѣ не только монархисты, но даже Пуришкевичъ и Марковъ II сошли тогда со сцены и упорно молчали. Храбрость послѣдняго проявилась гораздо позже, заграницей, т. е. въ условіяхъ полной безопасности.

Я лѣтомъ 1917 г., не по своей инициативѣ, перезнакомился со всей аристократіей, находившейся въ Ялтѣ и въ окрестностяхъ. Мнѣ пришлось вести долгія бесѣды съ умной княгиней Юсуповой (матерью), съ крупнымъ помѣщикомъ Иваненко, тестемъ ген. Врангеля, на обѣдѣ у котораго я познакомился съ С. Д. Сазоновымъ, съ бывшимъ прокуроромъ Синода Извольскимъ и т. д. И у всѣхъ нихъ я констатировалъ фаталистическое отношеніе къ крушенію монархіи. Сожалѣли Николая II, ненавидѣли Александру Феодоровну, но боевого задора въ защитѣ монархіи рѣшительно никто не проявлялъ. Мистицизмъ монархизма отсутствовалъ у всѣхъ. Русскій де-Местръ невозможенъ. Нечего обманываться: Бердяевъ далеко не де-Местръ. И онъ отравленъ новыми вѣяніями, хотя онъ написалъ книгу «Философія неравенства». Русская аристократія служилая, не выросшая изъ рыцарей и крестоносцевъ: она лишена монархической энергіи. Поэтому у насъ настоящіе монархическіе заговоры были немыслимы.

IV

«ПРІЯТІЕ РЕВОЛЮЦІИ»

Кто «пріялъ» революцію? Обывательская масса въ провинціи, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ я ее могъ наблюдать непосредственно, долгое время никакой активности не проявляла. Она не была активна ни за, ни противъ переворота. Революціонная лихорадка охватила лишь очень незначительное меньшинство. Интересно, что ту же картину представляло офицерство, скопленное въ значительномъ количествѣ въ ялтинскихъ лазаретахъ и санаторіяхъ.

Но надо помнить, что въ Ялтѣ, какъ во всемъ Крыму, перемѣшаны различныя національности.

Татары нѣкоторое время вообще не опредѣляли своего отношенія къ перевороту, а ихъ традиціонные главари - мурзы - оставались въ душѣ монархистами. И лишь литературно - дипломатическая дѣятельность Милюкова, ловко эксплуатируемая эс-эрами, т. е. его заявленія о Дарданеллахъ, отбросили всю татарскую массу въ лѣвый лагерь. И здѣсь подтвердился установленный мной много лѣтъ тому назадъ законъ: въ жизни инородцевъ національно - политическій интересъ беретъ верхъ надъ соціальными интересами (вопреки матеріалистической теоріи марксизма). Преданность татаръ мусульманству, т. е' Турціи, заставила даже крупныхъ татарскихъ землевладѣльцевъ отказаться отъ поддержки кадетской партіи и уступить руководящую роль той своей молодежи, которая формально подчинила всю татарскую массу вліянію эс-эровъ. По этой самой причинѣ заглохъ и монархизмъ среди татаръ, ибо и онъ угрожалъ независимости мусульманскаго Константинополя и неприкосновенности Турціи. Поведеніе татаръ послѣ революціи опредѣлялось исключительно факторами внѣшней политики, основанной на мусульманской солидарности. Русская лѣвая интеллигенція, наоборотъ, совершенно пренебрегла общерусскими національными интересами и сознательно науськивала татаръ

противъ тѣхъ русскихъ, которые защищали идею великой Россіи. Наши лѣвые навязали крымскимъ татарамъ идею Крымской автономіи, которая впослѣдствіи логически превратилась въ идею о присоединеніи Крыма къ Турціи подъ покровительствомъ побѣдоносной Германіи, о чемъ рѣчь будетъ впереди, ибо все это выявилось впослѣдствіи, когда волны демагогіи захлестнули всю Россію. Однимъ словомъ, если въ первыя недѣли послѣ переворота татары соблюдали выжидательную тактику, они очень скоро стали ея горячими сторонниками, поскольку она разрушала мощь единой Россіи.

Здѣсь невольно возникаетъ вопросъ, правильно ли поступилъ Милюковъ,уже въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, когда онъ продолжалъ требовать оккупаціи Константинополя и проливовъ? Если управлять значитъ — предвидѣть, тогда было бы лучше, если бы Милюковъ заговорилъ о федеративной Россіи не въ эмиграціи, а въ зданіи на Пѣвческомъ переулкѣ, т. е. въ мартѣ 1917 г. Лишь благодаря ему, десятки милліоновъ русскихъ татаръ были отброшены въ лагерь гробокопателей Россіи. И вообще передъ всей будущей русской политикой стоитъ дилемма: или вести русско - православную политику и вызвать отпоръ со стороны всѣхъ инородцевъ, или же повести россійско - государственную политику.

Греческое населеніе было цѣликомъ связано со старымъ строемъ; въ царское время оно заполняло ряды «Союза русскаго народа». Оно, поэтому, отнеслось очень холодно къ перевороту и старалось вначалѣ стушеваться, ничѣмъ не проявлять себя. И несмотря на это, впослѣдствіи, когда Крымъ былъ занятъ въ первый разъ большевиками (въ январѣ 1918 г.), почти всѣ греки очутились въ рядахъ «коммунистовъ». Объясняется это прежде всего традиціонной враждой грековъ къ татарамъ, противъ которыхъ большевики тогда выступили въ роли непримиримыхъ враговъ. Грекамъ большевизмъ служилъ средствомъ для уничтоженія татарскаго населенія. Но была и другая причина обольшевизированія грековъ: они являются сознательными сторонниками единой Россіи и врагами автономнаго татарскаго Крыма. А большевики — иронія судьбы — боролись тогда съ татарскимъ сепаратизмомъ, какъ мы выяснимъ впослѣдствіи. По существу, греки не «пріяли» русской революціи.

Еврейское населеніе въ первыя недѣли ничѣмъ себя не высказывало и боялось погромовъ, ибо оно не вѣрило

въ прочность переворота. Но когда оно повѣрило въ революцію безъ погромовъ, оно ее пріяло съ радостью. Еврей Ялты, который особенно настрадался отъ прежнихъ ограничительныхъ законовъ, воспринималъ революцію прежде всего какъ отмѣну пресловутой «черты осѣдлости». Революція въ его глазахъ крайне упростилась до размѣровъ мелкаго факта: впредь не надо будетъ давать взятки околоточному и приставу, въ будущемъ Думбадзе станутъ невозможными. Безправіе ведетъ къ страшному измельчанію политическихъ горизонтовъ. Вѣдь теперь для безправнаго русскаго бѣженства вся политика сводится къ вопросу о визахъ! Несомнѣнно: еврейство пріяло мартовскій переворотъ всей душой, но за исключеніемъ нѣсколькихъ интеллигентовъ, оно никакой активности не проявляло.

Картина въ общемъ получилась слѣдующая: въ первыя недѣли послѣ переворота вся активность проявлялась лишь русской частью населенія. Но и эта активность была относительная: она накоплялась пропорціонально росту вліянія Петрограда. Провинція раскачалась очень медленно. Въ Ялтѣ, напримѣръ, лишь 12 марта населеніе, такъ сказать, санкціонировало революцію. Въ этотъ день состоялся на площади многолюдный, дѣйствительно, всенародный митингъ, въ которомъ участвовали всѣ національныя группы, весь гарнизонъ и почти всѣ обитатели многочисленныхъ лазаретовъ. Сорганизовавшіеся профессіональные союзы пришли на митингъ съ красными знаменами, мусульмане - съ зеленымъ знаменемъ Аллаха, а еврейская молодежь съ бѣло-голубымъ сіонистскимъ знаменемъ. Всѣ войска были украшены красными бантами огромныхъ размѣровъ. Странно было видѣть эти банты на грудяхъ старыхъ генераловъ и молодцеватыхъ полковниковъ, для которыхъ вчера еще подобная декорація была совершенно немыслима. И сдѣлано было это безъ борьбы, безъ внутреннихъ мукъ. Были, понятно, и такіе, которые , не желая надѣть красный цвѣтъ, остались дома, но очень немногіе осмѣлились придти на митингъ въ офицерскомъ мундирѣ безъ краснаго банта.

Вокругъ импровизированнаго алтаря духовенство отслужило молебенъ. Одинъ изъ священниковъ произнесъ рѣчь, въ которой онъ призывалъ всѣхъ къ нравственному усовершенствованію. Молебенъ не вызвалъ никакихъ диссонансовъ. Затѣмъ имамъ прочелъ молитву для мусульманъ и обратился съ краткой рѣчью къ своимъ единовѣр-

цамъ на татарскомъ языкѣ. Послѣ этого начался митингъ подъ предсѣдательствомъ обожаемаго всѣмъ населеніемъ русскаго врача, принадлежавшаго къ кадетской партіи. Не скрою: въ этотъ моментъ дѣйствительно могло показаться, что рай опустился на землю. Чувствовалось полное единеніе во всей этой многотысячной толпѣ, всѣ были заполнены наивной вѣрой въ пришествіе новыхъ, болѣе счастливыхъ, временъ, никто не думалъ о борьбѣ. Но начались рѣчи и сразу выяснилась очень печальная картина. Изъ «буржуевъ» никто не говорилъ. Кто-то изъ мѣстныхъ людей произнесъ нѣсколько незначительныхъ словъ, которыя замерли безъ всякаго эхо въ сердцахъ слушателей. Ясно было, что масса остается безъ вождя изъ буржуазно - прогрессивнаго лагеря. Заговорили чужіе люди... Первымъ говорилъ военный врачъ изъ лазарета. Его рѣчь была основана на принципахъ: «нельзя не признаться, но надо сознаться» и пресловутое «постольку - поскольку». Говорилъ типичный кающійся интеллигентъ и говорилъ не свое, а только что вычитанное изъ какой - то петроградской газеты. Ясно было, что онъ стоитъ на вершинѣ покатой плоскости и что онъ неизбѣжно современемъ скатится въ бездну... вульгарной демагогіи. Масса его не поняла, ибо она привыкла брать жизненныя явленія проще, непосредственнѣе. И вдругъ съ ней заговорили простымъ языкомъ... новообъявившіеся соціалисты. Петроградскій ядъ уже успѣлъ проникнуть въ Ялту. Было заявлено безъ всякихъ обиняковъ, что въ Россіи произошла не политическая, а соціалистическая революція, и дабы растолковать массѣ эти «ученыя слова», былъ данъ немедленно комментарій: наступила пора мести за всѣ вѣковыя несправедливости («достаточно нашей кровушки попили» было заявлено однимъ изъ ораторовъ) и что первымъ долгомъ революціи является уничтоженіе монархистовъ - помѣщиковъ и буржуевъ - капиталистовъ.

Впервые на этомъ митингѣ было заявлено въ Ялтѣ, что солдаты отнынѣ полноправные граждане, въ рукахъ которыхъ находится вся власть.

Самое подлое во всей этой исторіи было то, что одинъ изъ говорившихъ демагоговъ былъ въ частной жизни буржуй - спекулянтъ, который немного спустя долженъ былъ удрать изъ Ялты, такъ какъ онъ проворовался на поставкахъ. Въ Петроградѣ, можетъ быть, былъ фанатизмъ, здѣсь же была холодная демагогія.

Я ожидалъ, что кто - нибудь изъ президіума или изъ

офицеровъ выступитъ съ гнѣвнымъ отвѣтомъ всѣмъ этимъ сѣятелямъ раздоровъ и гражданской войны. Но никто не откликнулся. Неужели толпа разойдется подъ вліяніемъ этихъ ядовитыхъ рѣчей? Я рѣшился выступить, несмотря на то, что я былъ совершенно неизвѣстенъ въ городѣ и что я былъ еще очень слабъ. Но я долженъ былъ высказать толпѣ свою святую правду. Началъ я съ указанія, что данная революція является конечнымъ звеномъ въ длинной цѣпи, начинающейся Радищевымъ и декабристами, т. е. представителями высшей аристократіи. Первыми жертвами борьбы съ самодержавіемъ были дворяне-помѣщики, первыми пошли на каторгу князья Трубецкіе и Волконскіе и лишь тридцать лѣтъ тому назадъ появились на сцену пролетаріи. «Одинъ изъ ораторовъ, сказалъ я, говорилъ о солнцѣ русской революціи. Не забывайте же что въ ослѣпительномъ свѣтѣ этого солнца участвуютъ всѣ лучи, начиная ультра - фіолетовыми и кончая ярко-красными». Я нарисовалъ картину послѣдствій классовой боьбы и гражданскаго междуусобія въ военной обстановкѣ. Я предсказалъ побѣду нѣмцевъ, Брестъ - Литовскій похабный миръ и даже то, что по ялтинской набережной будутъ маршировать германскіе солдаты, если мы не сохранимъ дружнаго согласія въ нашей средѣ. И когда я пригласилъ всѣхъ присутствующихъ поклясться въ томъ, что всѣ партійныя ссоры будутъ забыты до конца войны и что всѣ поддержатъ Временное правительство, площадь огласилась громогласнымъ крикомъ: «Клянемся!»

Я не знаю, поняла ли вся масса мою рѣчь, но въ этотъ моментъ казалось, что вся толпа внутренне примирена. Одного я навѣрное достигъ: «буржуи», офицеры и несоціалистическіе интеллигенты стали бодрѣе, ихъ растерянность исчезла. И вдругъ меня охватило жуткое чувство, когда послѣ моей рѣчи оркестръ по чьему-то приказанію заигралъ марсельезу: всѣ знамена склонились, солдаты взяли «на караулъ», а старые царскіе офицеры салютовали съ такой же точностью, какъ прежде при звукахъ «Боже царя храни!». Я осмотрѣлся вокругъ себя: я былъ единственнымъ въ военномъ мундирѣ, который не взялъ подъ козырекъ при звукахъ марсельезы, несмотря на то, что моему уху она была привычнѣе, чѣмъ ушамъ очень многихъ участниковъ митинга. Чувствовалась фальшь, осязалось полное безволіе всѣхъ этихъ столь стремительно приспособившихся къ требованіямъ даже не толпы, а не-

большой кучки демагоговъ. И эта фальшь, и это безволіе офицерства и буржуазной интеллигенціи ввергли Россію въ бездну большевизма.

Когда я возвращался съ митинга, ко мнѣ подходили знакомиться офицеры и штатскіе. Одинъ генералъ сдѣлалъ мнѣ упрекъ, какъ я могъ предположить, что нѣмцы явятся въ Ялту. «Вы — хорошій ораторъ, но плохой стратегъ», сказалъ онъ мнѣ. Послѣ четырнадцати мѣсяцевъ мое предсказаніе сбылось.

Въ тотъ же день я былъ приглашенъ на обѣдъ въ одинъ аристократическій домъ, гдѣ присутствовали и представители старой бюрократіи. Всѣ мои собесѣдники высказались въ духѣ примиренія съ революціей, если только она пойдетъ по начертанному мною плану. Тоски по монарху я тогда не замѣтилъ среди монархистовъ. Это легкое примиренчество меня раздражало и я не удержался отъ того, чтобы не сказать имъ, что виновники революціи — они, что если бы они своевременно согласились на широкую аграрную реформу съ выкупомъ земли и на умѣренную конституцію, мы не имѣли бы второй революціи. Никто мнѣ ничего не возразилъ, а хозяинъ дома мнѣ тихо сказалъ:

«Да, вы правы, мы ошибались!»

Поздно вечеромъ я отправился домой: по пути я впервые натолкнулся на пьяныхъ и растрепанныхъ солдатъ, распѣвавшихъ циничныя пѣсни. Море блестѣло отъ разсыпаннаго по немъ луной серебра, а на душѣ было страшно тоскливо...

V

ПЕРВАЯ БОРЬБА.

На слѣдующій день послѣ митинга я получилъ приглашеніе отъ еще незнакомаго мнѣ уѣзднаго комиссара Н. Н. Богданова притти къ нему для переговоровъ объ очень важномъ дѣлѣ. Я никакъ не могъ догадаться, о чемъ идетъ рѣчь, такъ какъ я ни съ кѣмъ не былъ знакомъ въ Ялтѣ. Можно себѣ представить мое удивленіе, когда при первомъ свиданіи безъ всякихъ предисловій я получилъ предложеніе редактировать мѣстную газету, оффиціальный органъ новой власти, который долженъ былъ замѣнить органъ старой власти. Оказалось, что Богдановъ не зналъ вовсе меня, ни моихъ взглядовъ, ни моего литературнаго стажа. Онъ только слыхалъ мою рѣчь на митингѣ. Никакой программы онъ мнѣ не предписывалъ. Все наше соглашеніе сводилось къ поддержкѣ Временнаго Правительства.

Для меня это предложеніе было не такъ просто. Въ молодые годы я писалъ очень много въ общей прессѣ — русской, болгарской и нѣмецкой. Но съ 1907 г. я писалъ только въ русско - еврейской прессѣ, отдавшись цѣликомъ разработкѣ сіонистскихъ вопросовъ. И книги, и брошюры мои были посвящены только сіонизму. При этомъ я всегда былъ совершенно независимымъ литераторомъ, который подчинялся только своей субъективной правдѣ. И вдругъ стать редакторомъ общерусской провинціально, да еще оффиціальной газеты! Но Богдановъ сразу же мнѣ гарантировалъ полнѣйшую независимость. Когда въ разговорѣ выяснилось, что въ Ялтѣ дѣйствительно нѣтъ другого лица, которое могло бы взять на себя редактированіе кадетской, т. е. буржуазно - демократической газеты, ибо мѣстныхъ литераторовъ не было, а пріѣзжіе были всѣ соціалистами, тогда я согласился взять на себя эту тяжелую работу. Не надо было быть большимъ проро-

комъ, чтобы предвидѣть, что я стану мишенью всѣхъ лѣвыхъ.

Въ первые же дни моего редактированія я развилъ свою платформу: 1) въ Россіи соціалистическая революція невозможна, а лишь буржуазно - демократическая; 2) двоевластіе — недопустимо, ибо оно обозначаетъ безвластіе, а поэтому вся власть должна принадлежать Временному Правительству; 3) коренныя соціальныя реформы должны быть отложены до созыва Учредительнаго Собранія по окончаніи войны; 4) всѣ силы страны должны быть сосредоточены на скорѣйшемъ доведеніи войны до побѣднаго конца. Не скажу, чтобы эта программа отличалась большой оригинальностью: она также была продиктована Петроградомъ. Въ глубинѣ души я съ самаго начала сомнѣвался, сможемъ ли мы одновременно дѣлать великую революцію и вести великую войну' Уже въ мартѣ 1917 г. я формулировалъ: или малая революція съ великой войной, или великая революція безъ войны. Я, понятно, предпочиталъ первое, а не второе. Но въ общемъ возбужденіи казалось: авось удастся объединить вмѣстѣ и великій переворотъ и грозную войну. Я и теперь думаю, что это удалось бы, если бы у насъ была крѣпкая власть. Скажу еще больше: не будь у буржуазной демократіи страха передъ возможной реакціей правыхъ, не переоцѣни она силы сторонниковъ самодержавія, у насъ было бы крѣпкое Временное Правительство безъ Керенскаго и безъ Совѣтовъ.

Какъ бы то ни было, я выступилъ въ защиту кадетской и опредѣленно антисоціалистической программы. Она вызвала рѣзкіе протесты со стороны всѣхъ соціалистовъ. Меня окрестили «соціалистоѣдомъ». Въ одномъ отношеніи они были правы: органъ коалиціоннаго правительства не могъ быть одностороннимъ. Была назначена редакціонная коллегія, въ составъ которой вошли кадетъ Богдановъ, эсъэръ Приселковъ, плехановецъ Венгленскій и я. Мнѣ эта разношерстная коллегія была не по душѣ: я органически не могу писать статьи подъ диктовку, или даже подцензурно. Особенно противна мнѣ была своеобразная стыдливость, охватившая тогда почти всю нашу интеллигенцію, даже буржуазную: стыдливость передъ буржуазностью и передъ утвержденіемъ частной собственности, какъ важнѣйшаго фактора современнаго прогресса. У всѣхъ было стремленіе прикрыться фиговымъ листомъ соціализма, причемъ никто не давалъ себѣ

отчета, къ чему послѣдній обязывалъ. Онъ воспринимался какъ нѣчто гуманное, хорошее, согрѣвающее, безобидно - мессіанское. Что соціализмъ означаетъ не только конфискацію земли, но и полное уничтоженіе всякой частной собственности, что соціализмъ, основанный на борьбѣ классовъ, очень далекъ отъ гуманности, а долженъ обязательно привести къ жестокой, кровопролитной гражданской войнѣ — всего этого наши мягкотѣлые соціалисты изъ буржуевъ никакъ не хотѣли уразумѣть. Кто не понимаетъ *этой* психологіи русской интеллигенціи, которой были заражены и кадеты, тотъ не понимаетъ всей нашей революціи. Противъ этой психологіи я счелъ нужнымъ бороться, чему мнѣ мѣшала навязанная мнѣ редакціонная коллегія и поэтому я старался создать совершенно независимую газету, что мнѣ удалось очень скоро. Создалось акціонерное общество при главной поддержкѣ Н. Х. Денисова и моя газета стала абсолютно безцензурной, ибо акціонеры въ редакціонныя дѣла не вмѣшивались. Тогда газета подъ названіемъ «Ялтинскій Голосъ» быстро пріобрѣла много друзей и имѣла многихъ яростныхъ враговъ. Всѣ съ ней считались. Я преслѣдовалъ своей газетой и еще одну цѣль: перевоспитать наши правые круги, заставить ихъ понять, что Россію спасетъ лишь одинъ принципъ: *ни соціализмъ, ни реакція.* Буржуазная демократія не поняла, что въ первые мѣсяцы послѣ революціи можно было перевоспитать т. н. верхи общества и примирить ихъ со всѣми требованіями эволюціоннаго прогресса и тѣмъ самымъ значительно уменьшить общественную рознь.

Къ сожалѣнію, петроградская демагогія систематически отравляла своимъ ядомъ всю провинцію и внутреннія противорѣчія углублялись съ каждымъ днемъ.

Въ Ялтѣ, какъ и во многихъ другихъ городахъ, въ первой половинѣ марта образовался «Комитетъ общественной безопасности». Это было чисто искусственное созданіе, такъ какъ никакая опасность не угрожала ни съ какой стороны революціи въ Ялтѣ. Слѣпые подражатели французской революціи были полнѣйшими невѣждами въ ея исторіи и совершенно не знали, въ какой именно моментъ эти комитеты появились во Франціи. Единственно, что тогда дѣйствительно начало угрожать Ялтѣ, это — воры и хулиганы. Но чтобы бороться съ этой опасностью, надо было или сохранить старую полицію, что было бы всего лучше, или же немедленно создать порядочную ми-

лицію. Но этимъ дѣломъ не занимались, а боролись противъ вѣтрянныхъ мельницъ, противъ несуществующей контръ - революціи.

Началась своеобразная «демократизація», которая представляла собою самую антидемократическую сущность: создавались представительные органы, фальсифицировавшіе общественное мнѣніе. Огромная обывательская масса — основа истинной демократіи — пошла на смарку, а были представлены партіи, т. е. самочинно образовавшіеся комитеты, которые выступали отъ имени всей трудовой массы. Очень хитро была произведена слѣдующая махинація: вся несоціалистическая масса — одна группа, а соціалисты разбились на четыре группы: эс-эры, эс-деки, народные соціалисты и... проффессіональные союзы. Во всѣхъ представительныхъ органахъ соціалисты получали такимъ образомъ въ четыре раза большее представительство, чѣмъ всѣ несоціалисты вмѣстѣ взятые. Получалась картина, что подавляющее большинство населенія соціалистическое. Такъ было въ Ялтѣ, такъ было во всей Россіи. Такъ образовался нашъ «Комитетъ общественной безопасности», въ которомъ кадетовъ было всего 3 человѣка, а огромное большинство его состояло изъ представителей разныхъ оттѣнковъ соціалистическаго лагеря. Это не мелочь, а основа всего революціоннаго процесса въ Россіи. Это менѣе бросалось въ глаза въ Петроградѣ и вообще въ крупныхъ городахъ съ значительнымъ фабричнымъ пролетаріатомъ и многочисленной деклассированной интеллигенціей. Но въ Ялтѣ ничего этого не было. До пріѣзда эмигрантовъ и амнистированныхъ изъ Сибири въ Ялтѣ вообще не было ни одного крупнаго соціалиста. Ивины и Филипповы, какъ я уже сказалъ, были полуграмотныя сошки, при старомъ режимѣ мирно уживавшіяся съ ген. Спиридовичемъ. Но опираясь на авторитетъ петроградскаго Совѣта р. и с. д., эти сошки стали силой лишь потому, что буржуазія и обывательская масса представляли собою аморфную пыль людскую и крайне трусливую толпу. Особенно страшна была трусость несоціалистовъ: какъ раньше они безпрекословно подчинялись царскимъ заправиламъ, такъ они теперь пассовали передъ бурбонами изъ соціалистовъ.

15-го марта состоялось первое засѣданіе Ялтинскаго «Комитета общественной безопасности» въ помѣщеніи Земской Управы въ присутствіи многочисленной публики, состоявшей преимущественно изъ штатской молоде-

жи; изъ военныхъ замѣтилъ лишь нѣсколькихъ прапорщиковъ. На этомъ собраніи впервые выявилась у насъ въ провинціи болѣзнь, занесенная изъ Петрограда: зудъ говоренья. Произносились безконечныя рѣчи, въ которыхъ мысль отсутствовала. Ни одного практическаго плана, ни одного указанія на опредѣленное дѣйствіе, ни одного намека на нужды дня. Говорили съ одной цѣлью: вызвать аплодисменты слушателей. Пережевывали передовицы петроградскихъ соціалистическихъ газетъ. Все сводилось къ тому, чтобы доказать, что въ Россіи произошла соціалистическая революція и что первенствующая роль должна принадлежать «трудовымъ массамъ». Но выводовъ изъ этого не дѣлали, конкретныхъ требованій не формулировали и къ дѣйствіямъ не призывали, ибо обо всемъ этомъ изъ столичныхъ газетъ ничего нельзя было вычитать. Можно было лишь одно выловить изъ всѣхъ соціалистическихъ рѣчей: власть должна принадлежать не только правительству, но и совѣтамъ. А представители буржуазіи лишь защищались ссылкой на ихъ прогрессивность; никто изъ нихъ не осмѣлился выступить съ протестомъ противъ вмѣшательства совѣтовъ въ управленіе страной. И это было тѣмъ болѣе странно, что, если въ Петроградѣ войска съ самаго начала перешли въ лагерь анархіи, то у насъ въ провинціи развалъ арміи начался гораздо позже и намъ не приходилось бояться «бьющихъ» доказательствъ со стороны лѣвыхъ, что мы испытали гораздо позже.

Споры затянулись очень долго безъ всякихъ результатовъ, но соціалисты уже праздновали побѣду. Тогда я рѣшился парализовать эту побѣду. Я произнесъ краткую рѣчь, но предложилъ во время дебатовъ составленную мною резолюцію, которую я здѣсь привожу цѣликомъ:

«Комитетъ общественной безопасности города Ялты, принимая во вниманіе, что:

1. Временное Правительство всѣми своими дѣйствіями и опубликованной имъ программой гарантируетъ радикальное переустройство нашей родины на демократическихъ началахъ политической свободы и соціальной справедливости;

2. Первѣйшимъ условіемъ укрѣпленія революціонныхъ завоеваній является окончательный разгромъ германскаго милитаризма, единственнаго нынѣ оставшагося оплота европейской реакціи;

3. Для упроченія свободы Россіи и для разгрома внѣ-

шняго врага необходимо полное единеніе всѣхъ народныхъ силъ, партій, тыла и фронта,

пришелъ къ слѣдующему заключенію:

1. Временное Правительство должно фактически обладать всей полнотой власти, безъ помѣхи съ чьей бы то ни было стороны.

11. Отвергать всякія выступленія противъ доведенія войны до побѣдоноснаго конца.

111. Осуждать всякія дѣйствія, могущія ослабить боевую силу нашей арміи».

«Резолюцію эту, принятую при продолжительныхъ аплодисментахъ членовъ Комитета и присутствовавшей публики, постановлено послать Предсѣдателю Государственной Думы Родзянко, Предсѣдателю Совѣта Министровъ кн. Львову, Предсѣдателю Петроградскаго Совѣта рабочихъ депутатовъ и въ наиболѣе крупныя столичныя газеты».

Послѣдняя исполнительная часть резолюціи была также принята единогласно. По этой резолюціи читатель можетъ уловить смыслъ предшествовавшихъ дебатовъ. Въ этомъ собраніи впервые у насъ соціалисты, хотя и не очень отчетливо, формулировали три положенія: 1) углубленіе революціи; 2) миръ безъ аннексій и контрибуцій и 3) осуществленіе приказа № 1. Понятно, что все это прикатило къ намъ изъ Петрограда. Но надо признать, что и моя резолюція тоже была впервые формулирована въ Петроградѣ. Въ томъ-то и дѣло, что провинція своего, оригинальнаго, ничего не привносила въ революцію. Но какъ могло случиться, что моя резолюція была принята единогласно, т. е. и соціалистическимъ большинствомъ? Припоминаю: никто даже не пытался возражать противъ нея. Полнаго объясненія этого страннаго факта я не могу дать. Отчасти тутъ имѣло значеніе то, что въ Комит. Общ. Безоп. ни одного крупнаго соціалиста не было. Лишь позже появились у насъ въ Ялтѣ «сибирцы» и эмигранты. Но не менѣе важно и то, что вообще публика въ это время (15 марта) еще не была окончательно испорчена. Можно думать — я въ этомъ убѣжденъ, — что будь тогда въ самомъ Петроградѣ крѣпкая властная воля и вся революція развилась бы иначе.

Мои партійные друзья были въ восторгѣ по поводу единогласнаго принятія моей резолюціи. Но я лично не радовался побѣдѣ, ибо огромная масса обывателей, кровно заинтересованная въ мирномъ исходѣ переворота,

оставалась пассивной и ни къ какой борьбѣ не была способна. Тогда можно было воочію убѣдиться въ правильности теорій Лаврова, Парето и Сореля о главенствѣ «активнаго меньшинства» надъ пассивнымъ большинствомъ; тогда можно было также измѣрить всю интенсивность подражанія въ общественной жизни. Поэтому не могло быть сомнѣнія, что имѣющія прибыть на слѣдующій день петроградскія газеты опрокинутъ мою резолюцію и вновь углубятъ наши внутреннія противорѣчія.

Вечеромъ того же дня мой деньщикъ вдругъ обращается ко мнѣ не то съ совѣтомъ, не то съ просьбой, чтобы я снялъ погоны съ мундира, ибо въ противномъ случаѣ я могу имѣть непріятности. На мои распросы, въ чемъ дѣло, онъ мнѣ разсказалъ, что какой-то прапорщикъ, пріѣхавшій изъ Петрограда, привезъ бумагу, а въ этой бумагѣ пропечатано: чинопочитаніе отмѣняется, погоны снимаются, офицеры избираются солдатами, а кто ослушается, того арестовать. По провѣркѣ на слѣдующій день оказалось, что дѣйствительно никому неизвѣстный прапорщикъ подговорилъ солдатъ одного лазарета ходить по улицамъ и требовать отъ всѣхъ встрѣчныхъ офицеровъ снять погоны, а въ случаѣ отказа — срывать ихъ насильственно. На Набережной уже произошло одно столкновеніе офицера съ группой солдатъ, возглавляемой пріѣзжимъ прапорщикомъ. Итакъ, приказъ № 1 докатился и до насъ. Но не сразу онъ возымѣлъ вліяніе въ Ялтѣ и вообще въ Крыму, даже въ Севастополѣ съ его матросами. Офицеры у насъ еще долго могли спокойно носить свои погоны. Но прежнее спокойное равновѣсіе въ военной средѣ нарушалось все явственнѣе съ каждымъ днемъ. И началось разложеніе у насъ не съ солдатъ, а съ офицеровъ. Въ концѣ марта произошла смѣна коменданта, благодаря проискамъ нѣсколькихъ офицеровъ, объявившихъ себя эс-эрами. Новый комендантъ, кадровый капитанъ, оказался пьяницей и взяточникомъ, и несмотря на это, онъ пользовался большой популярностью среди лѣвыхъ, хотя и не долгое время. Я не знаю, какъ было въ столицахъ и на фронтѣ, но въ наблюдаемой мной провинціи разложеніе арміи произошло подъ вліяніемъ пропаганды демагоговъ, лишь благодаря тому, что среди офицеровъ оказались нестойкіе и даже нечестные элементы, ловившіе рыбу въ мутной водѣ.

При новомъ комендантѣ началось давленіе солдатской массы, возроставшее съ каждымъ днемъ. При немъ

было предъявлено требованіе объ уравненіи расходовъ на довольствіе солдатъ и офицеровъ въ лазаретахъ и объ уничтоженіи системы отдѣльныхъ лазаретовъ для солдатъ и для офицеровъ. Дѣло не въ этихъ требованіяхъ, а въ томъ, что эти требованія имѣли своими инициаторами не солдатъ, а военныхъ спецовъ, во главѣ съ комендантомъ, состоявшихъ при мѣстномъ совѣтѣ р. д. Тутъ вовсе не было заботы о солдатѣ, а стремленіе къ возбужденію страстей и озлобленія, т. е. къ гражданской войнѣ.

Противъ этого надо было бороться мѣстными средствами, такъ какъ отъ Петрограда никакой помощи ожидать нельзя было. Это стало для меня ясно послѣ возвращенія нашего комиссара изъ столицы. Кн. Львовъ созвалъ губернскихъ и наиболѣе видныхъ комиссаровъ въ столицу на совѣщаніе. Они ожидали получить отъ него указанія и инструкціи. Вмѣсто этого глава революціонной центральной власти, да еще въ обстановкѣ міровой войны, огорошилъ своихъ подчиненныхъ буквально слѣдующимъ заявленіемъ: «Господа комиссары, я васъ созвалъ не для того, чтобы васъ чему либо поучать, а чтобы отъ васъ получить указанія и разъясненія относительно положенія въ странѣ». Комиссары разъѣхались изъ столицы безъ всякихъ директивъ. Съ этого самаго дня центральная власть въ провинціи исчезла. Мѣстная власть вынуждена была дѣйствовать за собственный страхъ и рискъ. Надо было создать реальную силу, на которую можно было бы опереться. Ясно было, что въ военной обстановкѣ эту силу представляютъ прежде всего войска. Но на солдатъ лѣвые легче могли вліять, чѣмъ представители буржуазной демократіи. Первые могли легко прибѣгать къ демагогіи, а вторые должны были призывать къ исполненію долга. Попробовали мы организовать офицерство, очень многочисленное въ Ялтѣ. Открыто этого нельзя было дѣлать, ибо это углубило бы рознь; начались бы крики объ организаціи контръ - революціи, хотя наша единственная цѣль была укрѣпленіе Временнаго Правительства и поддержка порядка на мѣстахъ. Я попытался негласно организовать офицерство, но это мнѣ не удалось. Во-первыхъ, оно страдало мертвящей пассивностью, абсолютной политической безграмотностью, а главное, гражданской трусостью. Офицеры, за исключеніемъ перешедшихъ къ лѣвымъ, искали только покоя, не понимая, что покой пріобрѣтается борьбой. Во-вторыхъ, въ офицерствѣ преобладала тогда психологія недовѣрія къ Времен-

ному Правительству. Приказъ № 1-ый произвелъ убійственное впечатлѣніе на офицеровъ, такъ какъ извѣстные элементы упорно распространяли легенду, будто бы самъ военный министръ Гучковъ одобрилъ этотъ приказъ. А когда военнымъ министромъ сдѣлался Керенскій, это недовѣріе углубилось. Поэтому офицеры не считали для себя морально обязательнымъ защищать Временное Правительство, подвергаясь при этомъ опасности, ибо фактъ безнаказанности убійцъ офицеровъ въ Петроградѣ, Выборгѣ и Кронштадтѣ былъ извѣстенъ всѣмъ. Въ-третьихъ, большинство офицеровъ искренно вѣрило, что все случившееся — кошмаръ, который скоро прекратится самъ собой, какимъ-то чудомъ, а посему надо было спокойно выждать событія. А въ результатѣ всего этого получилась полная пассивность. Мѣстная власть висѣла въ воздухѣ или же вынуждалась исполнять волю всесильнаго совѣта, опиравшагося на солдатскую массу. Оставалось одно: искать опору въ обывательской массѣ.

VI

ОРГАНИЗАЦІЯ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ СИЛЪ

Лѣвые скоро получили свои кадры: въ концѣ марта и въ апрѣлѣ безпрерывно прибывали амнистированные «политическіе» изъ Сибири и эмигранты изъ - заграницы. Многіе изъ нихъ — но не всѣ — дѣйствительно были заражены чахоткой и несомнѣнно нуждались въ благословенномъ и чудотворящемъ климатѣ Ялты. Русская буржуазія тогда горячо откликнулась на призывъ Керенскаго и въ немного дней были собраны милліоны рублей для устройства всѣхъ т. н. жертвъ стараго режима. Ни Керенскій, ни буржуазія тогда не вѣдали, что они откармливаютъ на своей груди большевицкую змѣю, такъ какъ большинство, по крайней мѣрѣ, прибывшихъ въ Ялту «жертвъ» впослѣдствіи играли крупную роль въ мѣстномъ большевистскомъ террорѣ. Но это послѣ. А въ началѣ ихъ размѣстили въ Ливадійскихъ дворцахъ, въ самой идеальной обстановкѣ. Всѣмъ этимъ архидемократамъ очень льстило имѣть вокругъ себя мебель изъ царскихъ складовъ и ѣсть изъ посуды, разукрашенной царскими гербами. На ихъ прокормленіе былъ положенъ наивысшій окладъ, благо — буржуазія дала деньги. Мнѣ пришлось ближе познакомиться со всѣми этими амнистированными, такъ какъ я былъ назначенъ при нихъ консультантомъ по горловымъ и ушнымъ болѣзнямъ. Большинство изъ нихъ были латыши, совершившіе вовсе не чисто политическія преступленія: многіе изъ этихъ латышей совершили въ 1906 г. убійства. Были и евреи. Одинъ изъ нихъ совершилъ убійство въ Бѣлостокѣ при экспропріаціи мелкой колбасной лавочки, принадлежавшей старой еврейкѣ. Самыми симпатичными были грузины — всѣ были меньшевиками и интеллигентами. Особенно врѣзался мнѣ въ память благородный образъ одного изъ этихъ грузинъ, бывшаго привать - доцентомъ въ Петроградѣ. За что сослали этого мыслителя въ Сибирь, я такъ и не могъ понять. Онъ былъ убѣжденнымъ соціалъ - демокра-

томъ, но едва ли онъ былъ опасенъ существующему режиму. Русскихъ было сравнительно мало, изъ выдающихся — ни одного.

Но несомнѣнно одно: вся наша мѣстная жизнь стала совершенно иной очень скоро послѣ прибытія «ливадійцевъ», какъ у насъ называли всѣхъ этихъ пансіонеровъ Ливадійскихъ дворцовъ. Одинъ изъ нихъ, Сосновскій, вскорѣ сдѣлался предсѣдателемъ мѣстнаго совѣта р. д. Тогда въ совѣтѣ заняли мѣста и солдаты изъ лазаретовъ. Къ концу апрѣля было ясно, что почти всѣ солдаты признали надъ собой гегемонію эс-эровъ. Въ этомъ отношеніи сыгралъ огромную роль уходъ П. Н. Милюкова изъ Временнаго Правительства. Петроградскіе кадеты недооцѣнили значеніе этого факта, ибо иначе они ни въ коемъ случаѣ не согласились бы на него, но мы въ провинціи сразу почувствовали, что произошла роковая перемѣна. Отставка Милюкова окончательно укрѣпила эсэровъ въ провинціи, хотя Керенскій еще не сталъ министромъ - предсѣдателемъ. Съ этого момента дѣйствительно появляется у насъ эс-эровская общественность. Она, какъ мы уже указали выше, была подкрѣплена татарами, которые изъ ненависти къ шефу кадетской партіи, провозгласившему имперіалистическія требованія по отношенію къ Константинополю и Дарданелламъ, оторвались отъ всей кадетской организаціи и перешли въ лагерь эс - эровъ. Наконецъ, крымскіе эс - эры получили огромное подкрѣпленіе со стороны матросовъ черноморскаго флота,впослѣдствіи составившихъ главную силу большевиковъ. Но лѣтомъ 1917 г. всѣ матросы поголовно объявили себя сторонниками Чернова и Керенскаго. Комиссаромъ по флоту былъ назначенъ, понятно, эс-эръ: Бунаковъ - Фундаминскій.

Соціалъ - демократы были въ ту пору менѣе демагогичны, чѣмъ соц. - рев.: они опирались на рабочихъ и на незначительную часть интеллигенціи. Ихъ главная сила была въ портовыхъ рабочихъ Севастополя; въ Ялтѣ рабочихъ было очень мало, а потому и партія с. - д. у насъ была невелика.

Что же сдѣлали кадеты въ области организаціи общественныхъ силъ? Очень немного.

Уѣздный комиссаръ Н. Н. Богдановъ, въ качествѣ стараго кадета, созвалъ нѣсколько десятковъ гражданъ для организаціи мѣстной кадетской партіи. На первомъ же собраніи столкнулись двѣ системы: я предложилъ, что-

бы въ партію были допущены всѣ лица, которыя въ данное время признаютъ кадетскую программу, независимо отъ ихъ прежней партійной принадлежности. Наступили новыя премена, говорилъ я, и партіи должны перестраиваться; мы переживаемъ бурное революціонное время и намъ нужно собрать внушительныя силы для осуществленія опредѣленныхъ практическихъ цѣлей. Но мнѣ былъ противупоставленъ принципъ «бѣлизны ризъ» всѣхъ новопоступающихъ членовъ, а посему настаивали на недопущеніи въ партію всѣхъ тѣхъ, которые въ прошломъ были правѣе кадетовъ. Къ сожалѣнію, послѣдній принципъ побѣдилъ, благодаря авторитету ветерана кадетской партіи, И. И. Петрункевича, жившаго тогда въ Гаспрѣ близъ Ялты. Надо помнить, что все это происходило въ провинціи, гдѣ извѣстны поступки и мысли каждаго обывателя. Кто разъ посѣтилъ градоначальника Спиридовича, уже недостоинъ вступить въ лоно кадетской партіи, какъ будто мы собирались основать орденъ рыцарей св. Грааля, а не боевую политическую партію.

Къ тому еще типичная брезгливость русскаго интеллигента - либерала по отношенію ко всѣмъ недипломированнымъ, ко всѣмъ торговцамъ (а въ Ялтѣ англизированныхъ купцовъ не было)! Тотъ же кадетъ, который долженъ отстаивать буржуазные принципы, не рѣшается публично якшаться съ мелкимъ торговцемъ, простымъ лавочникомъ и мелкимъ ремесленникомъ. Онъ не способенъ, какъ радикалъ - соціалисты во Франціи (по программѣ близкіе къ русскимъ кадетамъ), собирать въ провинціальномъ ресторанѣ мелкую буржуазію для привлеченія ея въ свой лагерь. По существу, кадетская партія, будучи по своей программѣ демократична, по психологіи своей — барская, господская. Къ несчастью, послѣ переворота большинство интеллигентныхъ баръ напялили на себя соціалистическіе плащи. Наименѣе демагогически настроенные интеллигенты превратились въ стыдливыхъ соціалистовъ, т. е. въ т. н. «народныхъ соціалистовъ». Благодаря буквѣ «с» въ ихъ титулѣ, они удостаивались чести быть допущенными въ совѣты р. и с. д. и участвовать въ процессѣ «углубленія революціи», что и привело насъ къ побѣдѣ большевиковъ. Такимъ образомъ, кадеты остались незначительной группой, ибо что было до переворота правѣе кадетовъ, не допускалось въ партію и въ то же время страшная тяга интеллигенціи къ буквѣ «с».

Это было въ городахъ. А въ деревню мы даже досту-

па не имѣли. Что касается татарской деревни, то она была для насъ закрыта за семью замками по вышеуказаннымъ причинамъ. Но и въ русскую деревню Таврической губерніи мы проникнуть не могли. У насъ не было общаго языка съ крестьянами, несмотря на то, что въ Тавріи большинство крестьянъ — богатые и многоземельные, которые только могли пострадать отъ чернаго передѣла, что и случилось въ дѣйствительности. Но кадетская партія не обладала ни подходящими инструкторами, ни соотвѣтствующей агитаціонной литературой. Однимъ словомъ, она обслуживала лишь очень тоненькій слой городской интеллигенціи и культурныхъ обывателей, она представляла демократію безъ демократическихъ массъ. Другими словами, литература, а не бытъ. Въ этомъ была ея глубочайшая трагедія, имѣющая свои корни во всей многовѣковой русской исторіи.

Когда впервые былъ созванъ губернскій кадетскій съѣздъ въ Симферополѣ, то оказалось, что имѣются незначительныя ячейки лишь въ уѣздныхъ городахъ и то не во всѣхъ. И если, несмотря на это, кадеты играли замѣтную роль во всей общественной жизни и въ политической борьбѣ Крыма и даже всей Тавріи, то это объясняется убогостью соціалистической интеллигенціи, которая была вынуждена просить сотрудничества кадетскихъ интеллигентовъ во всѣ минуты трудныя.

Но всѣ эти объясненія не исчерпываютъ глубины явленій, выплывшихъ наружу въ процессѣ организаціи общественныхъ силъ лѣтомъ 1917 г. Основной признакъ этого времени — полное отсутствіе идеализма. Несомнѣнно, что въ основѣ всякой общественной борьбы лежатъ матеріальные интересы. Но обыкновенно они не выступаютъ во всей своей наготѣ. Сколько безграничнаго идеализма было въ великой французской революціи! Сколько идеализма было и въ русскомъ революціонномъ движеніи до 1905 г.!

Повторяю: я не говорю о всей Россіи, а о томъ краѣ, который я непосредственно наблюдалъ. Тутъ революціонное движеніе съ самаго начала носило грубо матеріалистическій характеръ, который никакъ не зависѣлъ отъ грубости массъ, а исключительно отъ озлобленія вождей «революціонной демократіи». Это они внушили массамъ презрѣніе къ политической свободѣ, къ дѣйствительно демократическому міровоззрѣнію. Съ самаго начала они выявили «волю къ власти» въ самой первобытной формѣ.

Уже въ мартѣ началась полоса стачекъ — типографскихъ рабочихъ, грузчиковъ, служащихъ въ гостинницахъ, прикащиковъ, аптекарскихъ служащихъ и т. д. Мнѣ приходилось быть предсѣдателемъ третейскихъ судовъ, разбиравшихъ эти конфликты. Что поражало, это не несоразмѣрная высота требованій, а озлобленіе зачинщиковъ стачекъ. Никогда не забуду выраженія лица лакея, заявившаго на третейскомъ разбирательствѣ: «Теперь пришло наше время побарствовать»! Это лакейское требованіе «побарствовать» было характерно для всей нашей революціи.

Отмѣчу, что въ интимныхъ бесѣдахъ нѣкоторые изъ соціалистовъ сами жаловались на полное отсутствіе идеализма, но стоило имъ очутиться на митингѣ, какъ они немедленно превращались въ самыхъ крайнихъ демагоговъ.

Но что же означало все это?

Революція началась при полномъ отсутствіи прочныхъ общественныхъ организацій. Ихъ надо было создать уже послѣ переворота. Охватившая всѣхъ жажда власти заставила каждое изъ общественныхъ теченій гнаться за количествомъ своихъ послѣдователей, не заботясь объ ихъ качествѣ, которое требовало долгаго воспитанія массъ. Куда проще было привлечь симпатіи солдатской массы обѣщаніями вродѣ уничтоженія дисциплины, уравненія съ офицерами въ довольствіи и жалованіи, а главное — прекращеніе войны немедленно. «Безъ аннексій и контрибуцій» не только было воспринято у насъ массами, какъ прекращеніе войны и демобилизація, а именно такъ имъ было растолковано вождями. Еще болѣе: солдатская масса не сразу усвоила это толкованіе; нѣкоторое время она придерживалась принциповъ оборончества, но вожди ея изо дня въ день ее развращали своей демагогіей.

Но не всѣ политическія партіи могли прибѣгать къ демагогіи. До сентября 1917 г. въ нашемъ краѣ пальма первенства въ демагогіи принадлежала эс-эрамъ. За ними шли соціалъ - демократы. Изъ соціалистическихъ партій не прибѣгали къ демагогіи народ. соціалисты и въ особенности плехановцы. Зато они до конца могли собрать вокругъ своихъ знаменъ лишь крошечныя группы послѣдователей. Само собой понятно, что кадетская партія избѣгала демагогіи въ Крыму. Во всѣхъ своихъ публичныхъ докладахъ и выступленіяхъ мы безстрашно выясняли границы возможнаго и необходимости момента. Припом-

ню для характеристики слѣдующее: кажется, въ августѣ П. Н. Милюковъ гостилъ у И. И. Петрункевича. Мы его попросили прочесть докладъ въ Ялтѣ. Просторная зала была биткомъ набита разношерстной публикой, между прочимъ, и солдатами. Выслушали докладъ сравнительно спокойно. Вмѣсто дебатовъ — подача записокъ. Вдругъ съ галерки раздается громовой голосъ: «А ты за выкупъ земли?» Не долго задумываясь, нынѣшній вождь республиканско - демократической партіи отвѣтилъ: «Да, я за выкупъ, ибо кадетская партія противъ грабежей». Въ Ялтѣ все обошлось благополучно. Черезъ нѣсколько дней Милюковъ повторилъ свой докладъ въ Симферополѣ. Когда все кончилось, студенты вынесли оратора на рукахъ, а солдаты собирались исколотить его и лишь чудомъ Милюковъ тогда спасся отъ непріятной встрѣчи съ «революціонными массами».

Тоже самое было со мной во время доклада въ Симферополѣ о требованіяхъ кадетской партіи. По серединѣ моей рѣчи вдругъ раздается крикъ: «Арестовать этого толстопузаго буржуя». Я даже не понялъ, къ кому это относится, ибо я тѣломъ, къ сожалѣнію, очень легкаго вѣса, но вдругъ къ трибунѣ подошли шесть солдатъ, оправляя пояса. Окончилось благополучно: какой-то унтеръ - офицеръ заступился за «свободу слова».

Все это показываетъ, что въ сумбурное время послѣ переворота кадетская партія не могла привлечь широкія массы на свою сторону; побѣда должна была остаться за демагогами и за тѣми, которые думали только о разрушеніи и о грубо матеріальномъ блаженствѣ, нисколько не заботясь ни о созданіи новой жизни, ни о сохраненіи культурныхъ цѣнностей. Къ сожалѣнію, кадетскіе вожди были настроены оптимистически и не чувствовали всей трагедіи, смыслъ которой выяснился для меня немедленно послѣ ухода Милюкова изъ правительства. А кн. Львовъ сохранилъ свой благодушный оптимизмъ даже гораздо позже, когда онъ прибылъ въ Ялту послѣ передачи имъ власти Керенскому.

VII

ЛИКВИДАЦІЯ СТАРОЙ И СТРОЕНІЕ НОВОЙ ЖИЗНИ

Ликвидація старыхъ формъ жизни началась на завтра послѣ переворота: съ самаго начала были прогнаны всѣ административныя власти, начиная губернаторомъ и кончая послѣднимъ полицейскимъ. Что изъ этого вышло я уже упоянулъ: необычайный ростъ уголовщины, особенно кражъ, и взяточничество милиціи.

Сильное впечатлѣніе произвела на меня расправа съ тѣми, которые такъ или иначе были причастны къ старой охранкѣ. Всѣ они были арестованы и черезъ нѣкоторое время преданы общественному суду. Замѣчу только, что списокъ главныхъ охранниковъ былъ своевременно уничтоженъ старой жандармеріей и въ наши руки попали лишь мелкія сошки. Судъ былъ составленъ изъ представителей партій. Отъ кадетовъ я былъ делегированъ въ этотъ судъ. Предсѣдателемъ суда былъ, понятно, эс-эръ, бывшій въ царское время полицейскимъ врачемъ, а впослѣдствіи объявившій себя главой мѣстныхъ украинцевъ и сторонникомъ Петлюры. Судъ происходилъ въ Народномъ Домѣ, который былъ такъ заполненъ толпой, что нечѣмъ было дышать. Первымъ обвиняемымъ былъ приведенъ подъ усиленнымъ конвоемъ почтальонъ, разносившій письма, уже пожилой человѣкъ, отецъ многочисленнаго семейства. Обвинялся онъ въ томъ, что онъ приносилъ особо отмѣченныя письма въ жандармское управленіе, за что получалъ 10 рублей въ мѣсяцъ. Начался формальный допросъ. Обвиняемый ничего не отрицалъ, но заявилъ, что жандармы и безъ него имѣли право забирать на почтѣ всѣ угодныя имъ письма, и что ему платили только за то, что онъ носилъ письма, отобранныя его начальствомъ. Вѣроятно онъ не говрилъ всей правды. Онъ, очевидно, оказывалъ охранкѣ и другія мелкія услуги. Но въ общемъ онъ не былъ охранникомъ. Имѣя большую семью, онъ не могъ прокормить ее своимъ регулярнымъ жалова-

ніемъ. Но надо было присутствовать на судѣ, чтобы почувствовать все озлобленіе толпы! Одна толстая баба завопила на весь залъ, чтобы подсудимаго передали ей и она съ него живого сдеретъ кожу и сожжетъ его на медленномъ огнѣ. Сотни голосовъ орали: «выводи его на улицу и мы съ нимъ расправимся»! Одинъ изъ членовъ суда, только что вернувшійся съ каторги (совершилъ убійство въ 1906 г.), произнесъ зажигательную рѣчь, закончившуюся требованіемъ смертной казни. Чтобы избѣгнуть какого-нибудь несчастья, я попросилъ коменданта держать въ сосѣдней комнатѣ десятокъ вѣрныхъ солдатъ при полномъ вооруженіи. Послѣ долгихъ и мучительныхъ дебатовъ судъ ушелъ на совѣщаніе въ отдѣльную комнату. Начались долгіе споры между самими судьями. Эс-эры неистовствовали. Но эс-деки меня поддержали и мы ограничились общественнымъ выговоромъ и лишеніемъ права поступать на государственную или выборную службу въ продолженіе двухъ лѣтъ. Приговоръ, въ сущности, очень строгій, ибо онъ означалъ двухлѣтнюю голодовку для многочисленной семьи. Но когда судъ вернулся въ залу и былъ прочтенъ приговоръ, произошло нѣчто неописуемое: свистъ, галдежъ, крики «долой буржуевъ», что относилось спеціально ко мнѣ, «убить его», что касалось подсудимаго. Судьямъ уходитьс нельзя было, надо было вытерпѣть до конца. Но подсудимаго солдаты все-таки вывели изъ зала и исчезли съ нимъ. Въ общемъ возбужденіи толпа сразу этого не замѣтила, а скоро она начала проявлять признаки утомленія. Кто-то произносилъ рѣчи, болѣе спокойные элементы начали расходиться.Послѣ полуночи и судьи ушли. Я отказался впредь участвовать въ этомъ своеобразномъ судѣ. Въ тотъ вечеръ я впервые почувствовалъ ту массу озлобленія, которое накопилось въ толпѣ. Для меня было ясно, что переворотъ открылъ всѣ шлюзы, регулировавшія бытъ болѣе или менѣе культурной жизни, уничтожилъ всѣ задерживающіе центры въ варварской массѣ. При отсутствіи твердой власти съ такой массой новую жизнь созидать невозможно. Пришлось ограничиться символами новой жизни. Ихъ мы натворили очень много, но и существованіе ихъ было эфемерное.

Началось съ демократизаціи городского и земского самоуправленія. Она состояла въ томъ, что «третій элементъ» и самочинные комитеты делегировали своихъ представителей въ составъ общественныхъ самоуправленій. Казалось, что новые люди дѣйствительно внесутъ свѣжую

струю въ старое болото домовладѣльческой думы. А на самомъ дѣлѣ всѣ эти представители «революціонной демократіи» были богаты своими требованіями, не заботясь о бюджетѣ, но не своей творческой инициативой. Вообще, требовали правъ, отказываясь отъ обязанностей. А права обнимали, главнымъ образомъ, удобства матеріальной жизни и удовлетвореніе жажды власти. Скоро городская касса опустѣла и начались новыя затрудненія. Всѣ возлагали большія надежды на новыя общественныя управленія, избранныя по пятихвосткѣ. Впервые голосовали женщины. Начались приготовленія къ выборамъ. И тутъ впервые можно было наблюдать психологію массъ.

Первое, что безпристрастный наблюдатель могъ констатировать, это то, что всяческая демагогія легче, быстрѣе и глубже дѣйствовала на женщинъ. Вѣроятно поэтому бельгійскіе соціалисты неохотно признаютъ избирательное право за женщинами, которыя находятся въ Белгіи подъ сильнымъ вліяніемъ католическаго духовенства. Чтобы привлечь женщинъ, не надо было ломать себѣ голову. Соціалисты для нихъ выставили одно требованіе: увеличеніе пенсій, выдававшихся женамъ и семействамъ мобилизованныхъ солдатъ и удешевленіе всѣхъ продуктовъ. Что касается вздорожанія жизни, то въ Ялтѣ наблюдалось слѣдующее: первыя двѣ недѣли послѣ переворота всѣ съѣстные припасы — хлѣбъ, мясо, молоко, масло, яйца — подешевѣли. До сихъ поръ мнѣ непонятно, чѣмъ было вызвано это явленіе. Но съ половины марта всѣ цѣны поднимались. Отчасти причиной этому былъ огромный съѣздъ гостей въ Ялту; населеніе города и окре-стностей росло необычайно быстро. Но по существу мы страдали отъ всероссійскаго вздорожанія жизни вслѣдствіи разстройства всего продовольственнаго дѣла. И дѣйствительно цѣны росли чудовищно: въ началѣ марта я платилъ извощику, чтобы доѣхать изъ города въ мой лазаретъ, 50-60 копеекъ, въ началѣ апрѣля — 2 рубля, а въ іюнѣ — 5 рублей. Тутъ уже сказывались результаты инфляціи: деньги стали дешевыми. Понятно, что сильное вздорожаніе жизни вызывало недовольство низовъ. Раньше въ этомъ обвиняли правительство, а теперь, послѣ переворота, появился новый козелъ отпущенія: буржуй. На почвѣ вздорожанія жизни и благодаря агитаціи демагоговъ, масса возненавидѣла «буржуя» лютой ненавистью, а подъ нимъ подразумѣвался всякій, кто былъ въ состояніи сравнительно легко удовлетворить свои потребно-

сти. Надо признать, что состоятельные классы вели себя тогда просто неприлично: жили во всю, на показъ передъ всѣми. Кондитерскія были всегда переполнены, тоже самое всѣ гостинницы съ ихъ пышными обѣдами на открытыхъ террасахъ. На этой почвѣ агитація соціалистовъ въ массѣ была очень облегчена и спеціально среди женщинъ.

Какъ уже раньше было указано, всѣ солдаты къ моменту выборовъ въ городскую думу были окончательно распропагандированы эс-эрами. Къ этому еще присоединилось то, что вся техника выборовъ — составленіе списковъ, раздача бюллетеней и т. д., была цѣликомъ въ рукахъ соціалистовъ, такъ какъ всѣ служащіе въ Думѣ, весь «третій элементъ», были въ ихъ лагерѣ.

А главное, пропорціональные выборы по спискамъ! Я не знаю большей несправедливости *формально* справедливѣйшаго закона, большей антидемократичности *формально* самой демократической формулы, чѣмъ пореволюціонный избирательный законъ въ Россіи. Избиратели были превращены въ безгласныхъ машинъ для голосованія. Вся избирательная процедура была продѣлана комитетами безъ всякаго участія массъ. Вмѣсто конкретнаго человѣка доминировалъ номеръ списка. Сколько комическихъ сценъ можно было наблюдать передъ избирательными помѣщеніями въ день выборовъ. Да, пусть меня извинитъ читатель, но quod licet Jovi, non licet bovi. Я понимаю пропорціональные выборы въ высококультурной Швейцаріи, гдѣ всѣ граждане поголовно грамотны, гдѣ каждое крупное село имѣетъ свою мѣстную газету, гдѣ всякій читаетъ газету, а не употребляетъ ее на «цыгарку», гдѣ каждый состоитъ членомъ того или иного союза, клуба или общества, гдѣ, наконецъ, существуютъ вѣковыя традиціи политической борьбы. А у насъ въ Россіи пропорціональные выборы превратились въ пародію!

Для кадетской партіи первые выборы были пробнымъ камнемъ. Это мы всѣ сознавали. Энергичная дѣятельность нашей небольшой, но сплоченной группы дала блестящіе результаты. На первыхъ выборахъ въ Городскую Думу на основѣ пятихвостки за ялтинскихъ кадетовъ было подано 40% всѣхъ голосовъ: изъ пятидесяти гласныхъ по нашему списку прошли 20, несмотря на почти полный абсентеизмъ правыхъ и на индифферентизмъ офицеровъ, въ то время какъ солдаты поголовно голосовали за соціалистовъ. Къ сожалѣнію, въ другихъ городахъ Крыма результаты были менѣе блестящи для кадетовъ , что объясняет-

ся исключительно ихъ неорганизованностью и отсутствіемъ энергіи. Наша побѣда была тѣмъ болѣе удивительна, что мы выставили дѣловую муниципальную программу, безъ малѣйшаго намека на демагогію, безъ обѣщанія золотыхъ горъ, какъ это сдѣлали эс-эры.

Во время этихъ выборовъ впервые проявилась чудовищная политика правыхъ. Тогда еще не было у насъ большевиковъ, а самой крайней партіей являлась эс-эровская. Я не скажу — всѣ правые, но значительная ихъ часть выдвинула слѣдующую формулу: «лучше эс-эры, лишь бы не кадеты». Впослѣдствіи при выборахъ въ Учредит. Собраніе тѣ же правые повторяли: «личше большевики, лишь бы не кадеты». Съ удовольствіемъ отмѣчу здѣсь, что С. Д. Сазоновъ энергично протестовалъ противъ этой психологіи, которая въ сущности означала предательство родины. Правые умники разсуждали: всѣ эти эс-эры, а тѣмъ паче большевики, не удержатся долго у власти, а вотъ кадеты цѣпкіе люди и если они ухватятся за власть, они ее такъ скоро не выпустятъ изъ своихъ рукъ». И это говорилось уже послѣ того, какъ Милюковъ былъ вынужденъ подъ давленіемъ толпы подать въ отставку. Исходя изъ этой психологіи, правые большею частью воздержались отъ голосованія. Это, понятно, не мѣшало соціалистамъ утверждать, что кадеты прошли голосами правыхъ.

Наконецъ, Дума была избрана. Должна была начаться творческая работа. На самомъ дѣлѣ начались политическіе разговоры. Городская управа имѣла соціалистическое большинство, составленное преимущественно изъ пріѣзжихъ людей, не знавшихъ мѣстныхъ нуждъ и вообще абсолютно незнакомымъ съ веденіемъ городского хозяйства. Количество служащихъ росло съ каждымъ днемъ, а интересы обывателей были отодвинуты на заднiй планъ. Совѣтъ старѣйшинъ проводилъ цѣлыя ночи въ безплодныхъ дебатахъ и нисколько не разгружалъ пленарныхъ засѣданій. Для меня послѣднія были сплошнымъ страданіемъ потому что многіе изъ моихъ партійныхъ товарищей считали признакомъ политической мудрости итти на уступки лѣвымъ тамъ, гдѣ нужно было рѣзко отмежеваться отъ нихъ. Все, лишь бы не быть обвиненнымъ въ соціалистоѣдствѣ, говорили многіе изъ моихъ благодушныхъ партійныхъ товарищей. Фактъ тотъ, что за все время своего существованія (до прихода первыхъ большевиковъ) новая Дума не осуществила ни одной реформы, не упорядочила финансовъ, почти ничего не сдѣлала для

разрѣшенія мучительнаго продовольственнаго вопроса, не организовала порядочной отчетности. Касса пустѣла, дефицитъ росъ не по днямъ, а по часамъ, замедлялась уплата жалованія служащимъ. И несмотря на всеобщее разстройство хозяйства, а можетъ быть и благодаря ему, стоявшіе во главѣ его лѣвые заправилы старались увеличить свою «кліентуру» путемъ предоставленія мелкихъ выгодъ, особенно продовольственнаго характера. Помѣщеніе городской думы превратилось въ клубъ лѣвыхъ, гдѣ весь день толкались люди, о чемъ-то совѣщались, что-то устраивали и разстраивали, распредѣляли и собирали. Это льстило инстинктамъ низовъ: если всѣ продукты дорожали, зато они почувствовали себя хозяевами положенія, ибо всѣ искали ихъ расположенія и довѣрія. Ясно было, что въ послѣднемъ счетѣ масса послѣдуетъ за тѣми, кто имъ пообѣщаетъ больше всего, кто полнѣе всего удовлетворитъ ихъ жажду власти.

Организація новой жизни сводилась, такимъ образомъ, *къ развитію максимальной демагогіи*. Это явленіе вызывалось особенно острымъ чувствомъ непрочности, появившемся на завтра послѣ переворота. Одни боялись, что завтра вернется царь и перевѣшаетъ всѣхъ возставшихъ противъ него, другіе — что «буржуи» воспользуются всѣми выгодами переворота, третьи — что солдатская масса въ стихійно - бунтарскомъ движеніи смететъ всѣхъ и все.... Всѣ жили подъ не всегда сознательнымъ чувствомъ страха; увѣренности въ завтрашнемъ днѣ не было ни у кого. А извѣстно, что безъ сознанія увѣренности ничего нельзя создавать: страхъ можетъ только разрушать. Колоссально выросшій инстинктъ страха тоскливо искалъ исхода, каковой естественно могъ быть найденъ въ полномъ уничтоженіи того и чего, съ кѣмъ и чѣмъ боролись. Это и вылилось въ большевизмъ: уничтожить всѣхъ враговъ и страхъ исчезнетъ и получится ощущеніе прочности.

У насъ въ провинціи все это выразилось очень примитивно въ необычайномъ ростѣ озлобленія и ненависти низовъ къ «буржуямъ», подъ кѣмъ подразумѣвался не только богатый, но и просто культурный человѣкъ. «Буржуй» сталъ не только ругательнымъ словомъ, а фетишемъ ненависти. Классовая борьба приняла самыя первобытныя формы. Это была стихійная и жестокая вражда, насыщенная безумной жаждой мести.

Менѣе всего проявляли ненависть татары. Они не-

навидѣли лишь грековъ. Но классовая вражда имъ была чужда. Бѣдный татаринъ мирно уживался со своими собственными мурзами и русскимъ помѣщикомъ. Національно - религіозный моментъ былъ у нихъ гораздо сильнѣе соціальнаго, вслѣдствіе чего они, какъ я уже раньше указалъ, возненавидѣли кадетовъ, въ которыхъ они усматривали захватчиковъ Константинополя и обидчиковъ халифа. Но большевицкая психологія была совершенно чужда татарамъ.

Наоборотъ: эта психологія была очень сильно выражена у грековъ, къ которымъ принадлежали бѣднѣйшіе слои городского населенія. Они были первыми у насъ, которые уже лѣтомъ 1917 г. не могли произносить безъ скрежета зубовнаго слово «буржуй». Когда впервые пришли къ намъ большевики, греки заполнили ряды коммунистовъ.

Иную, очень сложную картину, представляли евреи: массѣ совершенно была чужда ненависть къ «буржую», ибо сама еврейская масса была глубоко буржуазна. Въ Ялтѣ не было и слѣда отъ еврейскаго пролетаріата. Но зато ассимилированная полуинтеллигенція - прикащики, фармацевты, нѣкоторые студенты, эмигранты и амнистированные — были раціоналистическими проповѣдниками классовой борьбы и ненависти къ «буржую». Помню: сынъ очень богатаго врача-еврея, владѣльца нѣсколькихъ домовъ, только что кончившій гимназію, особенно отличался своими злобствующими рѣчами и выступленіями, а одновременно съ этимъ онъ пописывалъ сентиментальные стихи, воспѣвавшіе любовь и миръ. Эта ненависть еврейской полуинтеллигенціи не была темпераментной, какъ у грековъ, а разсудочной, вычитанной изъ книжекъ, что не мѣшало ей быть жестокой, особенно по отношенію къ еврейской буржуазіи. Еще припоминаю: появилась у насъ Берта Зеленская, которую я зналъ молоденькой, кокетливой барышней въ моемъ родномъ городѣ Полтавѣ. Урожденная Венгерова, она принадлежала къ богатой и интеллигентной еврейской семьѣ, изъ которой вышелъ и писатель Венгеровъ. Будучи гимназисткой, она уловила въ свои сѣти «льва» еврейскаго полтавскаго общества, адвоката М. Д. Зеленскаго, годившагося ей по лѣтамъ въ отцы, и вышла за него замужъ.И ничего, кажется, не предвѣщало въ ней соціалистку и большевичку. Но уже въ 1905-06 г. г. она, распологая деньгами, выступаетъ въ Полтавѣ въ роли редакторши соціалистической газеты,

что кончается для нея печально: она угодила въ тюрьму, хотя и не надолго. И вдругъ она появляется у насъ въ Ялтѣ лѣтомъ 1917 г. Это она въ особенности взвинчивала на базарѣ бабъ и призывала ихъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ «буржуя». Но несмотря на всю истеричность ея существа, ея революціонный пафосъ былъ холодный, разсудочный, сознательный.

Необычайно страшна была ненависть русскихъ низовъ, включая солдатъ и матросовъ, къ состоятельнымъ классамъ, къ интеллигенціи и къ офицерству. «Пролетарская ненависть» превратилось въ выгодное ремесло, въ простой грабежъ, не останавливающійся передъ убійствами. Тутъ была жажда занять мѣсто бывшаго барина и самому побарствовать: чисто лакейская психологія. Хотѣлось занять особнякъ, одѣться въ шелка и бархатъ, напялить на себя чужіе брилліанты, напиться дорогими винами и поливать себя самыми дорогими духами. Не пролетарская, а бандитская ненависть, которая принимала отвратительныя формы издѣвательства надъ побѣжденнымъ противникомъ. Своего рода садизмъ варвара, полное отсутствіе элементарной жалости. Изначально первобытное и глубинное одновременно, а посему необычайно страшное.

Вотъ къ чему привела первая революціонная попытка организовать новую жизнь на основѣ пятихвостки. Всѣ попытки создавать — стихійно приводили къ разрушенію. Это стало для насъ ясно уже въ серединѣ іюля, когда Керенскій былъ въ апогеѣ своей славы и когда всѣмъ поверхностнымъ наблюдателямъ казалось, что онъ-то и есть настоящій диктаторъ, который совладаетъ со стихіей. Вскорѣ и самые близорукіе должны были убѣдиться, что Керенскій лишь орудіе въ рукахъ болѣе сильныхъ, чѣмъ онъ, что онъ невольно подготовляетъ пришествіе хамскаго царства Ленина. Я имѣю въ виду Корниловское выступленіе.

VIII

КОРНИЛОВСКОЕ ВЫСТУПЛЕНІЕ И ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОФИЦЕРСТВО

Въ провинціи слѣдили съ напряженнымъ вниманіемъ за поведеніемъ ген. Корнилова: одни съ огромными надеждами, другіе съ безпредѣльнымъ страхомъ. Одинъ полковникъ генеральнаго штаба явился ко мнѣ — если я не ошибаюсь, въ началѣ августа, — чтобы узнать мое мнѣніе о Корниловѣ. Я его зналъ лишь по перепискѣ съ однимъ другомъ, находившимся въ ставкѣ. Мой корреспондентъ, довольно лѣвый, увѣрялъ меня, что Корниловъ — убѣжденный демократъ, разочаровавшійся въ Романовыхъ и искренне вѣрующій въ возможность россійской республики, но въ то же время сторонникъ твердой власти, роспуска всѣхъ Совѣтовъ и рѣшительной борьбы съ большевизмомъ на фронтѣ и въ тылу. Я довѣрялъ моему другу и поэтому я за-глаза довѣрялъ тому, чье имя вызывало тогда любопытство и тревогу.

Все это я выяснилъ полковнику. Тогда я его спросилъ, что думаетъ офицерство о Корниловѣ. И я получилъ въ отвѣтъ: «за немногими исключеніями, оно вообще ничего не думаетъ, сбито съ толку и живетъ изо дня въ день». Переспективы не веселыя. Если все офицерство такъ настроено, тогда ген. Корнилову ничего не удастся, ибо на солдатъ надежды не было никакой.

И вдругъ получилась телеграмма Керенскаго, объявляющая Корнилова измѣнникомъ отечества и предателемъ революціи! Выпустить номеръ газеты безъ передовой статьи объ этомъ событіи было невозможно. Я взялъ подъ защиту ген. Корнилова въ умѣренныхъ, но рѣшительныхъ выраженіяхъ. На слѣдующій день приходитъ ко мнѣ одинъ изъ «лиьадійцевъ», бывшій долгое время эмигрантомъ, съ заявленіемъ, что отнынѣ вся власть въ городѣ принадлежитъ «военно - революціонному комитету» и что моя газета будетъ подвергаться цензурѣ. Я ему указалъ

на дверь и заявилъ, что никакой цензуры я не допущу, а если употребятъ насиліе, то я закрою газету. Мой незванный «цензоръ» видимо оторопѣлъ отъ такого пріема и вдругъ онъ обращается ко мнѣ съ вопросомъ: «Какъ вы, еврей, можете поддерживать реакцію?» (Онъ тоже былъ евреемъ). У меня не было никакой охоты излагать ему мои убѣжденія и я ему рѣзко отвѣтилъ: «Во имя счастія Россіи и русскаго еврейства я предпочитаю имѣть дѣло съ Корниловымъ, чѣмъ съ вами и съ вашими патронами. Но вотъ объясните мнѣ, какъ вы, старый революціонеръ, осмѣлились ко мнѣ явиться въ омерзительной роли душителя свободной мысли?» На это я получилъ въ отвѣтъ: «Революція имѣетъ свои законы». На этомъ мы разошлись.

Въ городѣ было тревожное настроеніе: военно - революціонный комитетъ началъ распоряжаться. Я отправился къ уѣздному комиссару Приселкову, который замѣстилъ Н. Н. Богданова, занявшаго мѣсто губернскаго комиссара въ Симферополѣ. Г. Приселковъ былъ идеально честный человѣкъ, но принадлежавшій къ эс-эрамъ, понятно, къ крайне правымъ изъ нихъ. Былъ онъ, какъ полагалось тогда русскому интеллигенту, безвольнымъ и мягкотѣлымъ человѣкомъ, неспособнымъ упражнять власть и бывшій въ плѣну у Совѣта, возглавляемаго «ливадійцемъ» Сосновскимъ, ставшимъ впослѣдствіи большевицкимъ комиссаромъ. Я пошелъ къ нему, чтобы узнать, получилъ ли онъ приказъ сдать власть какому-то «военно-революціонному комитету». Получилъ я отъ него уклончивый отвѣтъ: приказа о сдачѣ власти нѣтъ, но условія таковы, что образованіе пресловутаго комитета неизбѣжно. Впрочемъ, утѣшалъ онъ меня, все это скоро разъяснится и все войдетъ въ колею. Я понялъ, что съ этой стороны мнѣ нечего ожидать. Тогда я повернулся въ сторону офицерства. Уже раньше я старался при содѣйствіи полковника Д. сорганизовать многочисленное офицерство Ялты. Оно могло бы составить внушительную силу, если бы оно было энергично и дѣйственно. Съ большими предосторожностями было созвано немногочисленное собраніе делегатовъ офицерскихъ лазаретовъ и санаторій. Тутъ я узналъ, что днемъ члены военно - революціоннаго комитета обходили офицерскіе лазареты и требовали, чтобы офицеры подписались подъ заявленіемъ, признающимъ Корнилова измѣнникомъ. Вездѣ, хотя никакого сговора не было, офицеры отказались отъ дачи своихъ подписей, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что они политикой не зани-

маются. Это было не рѣшеніе вопроса, а обходъ его, что свидѣтельствовало о трусливости тѣхъ, на которыхъ я возлагалъ большія надежды. Лишь въ одной санаторіи, выслушавъ заявленіе комитетчиковъ, среди которыхъ былъ и прапорщикъ, полковникъ крикнулъ: «Г. прапорщикъ, станьте какъ слѣдуетъ, когда вы разговариваете съ полковникомъ!» Наступило смятеніе и кончилось тѣмъ, что революціонеры ушли ни съ чѣмъ. Понятно, тѣ офицеры, которые объявили себя эс-эрами, удовлетворили всѣ требованія в. - р. комитета, но ихъ было очень мало. Однако, изъ бесѣды съ офицерскими делегатами для меня стало ясно, что офицеры неспособны на борьбу, что они придерживаются политики: «моя хата съ краю». Сложна была психологія ихъ въ то время. Они прежде всего были сбиты съ толку и потеряли опредѣленнаго Бога въ сердцѣ. За исключеніемъ аристократическихъ гвардейцевъ, офицеры тогда не были ни монархистами, ни республиканцами, ни за Керенскаго, ни за Корнилова. Всѣ были крайне утомлены и жаждали одного: покоя. По воспитанію и навыкамъ они не были способны къ проявленію индивидуальной инициативы, а держались стадомъ, готовымъ итти за авторитетнымъ пастухомъ. Но въ это время всѣ авторитеты потеряли свое обаяніе. Изъ ихъ среды Наполеонъ не могъ выйти, ибо они были слишкомъ связаны съ прежнимъ режимомъ, а кромѣ того, никто изъ нихъ не былъ покрытъ славой одержанныхъ побѣдъ. Кастовое чувство тоже притупилось съ тѣхъ поръ, какъ въ тѣсную семью кадроваго офицерства была влита волна «штатскихъ» офицеровъ, среди которыхъ господствовали разночинцы. Мысль слабо работала, воля была ослаблена, а иниціатива была убита прежней системой.

Всѣ эти мысли прошли черезъ мое сознаніе, когда я выслушивалъ нескладныя и вялыя рѣчи моихъ собесѣдниковъ. Впрочемъ, одинъ изъ нихъ разсказалъ намъ слѣдующее: была сдѣлана попытка создать небольшую сравнительно армію, но хорошо дисциплинированную, во главѣ которой долженъ былъ стать Николай Николаевичъ. Однако, великій князь наотрѣзъ отказался стать во главѣ этого предпріятія, которое легко могло превратиться въ авантюру. Разъ у в. к. нѣтъ рѣшительности, говорилъ этотъ офицеръ, впослѣдствіи игравшій замѣтную роль въ добровольческой арміи,почему же требовать большей энергіи отъ простыхъ офицеровъ?

На этомъ кончилось наше собесѣдованіе, послѣ ко-

тораго для меня стало ясно, что мы катимся неизбѣжно по наклонной плоскости въ большевицкую бездну.

Корниловъ былъ великимъ русскимъ патріотомъ, но очень наивнымъ политическимъ дѣятелемъ. Его неудача значительно ускорила развалъ всей общественности. Съ этихъ поръ начинается у насъ въ провинціи царство солдатчины, которая отравляла всю нашу жизнь. Начался бытовой терроръ. На улицѣ срывали погоны у офицеровъ, въ вагонахъ всѣ лучшія мѣста захватывались солдатами, въ собраніяхъ они терроризировали ораторовъ буржуазнаго лагеря.

Черезъ нѣсколько дней происходило засѣданіе городской думы, посвященное не вопросамъ, интересовавшимъ жизнь города, а Корнилову. Такъ какъ я продолжалъ въ своей газетѣ отстаивать Корнилова, я сдѣлался мишенью для всѣхъ лѣвыхъ. Но я надѣялся на поддержку товарищей - гласныхъ изъ кадетской партіи. Къ сожалѣнію, послѣдніе сѣли межъ двухъ стульевъ: Корниловъ, молъ, не предатель, но его выступленіе заслуживаетъ порицанія, а главное, никто изъ кадетскихъ вождей не участвовалъ въ авантюрѣ Корнилова. Лѣвые все время пытались отождествить послѣдняго съ кадетской партіей, спеціально съ Милюковымъ, и требовали, чтобы городская дума вынесла осужденіе обоимъ — и Корнилову, и кадетамъ. Зала была заполнена солдатами, ежеминутно осыпавшими кадетскихъ ораторовъ угрозами. Я и въ Думѣ продолжалъ стоять на своей позиціи и оказался одинокимъ. Была послѣ долгихъ дебатовъ принята резолюція, которая могла быть истолкована какъ угодно, но въ общемъ содержавшая порицаніе Корнилову. Противъ нея голосовали лишь двое гласныхъ: я и еще одинъ гласный. Я былъ внѣ себя отъ возмущенія. На мои протесты послѣ засѣданія одинъ изъ кадетовъ мнѣ возразилъ: «Что вы хотите отъ насъ? Мы, кадеты, не революціонеры и никогда ими не станемъ. Наша партія можетъ быть сильной и вліятельной лишь въ мирное время, когда творится культурная систематическая работа. А теперь намъ грошъ цѣна. Со стихіей мы не совладаемъ, можетъ быть, съ ней справится Керенскій. Поэтому мы теперь не можемъ быть за Корнилова. Къ чему привела его неудача, можно было констатировать въ сегодняшнемъ засѣданіи, гдѣ озвѣрѣвшія лица солдатъ наводили ужасъ на всѣхъ».

— А если Корниловъ побѣдилъ бы? — спросилъ я.

— Тогда мы всѣ пошли бы за нимъ!

—Партія, которая сообразуетъ свою политику лишь съ успѣхомъ, съ удачей, т. е. неспособная проводить свою линію, несмотря ни на какія препятствія, недостойна уваженія и во всякомъ случаѣ отказывается отъ вліянія на ходъ событій, — выпалилъ я. — Но я не думаю, чтобы вся партія состояла изъ такихъ же мягкотѣлыхъ людей, какъ ялтинскіе кадеты, — прибавилъ я.

Мы разошлись, недовольные другъ другомъ и полные тревоги насчетъ будущаго страны.

Слѣдующіе дни доказали, что дѣйствительно произошелъ переломъ къ худшему. Въ мѣстномъ Совѣтѣ впервые у насъ появились настоящіе большевики, хотя они еще рѣшающей роли не играли, ибо въ Севастополѣ матросы еще считали себя эс-эрами. Но большевицкіе навыки въ жизни стали бытовымъ явленіемъ. Въ лазаретахъ житья не было отъ чрезмѣрныхъ претензій солдатъ, нѣкоторые врачи опасались физическаго насилія съ ихъ стороны. И чѣмъ явственнѣе выступалъ у насъ нарождающійся большевизмъ, тѣмъ безпечѣе были офицеры, тѣмъ болѣе кутили въ кондитерскихъ и ресторанахъ, тѣмъ болѣе продавалось тайнымъ образомъ запрещенное вино. Теперь уже никто не хотѣлъ подписываться на заемъ Свободы, а наоборотъ: многіе старались сбывать его облигаціи по удешевленной цѣнѣ. Но самымъ страшнымъ явленіемъ этого времени было то, что въ большевизированныхъ низахъ наросталъ съ каждымъ днемъ настоящій, неподдѣльный пафосъ, укрѣплявшій вѣру въ окончательную побѣду, а въ несоціалистическихъ кругахъ ощущалось полнѣйшее душевное опустошеніе, лишавшее людей всякой вѣры въ свои силы, въ возможность и необходимость борьбы. Народилась первобытно - фетишистская психологія; авось случайность какая - нибудь спасетъ, авось чудо произойдетъ. Впрочемъ, то же самое наблюдалось (послѣ Корниловскаго выступленія) и среди правыхъ соціалистовъ, которые не хотѣли итти на сдѣлку съ большевиками. Для людей, не вѣровавшихъ въ чудо, оставалась лишь одна раціоналистическая вѣра: вѣра въ Учредительное Собраніе. Никому тогда и въ голову не приходило, что оно будетъ сразу кѣмъ-то разогнано. Кадеты знали, что они не будутъ имѣть большинства въ немъ, но они надѣялись на вліятельное меньшинство. Мы начали готовиться къ выборамъ въ Учредительное Собраніе.

———

IX

ВЫБОРЫ ВЪ УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНІЕ

Для будущаго историка русской революціи величайшей загадкой явится всеобщая и глубочайшая вѣра всѣхъ русскихъ гражданъ въ Учредительное Собраніе. Эта вѣра дѣйствительно воодушевляла всѣхъ: солдата на фронтѣ и крестьянина у сохи, городского пролетарія и захолустнаго обывателя, солдатку, съ нетерпѣніемъ ожидавшую возвращенія мужа, и государственнаго дѣятеля, охватывавшаго однимъ взоромъ судьбы всей страны. А между тѣмъ никакихъ объективныхъ данныхъ для этой вѣры не было. Когда я въ своей газетѣ впервые указалъ на то, что судьба Учредительнаго Собранія зависитъ отъ матеріально - общественныхъ силъ, которые его будутъ защищать, меня вновь и вновь обвинили въ реакціонности. Теперь, послѣ всего пережитого, психологія вѣры въ «Учредилку» понятна. Она, эта вѣра, была взлелѣяна интеллигенціей въ долгой борьбѣ съ самодержавіемъ. Революція мыслилась въ ея конкретизаціи именно какъ Учред. Собраніе. Выросла эта мысль на почвѣ подражанія западно - европейскимъ революціямъ: тамъ было такъ, слѣдовательно, и у насъ должно такъ быть. А интеллигенція со своей стороны передала эту мысль массамъ, которыя ее восприняли какъ какую-то чудотворную силу, которая «все можетъ». Мы никакъ не хотѣли признать всего своеобразія «русскаго опыта»!

И таврическіе кадеты вѣрили въ Учредительное Собраніе. Нашъ губернскій съѣздъ послѣ нѣсколькихъ совѣщаній рѣшилъ прежде всего основать свою губернскую газету, которая могла бы повести настоящую агитацію во всей Тавріи. Къ счастью, нашелся богатый помѣщикъ, А. В. Давыдовъ, который отстаивалъ кадетскую аграрную программу и въ виду этого предложилъ свои средства на изданіе газеты подъ моей редакціей. Такъ былъ основанъ «Таврическій Голосъ», очень быстро завоевавшій себѣ

широкія симпатіи въ городскомъ населеніи Тавріи. Мнѣ пришлось переселиться въ Симферополь, а отъ времени до времени наѣзжать въ Ялту, гдѣ продолжалъ выходить «Ялтинскій Голосъ» подъ моимъ руководствомъ при содѣйствіи Ладыженскаго. Одновременно съ этимъ надо было повести устную агитацію, а мы, къ сожалѣнію, силами не располагали. Мнѣ приходилось быть редакторомъ и агитаторомъ.

Тутъ прежде всего я столкнулся съ моимъ еврействомъ и съ моимъ сіонизмомъ. Лѣтомъ 1917 гг. въ Петроградѣ состоялся всероссійскій сіонистскій съѣздъ, въ которомъ я по болѣзни не участвовалъ. На этомъ съѣздѣ было рѣшено относительно выборовъ въ Учред. Собраніе слѣдующее: гдѣ возможно, выставляются національно - еврейскіе списки, т. е. кандидаты проводятся исключительно еврейскими голосами; гдѣ это невозможно, евреи блокируются съ партіями не правѣе народныхъ соціалистовъ, такъ что кадетская партія была объявлена подъ анафемой. Для меня это рѣшеніе было непріемлемо, во-первыхъ, какъ несостоятельное по существу, а во-вторыхъ, какъ глубоко несправедливое. Несостоятельное, потому что 80% русскаго еврейства принадлежитъ къ буржуазіи и поэтому не можетъ подавать свой голосъ за партіи, отрицающія частную собственность. Несправедливое потому, что именно кадеты очень много поработали надъ выработкой мартовскихъ декретовъ о еврейскомъ равноправіи. Поэтому, когда таврическіе сіонисты мнѣ предложили кандидатуру въ Учред. Собраніе, я согласился итти по національному списку, но при условіи блокированія съ кадетскимъ спискомъ при подсчетѣ остатковъ. На это ни центральный сіонистскій комитетъ, ни таврическіе сіонисты не согласились. Тогда произошла трещина, современемъ все болѣе и болѣе расширявшаяся и приведшая къ разрыву между мной и сіонистской организацией. Я рѣшилъ окончательно итти по кадетскому списку, впрочемъ, очень мало вѣря въ успѣхъ по причинамъ, которыя придется выяснить.

Долго мы составляли нашъ списокъ. Личныхъ честолюбій ни у кого не было. Думали только о пользѣ дѣла. Имена кандидатовъ были очень скоро намѣчены; весь вопросъ былъ въ ихъ порядкѣ. Безспорно были отданы первыя мѣста И. И. Петрункевичу и Н. Н. Богданову. На третье мѣсто были выдвинуты двѣ кандидатуры: С. С. Крыма, заслуженнаго мѣстнаго дѣятеля, бывшаго члена Го-

суд. Думы и Госуд. Совѣта, и моя. Мы оба предоставили рѣшеніе вопроса — въ нашемъ отсутствіи — губернскому съѣзду. Первое голосованіе было въ пользу С. С. Крыма, но значительная часть делегатовъ осталась недовольной этимъ рѣшеніемъ, о чемъ сообщили П. Н. Милюкову, который отправилъ телеграмму г. Крыму съ просьбой добровольно отказаться въ мою пользу «въ интересахъ общаго дѣла». Послѣдній немедленно согласился. Такъ и рѣшили: я занялъ третье, а С. С. Крымъ — четвертое мѣсто въ спискѣ. Составили мы полный списокъ безъ всякихъ блоковъ, ибо намъ не съ кѣмъ было блокироваться. Мы вели долгіе переговоры съ союзомъ земледѣльцевъ и нѣмецкихъ колонистовъ. Въ Мелитополѣ я встрѣтился съ представителями землевладѣльцевъ и я сразу убѣдился, что съ ними сговориться невозможно. Они были увѣрены, что зажитечные крестьяне поддержатъ ихъ, а не насъ и что они поэтому навѣрное проведутъ одного или даже двухъ кандидатовъ по собственному списку. Но они готовы были на блокъ, если мы на второмъ мѣстѣ выставимъ ихъ кандидата, каковымъ они намѣтили бывшаго земскаго начальника, ненавистнаго всему крестьянскому населенію. Тѣ же претензіи предъявили нѣмцы. Сколько ихъ ни убѣждали, что врозь мы никого не проведемъ, а вмѣстѣ мы кое-чего достигнемъ, ничего не помогало. Это упорство разъяснилъ мнѣ послѣ долгихъ споровъ одинъ изъ моихъ собесѣдниковъ: «въ худшемъ случаѣ мы предпочитаемъ неопытнаго эс-эра или большевика, чѣмъ хитраго кадета». На этомъ наши переговоры прервались.

Началась избирательная кампанія. Къ сожалѣнію, я могъ посѣтить лишь нѣсколько городовъ: Ялту, Севастополь, Евпаторію, Ѳеодосію, Мелитополь, Геническъ, Керчь, Карасубазаръ и, понятно, Симферополь. За исключеніемъ Севастополя, во всѣхъ этихъ городахъ мы могли надѣяться на успѣхъ. Въ Севастополѣ не было кадетовъ. Матросы терроризировали все населеніе, а домовладѣльцы принадлежали къ реакціонерамъ. Меня предупреждали объ опасности выступленія въ этомъ городѣ. Но все обошлось благополучно, хотя въ залѣ было много матросовъ и хотя я особенно настаивалъ на аграрной программѣ кадетовъ. Меня обругали «буржуемъ», но до скандаловъ не дошло. Въ Мелитополѣ ко мнѣ явилась делегація отъ солдатъ съ просьбой растолковать имъ сущность кадетской программы. Было организовано спеціальное собраніе для военныхъ. Я старался наивозможно болѣе популярно изло-

жить нашу программу. Меня выслушали очень внимательно. Моими оппонентами выступили исключительно офицеры, — не только прапорщики, — яростно защищавшіе эс-эровскую программу «Земли и Воли» и не брезговавшіе никакими демагогическими пріемами. Въ Керчи моими оппонентами были соціалъ - демократъ - интернаціоналистъ, В. А. Могилевскій, игравшій большую роль въ Крыму, и большевикъ Кристи. Тутъ впервые была брошена мысль, что Учред. Собраніе лишь тогда будетъ полезно народу, если оно будетъ имѣть большевицкое большинство. Понятно, что вездѣ я подвергался рѣзкй критикѣ со стороны сіонистскихъ ораторовъ, старавшихся меня и кадетскую партію очернить въ глазахъ еврейскаго населенія.

Несмотря на все это, можно было надѣяться на значительный успѣхъ въ городахъ, что и было въ дѣйствительности, за исключеніемъ Севастополя. Но надежды на полученіе своихъ депутатовъ были очень малыя. Все татарское населеніе было противъ насъ. Оно выставило собственный списокъ и блокировалось съ эс-эрами на остаткахъ. Тоже самое было и съ украинскимъ населеніемъ. Мы теряли и часть еврейскихъ голосовъ, такъ какъ былъ выставленъ сіонистскій списокъ. Но самое важное было то, что мы были совершенно отрѣзаны отъ деревни, а во всей Тавріи городское населеніе составляло лишь 12% населенія. А солдаты голосовали въ огромномъ большинствѣ за эс-эровъ, а въ меньшинствѣ — за большевиковъ.

Самое важное было — вся обстановка выборовъ.

Большевизмъ еще не былъ у власти, но вся атмосфера была большевицкая, что заставляло и другія соціалистическія партіи проявить максимумъ демагогіи, хотя по существу таврическіе эс-эры были настроены очень враждебно къ ленинцамъ. Но вся атмосфера была отравлена ядомъ безвластія и неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ.

Началась неурядица съ татаръ. Чѣмъ больше палъ авторитетъ центральной власти и чѣмъ болѣе нѣмцы, казалось, побѣждали, тѣмъ опредѣленнѣе становился татарскій націонализмъ и сепаратизмъ. Муфти Челеби, не стѣсняясь, возбуждалъ татарскую массу противъ всего русскаго. Онъ заявлялъ, что онъ скоро приведетъ цѣлый татарскій корпусъ въ Крымъ въ полномъ вооруженіи и займетъ весь край. Явочнымъ порядкомъ татары созвали свое національное собраніе «курултай» и создали нѣчто вродѣ центральной власти. Средствъ у нихъ было много,

такъ какъ они безконтрольно распоряжались капиталами вакуфа (благотворительный фондъ).

Тоже самое было и съ украинцами, слѣдовавшими за Петлюрой и Винниченко. Таврія почему-то объявлялась частью Украйны. Въ казармы вносился духъ національнализаціи, что только усугубляло развалъ. Власть стала призракомъ. Губернскій комисссаръ Богдановъ и его два помощника — плехановцы — никому ничего приказывать не могли: ихъ никто не слушался, а въ Севастополь они не смѣли и носа показывать, ибо тамъ господствовали матросы. Эта комбинація соціально - политической и національной борьбы усугубляла всеобщую анархію, но замедлила пришествіе большевицкой власти, ибо татары и украинцы узрѣли въ большевизмѣ всероссійскую силу, въ чемъ они не ошибались. Петроградъ пересталъ быть, хотя только временно, центромъ общепризнанной власти и поэтому дѣлались всевозможныя попытки создать мѣстную власть. Въ этихъ попыткахъ было здоровое зерно — созданіе временно авторитетной власти, — но ихъ осуществленіе было некудышное и по существу онѣ изначально были осуждены на неудачу.

Попытка состояла въ слѣдующемъ: былъ созванъ земско - городской съѣздъ, который долженъ былъ избрать временную центральную власть. Но совѣты и національныя организаціи (кромѣ татаръ, создавшихъ свой «курултай») потребовали допущенія ихъ представителей на это собраніе. Получилась многоголовая говорильня, въ которой никто ничего не могъ разобрать, ибо никто не обладалъ ни авторитетомъ, ни силой. На штыкахъ нельзя сидѣть, но безъ штыковъ нельзя управлять массами, особенно въ анархическое время. Эта говорильня избрала изъ своей среды исполнительный органъ «Совѣтъ народныхъ представителей», въ который вошли, если я не ошибаюсь, около 30 человѣкъ. Можно себѣ представить, что за испонительный органъ получился, принимая во вниманіе, что онъ не имѣлъ за собой никакой вооруженной силы. У татаръ была хоть кое-какая сила — Крымскій Конный полкъ, а у русскаго Совѣта — абсолютно ничего. Получилась, такимъ образомъ, абсолютная анархія. И можно только удивляться, какъ тогда вообще возможно было жить въ Крыму. Въ этой обстановкѣ приходилось дѣлать выборы. Въ городахъ какъ - никакъ еще можно было организовать избирательное собраніе, но въ деревню мы, кадеты, не смѣли появляться, потому что насъ встрѣ-

тили бы далеко не дружелюбно. Рѣчь идетъ не о крестьянской массѣ, ибо, какъ я уже нѣсколько разъ отмѣтилъ, въ Таврiи крестьянство было зажиточное. Намъ грозила опасность со стороны сельскаго писаря, обязательно принадлежавшаго къ эс-эрамъ, сельскаго учителя, солдатъ - дезертировъ. Само крестьянство было терроризировано и оно не смѣло пойти на собранiе къ прiѣзжему «буржую». Земство тогда было цѣликомъ въ рукахъ эс-эровъ и оно орудовало во всю въ пользу этой партiи. Мы поэтому не могли даже распространить нашихъ воззванiй въ деревнѣ.

А хваленная пропорцiональная система выборовъ понизила сознательность выборовъ до нуля. Голосовали массы по командѣ за «Землю и Волю» (эс-эры), за «Долой войну» (большевики), но не за людей, которыхъ масса не знала.

Выборы, однако, прошли въ полномъ порядкѣ, за исключенiемъ Бердянскаго уѣзда, гдѣ изъ-за какихъ-то упущенiй пришлось выборы произвести двумя недѣлями позже. Интересно отмѣтить, что наименьшiй абсентеизмъ былъ среди татаръ. Среди нихъ не было классовой борьбы: всѣ голосовали единодушно за свой нацiональный списокъ. Солдаты и матросы голосовали всѣ. А въ городахъ напуганный обыватель неохотно шелъ на выборы. Въ результатѣ избранными оказались эс-эры, татары и украинцы. Большевики, какъ и кадеты, не получили ни одного мѣста. Кадетамъ не хватило до избирательнаго знаменателя всего 3.000 голосовъ. Интересно, что въ нѣсколькихъ городахъ они получили больше голосовъ, чѣмъ любая изъ другихъ партiй. Союзъ домовладѣльцевъ и нѣмцевъ получили ничтожное количество голосовъ, но они помѣшали прохожденiю кадетскаго кандидата.

Для характеристики тогдашнихъ нравовъ я позволю себѣ описать подробнѣе выборы въ Бердянскомъ уѣздѣ, состоявшiеся позже, кажется, уже послѣ большевицкаго переворота въ столицахъ. Поѣхали мы на избирательную кампанiю въ этомъ уѣздѣ вдвоемъ: Н. Н. Богдановъ, все еще считавшiйся губернскимъ комиссаромъ, и я. Прежде всего мы посѣтили г. Большой - Токмакъ, представляющiй собою большое поселенiе съ нѣсколькими заводами и съ богатымъ крестьянствомъ. Заѣхали въ гостинницу. Въ корридорѣ на стѣнѣ было вывѣшено печатное объявленiе, содержанiе котораго приблизительно было слѣдующее: «Вся власть въ Б. - Токмакѣ принадлежитъ

военно - революціонному комитету. Безъ его разрѣшенія ничего не можетъ печататься и никакое собраніе не можетъ состояться». А мы хотимъ агитировать. Мы позвали къ себѣ владѣльца мѣстной типографіи и заказали ему афишу съ извѣщеніемъ о нашемъ собраніи. Онъ потребовалъ у насъ разрѣшенія отъ военно - революц. комитета. Тогда мы ему велѣли пойти къ заправиламъ комитета сообщить наши имена и наше требованіе, какъ кандидатовъ въ Учред. Собраніе, чтобы афиши были напечатаны. Что произошло въ комитетѣ, я не знаю, но къ вечеру афиши были расклеены, а на слѣдующіій вечеръ состоялось многолюдное собраніе. Уже его составъ былъ интересенъ. Напуганная интеллигенція явилась въ очень маломъ количествѣ. По секрету намъ сообщали, что въ городѣ нельзя даже произнести слова «кадетъ», если хочешь остаться цѣлымъ и невредимымъ. Не было интеллигентнаго обывателя, но зато было много солдатъ и крестьянокъ, хорошо упитанныхъ и здоровенныхъ, которыя тутъ же съ остервененіемъ лущили сѣмечки. Поближе къ трибунѣ у столика сидѣли нѣсколько офицеровъ, окруженные солдатами — всѣ съ красными бантами. Невесело было намъ, кандидатамъ, выступать въ этомъ собраніи, но мы рѣшили бороться до конца. Первымъ говорилъ Богдановъ, а потомъ я. Были отдѣльные выкрики, вродѣ «буржуй проклятый», «врешь,буржуй», но въ общемъ насъ выслушали. Нашимъ оппонентомъ выступилъ офицеръ Малаховъ, который сразу заявилъ себя большевикомъ. Вся его рѣчь сводилась къ одному: «долой войну». Въ этой залѣ о землѣ говорить нельзя было, потому что во всей той округѣ крестьянство зажиточное, помѣщиковъ не знаетъ, ибо ихъ тамъ нѣтъ. А что касается «долой войну», то это было самымъ популярнымъ лозунгомъ. Во время перерыва меня окружила толпа бабъ. Одна изъ нихъ формулировала всю политическую программу очень ясно: «Я за большевиковъ, ибо я уже три года не. . . спала съ мужемъ моимъ. Дай мнѣ мужа обратно»(Ея выраженія были болѣе конкретны). Что можно было противъ этого возразить? Говорить о патріотизмѣ, о государственности? До *этихъ* поня тій *эта* масса еще не доросла. А офицеръ Малаховъ шелъ навстрѣчу желаніямъ этихъ бабъ и онѣ пошли за нимъ. Тутъ-то я понялъ, что въ основѣ большевицкаго успѣха лежала не соціологія, а психологія, притомъ самая первобытная — нежеланіе рисковать жизнью за цѣли, совершенно непонятныя некультурнымъ массамъ. Что могла

въ этихъ условіяхъ сдѣлать небольшая горсточка культурныхъ людей? Исторія произнесла надъ нами свой суровый приговоръ.

Изъ Токмака мы поѣхали на лошадяхъ въ большую деревню. Шелъ дождь, на душѣ было тоскливо, а меня лично заѣдало чувство безнадежности. Рокъ, историческій рокъ и отъ него не убѣжишь. Кавелинъ въ тяжкія минуты жизни находилъ утѣшеніе въ Евангеліи и въ мысляхъ о Петрѣ. Русское духовенство, однако, очень мало сдѣлало, чтобы внушить народнымъ массамъ духъ Евангелія, который оно замѣнило требами и церемоніями. А геніальная реформа Петра оборвалась съ его смертью. Попытался его продолжить Александръ 11, но безъ дерзанія Великаго Императора. Шагъ впередъ, два шага назадъ. Получилось самое худшее: политическій гермафродитизмъ.

Село растянулось на нѣсколько верстъ. Собственно одна широкая улица. Дворы огромные, полные разныхъ строеній; дома солидные съ большими окнами. Чувствуется зажиточность. Жители рослые, здоровые и красивые. Молокане. Какая-то особая духовитость въ лицахъ. Неужели и здѣсь большевики побѣдятъ? Остановились въ какомъ-то домѣ. Заговорили съ хозяиномъ о выборахъ, спросили, нельзя ли устроить собраніе. Что касается собранія, мы сразу получили отказъ. Боятся. Не можетъ даже опредѣлить, кого именно боятся. Пріѣзжалъ кто-то «оттуда», привезъ бюллетени, волостной писарь роздалъ ихъ всѣмъ. А кто не подастъ именно *этотъ* бюллетень (эс-эровскій), потеряетъ свою землю. Коротко и ясно. Молоканъ нельзя было привлечь дѣлежемъ помѣщичьихъ земель, которыхъ, кажется, въ Бердянскомъ уѣздѣ очень мало имѣлось, поэтому ихъ напугали отнятіемъ ихъ собственныхъ земель. Чувствовалось, что хозяинъ, у котораго мы остановились, былъ бы очень радъ, если бы мы поскорѣе уѣхали отъ него. А то еще скажутъ, что якшается съ «буржуями». Меланхолично мы сѣли въ кибитку, несмотря на дождь и холодъ, и поѣхали дальше. Земля размякла, образовалась черная липкая грязь, крѣпкія лошади утомились. Мы подвигались медленно. Подъ вечеръ попали въ огромное село, сплошь заселенное болгарами. Такъ какъ я хорошо владѣю болгарскимъ языкомъ, я заговорилъ съ ними на ихъ родномъ языкѣ. Старики меня понимали, а молодежь уже отстала отъ родного языка, а говорила на какомъ-то чудноватомъ русско - болгарскомъ

жаргонѣ. И тутъ заговорили о выборахъ. Получился короткій отвѣтъ: «Это — не наше дѣло». Потому ли, что они не русскіе граждане, или потому, что выборы ихъ не интересуютъ, намъ не удалось выяснить.

На этомъ закончилась наша агитація въ деревняхъ Бердянскаго уѣзда. Въ самомъ Бердянскѣ наше собраніе прошло съ большимъ успѣхомъ. Въ этомъ городѣ чувствовалось вѣяніе съ Дона, гдѣ въ это время начали собираться антибольшевицкія силы.

Состоявшіеся въ Бердянскомъ уѣздѣ выборы общаго результата по губерніи не измѣнили: побѣда осталась за эс-эрами, татарами и украинцами.

Наконецъ-то давнишняя мечта россійской прогрессивной общественности осуществилась. Учредительное Собраніе избрано. Но не было радостности не только среди побѣжденныхъ, но и среди побѣдителей. Какъ будто ничего осбеннаго не случилось. Легкая побѣда большевиковъ въ столицахъ, позорное бѣгство Керенскаго, полная пассивность войскъ и оссобенно казаковъ — все это наводило въ провинціи панику. Всякіе планы исчезли, жили изо дня въ день въ ожиданіи какого-то чуда. Большевики, молъ, долго не продержатся, какъ-то все перемѣнится. А въ нашемъ краѣ большевики безсильны: вѣдь даже матросы только что голосовали за эс-эровъ, ни одинъ большевикъ не прошелъ въ Учредительное Собраніе. И несмотря на это, повсюду была паника. Страхъ не за судьбы Россіи, а за свое собственное существованіе. Но никто почти не готовился къ борьбѣ. Я говорю «почти», потому что какъ разъ послѣ выборовъ, т. е. послѣ воцаренія большевиковъ въ центрѣ, татары готовились стать господами Крыма. Ихъ курултай былъ такой же говорильней, какъ и нашъ «Совѣтъ народныхъ представителей», но у нихъ было войско, которое начало наводить порядокъ. Они были увѣрены, что они справятся съ мѣстными большевиками и вели себя иногда заносчиво по отношенію къ русскому населенію, въ которомъ, благодаря этому, появилась національная гордость. «Неужели нами будутъ командовать татары?», говорили въ русскихъ кругахъ, но ничего не дѣлали, чтобы создать порядокъ собственными силами. Эта психологія массъ укрѣпила лишь большевиковъ, которые могли выступить въ роли національныхъ героевъ, свергающихъ ненавистное иго инородцевъ. Что можетъ быть траги - комичнѣе выступленія большевицкаго сброда въ роли защитниковъ національно - русской

чести? Мы дожили и до этого, потому что мы, другіе, оказались дряблыми, безсильными и безвольными, съ перваго дня переворота не умѣли сильно хотѣть, а если мы что хотѣли, мы не умѣли его осуществить. «Воля къ власти» оказалась лишь у большевиковъ и они ее осуществили, не брезгая никакими средствами. Мой первоначальный пессимизмъ оказался основательнымъ, ибо я зналъ людей, стоявшихъ во главѣ переворота. Въ концѣ апрѣля 1917 г. я писалъ покойному Шингареву, что революція погибла изъ-за слабоволія Временнаго Правительства. «Если бы вы перевѣшали сто человѣкъ въ первые дни марта, вамъ не пришлось бы перевѣшать тысячу человѣкъ въ апрѣлѣ. Но такъ какъ вы этого не сдѣлали, то придется въ концѣ мая перевѣшать пять тысячъ человѣкъ. Но вы на это неспособны. Поэтому будутъ насъ вѣшать, но не тысячами, а десятками тысячъ... въ гражданской войнѣ». Я тогда не предполагалъ, что большевизмъ приведетъ къ вымиранію милліоновъ людей. Такъ далеко не шла моя фантазія. Скоро мое пророчество начало сбываться.

Истощенный избирательной агитаціей, я оставилъ временно Симферополь и вновь поселился въ Ялтѣ, продолжая оттуда руководить газетой. Не долго пришлось жить сравнительно спокойной жизнью. Началась буря....

X

ПЕРВОЕ НАШЕСТВІЕ БОЛЬШЕВИКОВЪ

До насъ доходили слухи изъ Севастополя, что тамъ неспокойно, что матросы, бывшіе до сихъ поръ эс-эрами, подъ вліяніемъ эмиссаровъ Балтійскаго флота начинаютъ переходить къ большевикамъ. Но у всѣхъ нервы притупились и всѣ продолжали выжидать событій.

9-го января происходило въ залѣ уѣзднаго земства засѣданіе ялтинскихъ врачей подъ моимъ предсѣдательствомъ. Приблизительно часовъ въ семь вечера ко мнѣ подошелъ одинъ изъ коллегъ и говоритъ мнѣ на ухо: «Вы должны немедленно скрыться, большевики изъ Севастополя прибыли въ городъ и одной изъ первыхъ жертвъ будете вы». Черезъ нѣсколько минутъ мы услышали первый пушечный выстрѣлъ. Собраніе разошлось, я ушелъ ночевать къ предупредившему меня коллегѣ. Ночью были опять слышны выстрѣлы, но не частые. Эскадронъ Крымскаго коннаго полка благоразумно ретировался на высоты. Не въ обиду будь сказано, татары храбростью не отличаются, но и многочисленное русское офицерство, имѣвшееся въ Ялтѣ, тоже ничего не сдѣлало для борьбы съ большевизмомъ. На слѣдующее утро большевики, т. е. севастопольскіе матросы, уже появились въ городѣ. Меня перевели на квартиру человѣка, о которомъ полагали, что у него обыска не будетъ. Я у него оставался пять дней.

Я, къ сожалѣнію, не въ состояніи описать эти пять дней, всѣ мои переживанія. Разскажу лишь слѣдующее:

Въ послѣднія недѣли передъ приходомъ большевиковъ я часто получалъ угрожающія анонимныя письма. На всякій случай я хотѣлъ запастись сильнодѣйствующимъ ядомъ, чтобы не отдаться живымъ въ руки большевиковъ. Къ сожалѣнію, мой другъ аптекарь рѣшительно отказался удовлетворить мою просьбу. И вотъ на четвертый день моего одиночнаго заключенія, мой укрыватель, блѣдный какъ смерть, вошелъ ко мнѣ и сообщилъ, что

пришли съ обыскомъ. Моя комната была угловая и имѣла отдѣльный выходъ. Весь дворъ былъ окруженъ: спастись нельзя было. Имѣй я въ этотъ моментъ ядъ при себѣ, я покончилъ бы съ собой. Къ счастью, у меня яда не было, а главное, большевики обыскали лишь половину дома, оставивъ въ покоѣ мою комнату.

Надо было искать новое убѣжище, хотя мнѣ тогда все надоѣло. Тѣмъ болѣе, что жена моего спасителя, подъ вліяніемъ страха передъ возможностью обыска, получила страшную истерику. Мнѣ стало невмоготу. Рано утромъ я, переодѣвшись въ штатское платье, съ нахлобученнымъ картузомъ на головѣ вышелъ на улицу. Въ этотъ моментъ у меня было одно желаніе: чтобы скорѣе все кончилось. Лишь разъ умирать. Я зашелъ къ партійному товарищу, жившему въ собственномъ домѣ. Какъ только онъ меня увидѣлъ, он началъ меня слезно умолять, чтобы я скорѣе ушелъ, такъ какъ у него уже было нѣсколько обысковъ. Я опять вышелъ на улицу. Мимо меня проѣхалъ автомобиль, наполненный вооруженными людьми, что-то кричавшими. Страшно было смотрѣть на нихъ. Куда пойти? Недолго думая, отправился къ одному врачу. Когда его жена меня увидѣла, она стала блѣднѣе смерти. «Вы кого нибудь встрѣтили въ корридорѣ?» — спросила она меня. Въ этомъ домѣ была одна горничная, которая всѣхъ выдавала и которая днемъ раньше сообщила, что меня, наконецъ, поймали. Однако, мой коллега и его жена меня пріютили съ опасностью для собственной жизни. Черезъ два дня меня основательно обрили, остригли и вывезли изъ города среди бѣлаго дня съ фальшивымъ паспортомъ. Все зависѣло отъ того, узнаютъ ли меня при выѣздѣ изъ Ливадіи, гдѣ находились большевицкіе посты, или нѣтъ. Рисковали, но все обошлось благополучно. Меня укрыли въ татарской деревнѣ, далеко отстоящей отъ шоссе. Хозяинъ мой былъ русскій, который меня зналъ, но для всей его семьи я былъ псевдонимомъ. Въ этой деревнѣ я прожилъ около четырехъ мѣсяцевъ до прихода нѣмцевъ. Черезъ три дня ко мнѣ (я жилъ одинъ въ пустомъ домѣ) привели П. П. Рябушинскаго, который тоже былъ въ спискѣ «смертниковъ». Вдвоемъ намъ было легче проводить наше невольное одиночество. У хозяина нашего оказалась богатѣйшая библіотека, а черезъ два дня друзья намъ прислали шахматы. Я, кромѣ того, началъ писать книгу о русской революціи. Я, наконецъ, могъ основательно отдохнуть,

ибо мы не переживали всѣхъ большевицкихъ ужасовъ. Кромѣ мѣстныхъ большевицкихъ газетъ, изрѣдка намъ доставлявшихся, мы ничего не получали извнѣ. Лишь хозяйскій сынъ былъ два раза въ Ялтѣ, но онъ не былъ въ состояніи толково разсказать, что дѣлалось въ городѣ.Первый мѣсяцъ прошелъ для насъ такъ тихо, что мы начали выходить на прогулку къ морскому берегу. Но въ концѣ февраля мы пережили тревогу. Часовъ въ 10 утра вдругъ къ намъ заходитъ молодой человѣкъ съ рожей пьянаго провинціальнаго актера, въ сопровожденіи двухъ вооруженныхъ милиціонеровъ.

— Ваши бумаги! — Мы показали. — «Вы что тутъ дѣлаете?» — «Мы больные и пріѣхали полечиться». — «Странное дѣло, — обращается онъ ко мнѣ, — какъ вы похожи на Пасманика». — «Да, мнѣ многіе уже это говорили!» — отвѣтилъ я спокойно. Онъ посмотрѣлъ, подумалъ и, собираясь уходить, заявилъ намъ: «Но если окажется, что вы контръ - революціонеры, мы съ вами расправимся».

На слѣдующій день нашему хозяину принесли изъ волости бумагу для подписи, согласно которой намъ запрещается выѣздъ безъ разрѣшенія Совѣта комиссаровъ. На этомъ закончилось наше личное знакомство съ совѣтской властью въ этотъ періодъ. Все, что слѣдуетъ, основано не на личныхъ наблюденіяхъ, а на разсказахъ свидѣтелей или самихъ потерпѣвшихъ, которые я тщательно провѣрилъ.

Въ Ялту прибыли матросы на суднѣ «Дакія» 9 января 1918 г. Они полагали, что татары и русскіе офицеры имъ окажутъ сопротивленіе. Едва ли сто офицеровъ присоединились къ татарамъ, а вся оставшаяся масса тихо покорилась своей судьбѣ. Гвардейскій полковникъ Назимовъ, лично облагодѣтельствованный царской семьей, сразу перешелъ къ большевикамъ. Татары, не имѣя пушекъ, боя не приняли и ушли на слѣдующій день въ горы. Матросы, несмотря на это, обстрѣливали Ялту и слѣдующій день. 11-го они заняли весь городъ. Немедленно начались аресты офицеровъ по спискамъ, составленнымъ солдатами изъ лазаретовъ и тайнымъ большевицкимъ комитетомъ, существовавшимъ уже давно. Экзекуціями руководилъ матросъ Игнатовъ. Приводили офицеровъ на молъ, гдѣ стояла огромная толпа, главнымъ образомъ, грековъ, примкнувшихъ немедленно къ большевикамъ изъ ненависти къ татарамъ. Эта толпа рѣшала, бросать ли приве-

деннаго офицера живымъ въ море, или предварительно подвергнуть его побоямъ. Особенную жестокость проявляли бабы. Это онѣ избивали невинныя жертвы. Сколько людей было потоплено, осталось неизвѣстнымъ. Когда прибыли нѣмцы, были спущены водолазы, которые немедленно поднялись на поверхность, заявивъ, что имъ страшно: утопленные стоятъ словно живые и колышутся, какъ будто разговариваютъ между собою. Въ общемъ вытащили изъ воды 47 труповъ. Одновременно съ этой расправой начался повальный обыскъ домовъ, причемъ производился грабежъ. Горничная графини Толстой выдала свою госпожу, скрывшую драгоцѣнности. Она подверглась жестокимъ издѣвательствамъ. Той же судьбѣ подверглась и госпожа Соловьева; между прочимъ, разрыли гробъ ея мужа, гдѣ будто бы были скрыты драгоцѣнности. Винныя лавки были разграблены. Бросились въ винный складъ въ Массандрѣ, но тамъ С. С. Крымъ предварительно замуровалъ погребъ, оставивъ большевикамъ незначительное количество вина.

Черезъ два-три дня былъ изданъ приказъ о регистраціи всѣхъ офицеровъ. Съ понуренными головами, съ дрожью во всемъ тѣлѣ они всѣ явились на регистрацію. Особенно искали «корниловцевъ», но таковыхъ не оказалось. Къ сожалѣнію, какъ я потомъ могъ убѣдиться, пережитыя офицерствомъ трагическія минуты не оставили глубокаго слѣда въ немъ. Одно изъ многихъ неожиданныхъ происшествій и ничего болѣе.

Послѣ нѣсколькихъ дней грабежа, убійствъ и пьянства началось «строеніе жизни». Былъ организованъ «совѣтъ народныхъ комиссаровъ», состоявшій изъ семи членовъ подъ предсѣдательствомъ матроса Игнатова, изъ коихъ два еврея: Сосновскій — по финансовой части и Слуцкій, молодой студентъ - юристъ... по юстиціи. Чтобы существовать, нужны были деньги, но изъ центра ничего не посылали, а награбленное пошло въ частные карманы. Забрали всю наличность въ оффиціальныхъ учрежденіяхъ, но и этихъ суммъ не хватило надолго. Прибѣгли къ обложенію буржуевъ и объявили, что лишь тѣ кредитные знаки будутъ имѣть цѣнность, которые будутъ проштемпелеваны финансовымъ комиссаріатомъ. Банки были національзированы, но всѣ служаюіе были оставлены на мѣстахъ, такъ какъ ихъ некѣмъ было замѣнить Я не берусь описать всѣхъ тѣхъ мукъ, которыя пришлось пережить ялтинцамъ въ связи съ обложеніемъ ихъ. Это вѣдь

переживали всѣ жители большихъ городовъ и всѣмъ извѣстно. Нѣкоторые изъ «буржуевъ» вели себя при этомъ прямо неприлично. Сразу появились соглашатели. Все изъ существо проникнуто ложью, противорѣчіями и эгоизмомъ, хотя многіе изъ нихъ лицемѣрно прикрывались общественными интересами. Они болѣе всего опасны тѣмъ, что они создаютъ нѣкое моральное оправданіе большевикамъ и вносятъ деморализацію въ антибольшевицкую среду. Нѣкоторые изъ богатыхъ помѣщиковъ умудрились сдѣлаться такимъ образомъ совѣтскими комиссарами собственныхъ имѣній и виноградниковъ. Это было на руку большевикамъ, ибо управляемые ими непосредственно чудные виноградники Ливадіи и Массандры были ими разорены. Если и до ихъ прихода существовали продовольственныя затрудненія, причемъ однако всего было достаточно, то послѣ нѣсколькихъ недѣль хозяйничанія безтолковыхъ и нечистыхъ на руку комиссаровъ появились первые признаки голода, ибо цѣны на всѣ продукты первой необходимости возросли въ фантастическихъ размѣрахъ.

И все же жизнь въ Ялтѣ при большевикахъ была раемъ въ сравненіи съ тѣмъ, во что она превратилась въ другихъ городахъ Крыма.

Самыя страшныя событія произошли, какъ и слѣдовало ожидать, въ Севастополѣ, гдѣ буйствовала «краса революціи», матросская масса. Тамъ были организованы регулярныя «Вахромеевскія», т. е. Варѳоломеевскія ночи. У меня нѣтъ подъ рукой Севастопольскихъ «Извѣстій». Но на основаніи номеровъ этой газеты той эпохи можно легко провѣрить нижеслѣдующее: Былъ тогда въ Севастополѣ вліятельный большевикъ, Спиро. Онъ произнесъ рѣчь, напечатанную въ указанной газетѣ, каковую рѣчь я передаю по памяти, но точно. Обращаясь къ матросамъ, онъ заявилъ приблизительно слѣдующее: «Товарищи, довольно крови. Вы знаете, что и мои руки въ крови по плечо, но мы довольно крови выпустили буржуазіи и корниловцамъ. А теперь нужно успокоиться во имя революціи». А происходило вотъ что: по ночамъ обходили дома, грабили до-чиста, а затѣмъ убивали или на мѣстѣ, или же уводили для разстрѣла. Впрочемъ, многіе были брошены въ море. Болѣе всего пострадали офицеры флота, но убивали и штатскихъ людей. У одной моей знакомой дамы оторвали палецъ вмѣстѣ съ кольцомъ.

Но особенный садизмъ проявили въ Евпаторіи. Тамъ

орудовали двѣ женщины, которыя не только подписывали смертные приговоры, но подвергали свои жертвы специальнымъ мученiямъ. Было бы убито гораздо больше людей, если бы не было подкупныхъ большевиковъ: за очень большiя деньги они или вывозили намѣченныя жертвы за Джанкой, или же укрывали въ лазаретахъ и гостиницахъ.

Въ Симферополѣ разстрѣливали даже инвалидовъ-офицеровъ. Собирали людей группами и приказывали имъ бѣжать, а въ это время позади бѣжавшихъ работалъ пулеметъ. Отмѣчу здѣсь малоизвѣстный фактъ. Когда начало образовываться нацiональное татарское войско, и евреи - солдаты, подъ руководствомъ еврейскихъ прапорщиковъ, тоже создали еврейскiй батальонъ, имѣвшiй достаточное вооруженiе. Назначенiе этого батальона было одно: защита евреевъ отъ возможныхъ погромовъ. Когда пришли большевики, они поручили еврейскому батальону охрану тюрьмы, которая очень скоро была заполнена арестованными офицерами и буржуями. Когда большевики вздумали выводить сихъ несчастныхъ на разстрѣлъ, еврейскiй караулъ воспротивился этому, заявивъ, что пока евреи - солдаты будутъ охранять тюрьму,они не допустятъ разстрѣла кого бы то ни было безъ суда. Но черезъ нѣсколько времени большевики разоружили еврейскiй батальонъ, смѣнили караулы въ тюрьмѣ и разстрѣляли ея невольныхъ пансiонеровъ. Тогда погибъ мой другъ, секретарь Таврической кадетской организацiи, Н. Г. Зайцевъ, который отличался необыкновенной добротой, дѣлавшiй безшумно много добра людямъ самыхъ различныхъ классовъ. Только благодаря его энергiи наша партiя могла кое-что сдѣлать въ Тавріи и создать влiятельную газету. Позже большевики разстрѣляли нѣсколько его родственниковъ. Н. Г. Зайцевъ палъ не случайно, а какъ жертва кадетской партiи.

Чтобы дать общую характеристику звѣрствъ крымскихъ большевиковъ, достаточно указать на тотъ фактъ, что въ концѣ концовъ противъ нихъ запротестовали и севастопольскiе портовые рабочiе, которые были настроены очень революцiонно. Между психологiей рабочихъ и матросовъ была огромная разница. Первые смотрѣли на революцiю очень прозаично: она должна была имъ доставить непосредственныя выгоды, но не больше. Увеличенiе заработной платы, короткiй рабочiй день, захватъ буржуазныхъ квартиръ, раздѣлъ имущества буржуевъ, но не

убійства и не издѣвательства. При этомъ, поскольку рабочіе были мѣстными людьми, они высказывали благодарность по отношенію къ тѣмъ изъ «буржуевъ», которые обращались съ ними хорошо въ прежнія времена. Очень часто рабочіе защищали съ опасностью для собственной жизни своихъ хозяевъ - фабрикантовъ отъ террора бѣсновавшихся матросовъ. Психологія послѣднихъ была особая: грабежъ для нихъ являлся лишь подсобнымъ занятіемъ, а главное ихъ стремленіе было упражненіе своей неограниченной власти надъ жизнью беззащитныхъ людей. Они убивали, ибо въ этомъ выражалась ихъ власть. Поэтому въ Крыму болѣе всего пострадали тѣ мѣстности, гдѣ матросы, благодаря своему количеству, были господами положенія. А тамъ, гдѣ они по той или иной причинѣ отсутствовали, какъ, напримѣръ, въ Ѳеодосіи и въ Керчи, первый большевистскій налетъ обошелся безъ варварскихъ убійствъ.

Въ Ѳеодосіи во главѣ большевиковъ сталъ мѣстный бактеріологъ, докторъ Констансовъ, старый соціалъ - демократъ. Когда въ Севастополѣ власть захватили матросы, хвастливый вождь татаръ, Сейдаметовъ, телеграфировалъ въ Ѳеодосію, что онъ пришлетъ чуть ли не дивизію изъ мусульманскаго корпуса Сулькевича. Въ городѣ же стоялъ лишь одинъ эскадронъ Крымскаго коннаго полка. Портовые рабочіе заволновались. Тогда д-ръ Констансовъ отправился въ Севастополь и вернулся оттуда на миноносцѣ «Неотразимый», что сразу измѣнило «соотношеніе силъ». Татарскія войска были разоружены, нѣсколько десятковъ солдатъ убиты, и этимъ власть татаръ закончилась. При Констансовѣ террора не было, главнымъ образомъ, потому что портовые рабочіе этого не допускали. Но большевизмъ, будучи по существу своему отрицаніемъ культурности, не могъ примириться съ сравнительно культурными методами управленія доктора Констансова. Черезъ двѣ недѣли его смѣнили, благодаря интригамъ и демагогіи члена военно - революціоннаго комитета, австрійскаго подданаго, *Бодняка,* судившагося за воровство. Откуда онъ пришелъ — никто не зналъ. Его подозрѣвали въ шпіонствѣ въ пользу Австріи, что ему не помѣшало играть видную роль въ эпоху перваго большевизма въ Ѳеодосіи. Комендантомъ города сдѣлался другой воръ, портовый рабочій Барсовъ, а предсѣдателемъ комиссаровъ былъ назначенъ прапорщикъ Фелонюкъ изъ украинцевъ. Тогда начались обыски, грабежи и контрибуціи, но убійствъ

не было. За все время перваго хозяйничанія большевиковъ въ Ѳеодосіи было всего 7 случайныхъ убійствъ. Я обращаю вниманіе на это обстоятельство, потому что тутъ передъ нами раскрывается лабораторный опытъ: гдѣ хозяйничали матросы, тамъ были убійства, тамъ появлялись и садисты изъ интеллигенціи; гдѣ матросовъ не было, тамъ и интеллигентскіе разбойники укрощались. И въ Ѳеодосіи былъ садистъ: прапорщикъ Ѳедько. Но его послали на фронтъ противъ нѣмцевъ, а на самомъ дѣлѣ, чтобы освободить городъ отъ его звѣрскихъ предпріятій. Умѣряюще дѣйствовали и крестьянскіе члены совѣта во главѣ съ Куцеволомъ. Послѣ того какъ израсходовали всю контрибуцію, взятую съ буржуазіи (200.000 и полтора милліона рублей), а въ кассахъ было пусто, Куцеволъ отправился въ Севастополь и привезъ оттуда 2 милліона рублей, которые передалъ не большевикамъ, а въ земскую кассу. При этомъ произошелъ слѣдующій курьезный инцидентъ. Комиссаромъ юстиціи былъ Павленко, бывшій цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ урядникомъ. Когда большевикамъ пришлось уходить, онъ захотѣлъ забрать земскія деньги, находившіяся въ кассѣ подъ печатью и при караулѣ изъ двухъ земскихъ служащихъ. Караулъ отвѣтилъ, что онъ не можетъ выдать деньги. Тогда Павленко хотѣлъ смѣнить караулъ. «А печать-то?» — сказали ему. Онъ, этотъ новоиспеченный большевикъ, сохранившій традиціи урядника, остановился передъ взломомъ казенной печати: деньги были спасены.

Также сравнительно спокойно прошелъ первый большевизмъ и въ Керчи, благодаря тому, что тамъ не было матросовъ.

Да будетъ мнѣ позволено здѣсь, въ цѣляхъ установленія исторической правды, коснуться вопроса объ участіи евреевъ въ большевизмѣ на основаніи перваго Крымскаго опыта. Само собой понятно, что во время моего невольнаго заточенія я по газетамъ старался слѣдить за ролью евреевъ въ разыгравшейся за моими плечами кровавой трагедіи. Пережитыхъ мною тогда моральныхъ страданій я здѣсь описывать не буду, ибо въ нынѣшнемъ настроеніи меня не поймутъ ни евреи, узрѣвшіе во мнѣ реакціонера, ни русскіе антисемиты, для которыхъ я очень мало чѣмъ отличаюсь отъ Троцкаго. (Такъ писало обо мнѣ «Новое Время»). Я тутъ не намѣренъ никого ни защищать, ни обвинять, ибо то и другое теперь безполезно и безцѣльно. Отъ рока никто не уйдетъ, а въ спасительность

холоднаго разума я никогда не вѣрилъ и не вѣрю, ибо жизнь наша — ирраціональна.

Да, во многихъ городахъ Крыма бывали евреи большевистскими комиссарами. Чего стоила одна истерическая Островская, дочь мѣстнаго врача, которая буквально неистовствовала! Но не евреями *созданъ* большевизмъ: онъ цѣликомъ твореніе черноморскаго флота, въ которомъ были только русскіе люди. Главарями движенія были вездѣ русскіе, «Вахромеевскія ночи» устраивали они, грабили они. Я укажу на слѣдующій фактъ: когда прибыли нѣмцы, ялтинскій комиссаръ, еврей Слуцкій, находился въ городѣ. Ясно было, что онъ будетъ разстрѣлянъ. Но произошло другое: русскіе офицеры, въ довольно большомъ количествѣ, спасенные имъ отъ грозившей имъ смерти, хлопотали за него у германскаго коменданта, который лишь послѣ долгихъ колебаній разрѣшилъ вывезти его тайно изъ Крыма. Даже комиссаръ Сосновскій, озлобленный каторгой, не разъ протестовалъ противъ звѣрствъ русскаго матроса Игнатова. Смѣшно, когда евреи пытаются оправдывать своихъ большевиковъ. Но еще болѣе смѣшно, когда русскіе люди отрицаютъ глубинный національно - русскій характеръ большевизма, какъ общенародной смуты, столько разъ омрачавшей исторію Россіи. Я полагаю, что я подойду близко къ правдѣ, если скажу: создали большевизмъ и заполнили его звѣрствами — русскіе, а евреи были лишь въ толпѣ его организаторовъ. Въ лицахъ можно формулировать это положеніе слѣдующимъ образомъ. Ленинъ содалъ большевизмъ, а Троцкій былъ однимъ изъ его многочисленныхъ организаторовъ. Это не случайность: съ тѣхъ поръ какъ евреи потеряли свою родину и очутились въ разсѣяніи, они создавали новыя цѣнности, лишь поскольку они ассимилировались, т. е. поскольку они переставали быть евреями (Здѣсь я не касаюсь сіонизма, вызвавшаго новые ростки національно - еврейскаго творчества). Вначалѣ большевиками становились лишь тѣ евреи, которые отошли отъ своей націи, которые срослись съ идеалами господскихъ народовъ. Троцкій дѣйствуетъ не въ качествѣ еврея, а какъ русскій человѣкъ, какъ исполнитель предначертаній Ленина. Умеръ Ленинъ и Троцкій сталъ косноязычнымъ; ибо новыхъ словъ у него нѣтъ. А о такихъ прикащикахъ и комми - вояжерахъ большевистской фирмы, какъ Зиновьевъ, Стекловъ и Каменевъ, говорить не приходится: они очень далеки отъ какого либо творчества. Но въ ирраціональ-

ной атмосферѣ нашей жизни все это не есть оправданіе для евреевъ, поскольку они не ведутъ активной борьбы съ разрушителями и Россіи, и русскаго еврейства. Поэтому евреямъ моего міровоззрѣнія приходится переживать двойную трагедію: и русскую, и еврейскую. А вѣдь каждая изъ нихъ въ отдѣльности способна испепелить человѣческую душу и раздробить человѣческую жизнь.

Съ большимъ нетерпѣніемъ я ожидалъ въ заточеніи ухода большевиковъ, дабы начать съ ними борьбу удесятеренными силами. Тогда вѣдь еще сохранялся въ душахъ людей оптимизмъ. Тогда «Русск. Вѣдомости», еще незадолго до ихъ исчезновенія, писали, что конецъ большевизму наступитъ очень скоро, при первомъ весеннемъ дѣлежѣ земли между крестьянами.

XI

ПРИХОДЪ НѢМЦЕВЪ

Долгіе часы мы проводили съ П. П. Рябушинскимъ въ бесѣдахъ о ближайшемъ будущемъ Россіи. И оба мы пришли къ выводу, что возстановленіе Россіи будетъ сильно зависѣть отъ поведенія нѣмцевъ послѣ ихъ побѣды въ Брестъ - Литовскѣ. Оба мы были увѣрены въ двухъ вещахъ: 1) Германія не будетъ окончательно разбита на западномъ фронтѣ послѣ сепаратнаго мира ея съ большевиками, а въ худшемъ случаѣ съ ней заключатъ миръ въ ничью и 2) земледѣльческій классъ и буржуазія такъ сильны въ Германіи, что ей нечего бояться большевистской или соціалистической революціи.

Рябушинскій, скрываясь, все же поддерживалъ тайныя сношенія съ Москвой, гдѣ тогда находились нѣкоторые изъ его братьевъ. Послѣ полученія имъ оттуда окольными путями какого-то очень важнаго сообщенія онъ мнѣ вдругъ, за шахматной игрой, задаетъ вопросъ: «А что вы сказали бы, если бы мы вступили въ соглашеніе съ нѣмцами въ цѣляхъ изгнанія большевиковъ?» Я былъ очень изумленъ этимъ вопросомъ, потому что до тѣхъ поръ (конецъ марта или начало апрѣля 1918 г.) мы оба относились враждебно къ Германіи по многимъ и многимъ причинамъ. «Почему вы задаете мнѣ этотъ странный вопросъ?» — возразилъ я. Послѣ нѣкотораго молчанія П. П. своимъ тихимъ голосомъ, смотря куда-то вдаль, отвѣтилъ мнѣ: «Въ Москвѣ нѣмцы уже вступили съ нами въ переговоры и выставили слѣдующія положенія: авторитетные представители русской общественности обязуются создать правительство, которое санкціонируетъ Брестъ - Литовскій договоръ, а нѣмцы со своей стороны обязуются въ двѣ недѣли очистить Россію отъ большевиковъ. А теперь мои друзья запрашиваютъ меня о моемъ мнѣніи на счетъ этого предложенія германцевъ. Я не такой оптимистъ, какъ вы и лучше знаю русскій народъ и нашу ин-

теллигенцію, чѣмъ вы. Я не надѣюсь на скорое освобожденіе отъ совѣтской власти собственными силами. Я поэтому былъ бы склоненъ пойти на соглашеніе съ нѣмцами, если бы все это не было бы такъ непопулярно среди нашей интеллигенціи. А главное, не обманутъ ли нѣмцы? Если бы я хоть могъ лично поговорить съ ними». Все это сообщеніе произвело на меня потрясающее впечатлѣніе, потому что уже давно въ глубинѣ моей души копошился мучительный вопросъ, котораго я не смѣлъ громко формулировать не только публично, но даже передъ собственнымъ сознаніемъ. Настолько онъ мнѣ тогда казался несуразнымъ, какъ бы измѣной самому себѣ. А именно: не лучше ли было, если бы мы въ мартѣ мѣсяцѣ, когда уже начался развалъ арміи, сами заключили сепаратный миръ съ Германіей, сами демобилизовали бы армію, оставивъ лишь офицерскій корпусъ съ достаточнымъ количествомъ солдатъ для поддержанія порядка въ странѣ при условіи немедленнаго надѣленія крестьянъ землей? Этотъ вопросъ былъ моей мукой, начиная съ конца марта 1917 г. Я чувствовалъ временами страшную раздвоенность въ собственной душѣ, разладъ между невысказанной мыслью и громко провозглашеннымъ лозунгомъ «до побѣднаго конца». Особенно тяжело мнѣ стало послѣ одного разговора съ княгиней Юсуповой - матерью (приблизительно въ іюнѣ или іюлѣ 1917 г.), которая страстно ненавидѣла нѣмцевъ: «А вѣдь вашему Временному Правительству придется заключить сепаратный миръ съ нѣмцами, если оно хочетъ сохранить власть», сказала она насмѣшливымъ тономъ. И прибавила: «Это будетъ нашей местью тѣмъ, которые обвиняли Императора въ желаніи измѣнить союзникамъ». Положеніе, дѣйствительно, трагическое. И я насильственно отгонялъ отъ себя навязчивую мысль. Но теперь все измѣнилось. Большевики у власти, сепаратный миръ уже заключенъ и остается только признать совершившійся фактъ. Поэтому меня такъ взволновало сообщеніе П. П. Рябушинскаго. Помню, все мое нутро отказывалось отъ крутого поворота и я началъ указывать, что нашимъ признаніемъ Брестъ - Литовскаго договора мы санкціонируемъ расчлененіе Россіи и сокращеніе ея до предѣловъ допетровской Руси. Пророчески мой собесѣдникъ мнѣ отвѣтилъ, что если большевики останутся у власти нѣсколько лѣтъ, то вся Россія превратится въ сплошную пустыню. И тутъ же прибавилъ: «Я, понятно, публично не выступлю съ требованіемъ соглашенія съ нѣмцами, ибо не толь

ко враги, но и добрые друзья меня обвинятъ въ томъ, что я защищаю свои фабрики и предпріятія, не думая о судьбѣ Россіи».

Мы больше къ этому разговору не возвращались, хотя мы оба усиленно о немъ думали. Но мы стѣснялись вслухъ высказанныхъ мыслей, тѣмъ болѣе что очень скоро нѣмцы начали для насъ принимать болѣе конкретныя формы. Черезъ татаръ до насъ доходили слухи о томъ, что нѣмцы двигаются, что они или украинцы собираются занять Крымъ. Одинъ изъ моихъ коллегъ прислалъ мнѣ черезъ своего сына посылку съ запиской на клочкѣ бумаги: «Скоро будешь свободенъ». Наступили мучительные дни томительнаго ожиданія. Временами казалось, что они никогда не кончатся.

Вдругъ ночью къ намъ буквально врывается молодой человѣкъ съ истерзаннымъ видомъ и проситъ, чтобы мы его укрыли. Мы перепугались, будучи увѣренными, что онъ провокаторъ, тѣмъ болѣе что слова его были несвязны. Какъ будто начался бой между татарами и большевиками, причемъ татары были разбиты, а въ Алупкѣ, откуда онъ прибѣжалъ, начался большевистскій терроръ. Но почему онъ попалъ именно къ намъ, онъ не могъ объяснить. Намъ ничего не оставалось, какъ дать ему комнату, а сами начали думать о побѣгѣ. Но куда бѣжать? Ночь была темная, никого мы не знаемъ во всей округѣ. Послѣ нѣкотораго размышленія мы рѣшили не ложиться спать и при малѣйшемъ подозрительномъ шорохѣ извнѣ скрыться въ преднамѣченной скалѣ у самаго нашего дома. Такъ мы просидѣли всю ночь, безъ огня, зорко вглядываясь въ окно. Рано утромъ мы спрятались въ скалѣ, выжидая событій. Часовъ въ 10 утра мы услыхали крикъ хозяйскаго сына, звавшаго насъ нашими псевдонимами къ завтраку. Мы набрались храбрости и вышли изъ своей берлоги. Молодого человѣка въ нашемъ домѣ не оказалось. Но послѣ завтрака хозяинъ сообщилъ намъ, что вокругъ Ялты разыгрываются кровавыя событія и что ожидается приходъ нѣмцевъ со дня на день. Мы успокоились и вооружились терпѣніемъ.

Прошло всего три-четыре дня. Рано утромъ меня кто то теребитъ: «Вставай, довольно баклуши бить». Около моей кровати стоялъ одинъ изъ моихъ добрыхъ друзей - коллегъ. Я своимъ глазамъ не повѣрилъ. «Да въ чемъ дѣло?». — «Одѣвайся, собери свои бебехи и айда въ Ялту. Нѣмцы пришли». Я быстро одѣлся, собралъ свои вещи,

крѣпко расцѣловался съ Рябушинскимъ и поѣхалъ съ моимъ другомъ въ городъ. По дорогѣ мы остановились въ Кореизѣ у покойнаго теперь д-ра Михайлова. Искренняя радость встрѣчи была внезапно прервана сообщеніемъ, что сейчасъ придетъ нѣмецкій генералъ. Я хотѣлъ стушеваться, но Михайловъ попросилъ меня остаться, такъ какъ онъ не владѣлъ иностранными языками. —«Помни же, что я только переводчикъ», сказалъ я смѣясь. Черезъ нѣсколько минутъ въ комнату вошелъ нѣмецкій генералъ въ очень запыленной шинели, съ сѣдыми длинными усами, въ сопровожденіи нѣмецкаго офицера, напоминавшаго всей своей фигурой откормленнаго мясника, съ непріятными глазами. Оказывается, они пришли къ д-ру Михайлову, бывшему домашнимъ врачемъ нѣкоторыхъ членовъ царской семьи, жившихъ поблизости, чтобы освѣдомиться о томъ, какъ обращались большевики съ Романовыми. «По приказанію моего императора, заявилъ торжественнымъ тономъ генералъ фонъ-Павель, я обязанъ принять всѣ мѣры къ облегченію положенія членовъ царской семьи, проживающихъ въ Крыму». Послѣ краткаго совѣщанія между нами, я ему предложилъ вызвать немедленно барона фонъ-Сталя, безсмѣнно находившагося при в. к. Николаѣ Николаевичѣ. Въ ожиданіи прихода новаго человѣка нѣмецкій генералъ спросилъ, много-ли звѣрствъ совершили большевики. «Не мало», отвѣтилъ я ему. — «Мы съ ними быстро расправимся», сказалъ онъ энергичнымъ тономъ. «Только въ Крыму, или и въ Москвѣ?» — спросилъ я. Не сразу онъ отвѣтилъ: «Я завѣдую лишь Крымомъ». Разговоръ оборвался. Наступило тягостное молчаніе. Черезъ нѣсколько минутъ генералъ меня спрашиваетъ о моемъ имени. Я назвалъ себя. Тогда другой офицеръ, очевидно адъютантъ, ясно отчеканилъ по нѣмецки: «Редакторъ кадетской мѣстной газеты и бывшій кандидатъ въ Учред. Собраніе отъ кадетовъ». Я былъ очень удивленъ этой освѣдомленности. Генералъ, нисколько не стѣсняясь, смѣясь, сказалъ: «Мы все знаемъ. Наши люди уже давно сидятъ въ Крыму». Меня покоробило отъ этого неожиданнаго заявленія. Къ счастью, пришелъ фонъ-Сталь, котораго мы хотѣли оставить наединѣ съ генераломъ, что было неосуществимо въ виду того, что онъ будто не владѣетъ нѣмецкимъ языкомъ. Представитель Николая Николаевича попросилъ меня передать генералу, что стража, оберегавшая царскую семью, вела себя прилично и что послѣдняя ни въ какой помощи не нуждается. Генералъ сдѣ-

лалъ нетерпѣливое движенiе плечами и сухо откланялся. Романовы дали урокъ приличiя многимъ ялтинцамъ,встрѣчавшимъ нѣмцевъ съ цвѣтами.

Я отправился въ Ялту. По шоссе двигались нѣмецкiя войска. Крѣпкiя повозки, сытыя лошади, хорошо одѣтые солдаты, большинство которыхъ были люди старшаго возраста. Очевидно, — войска ландвера. Но попадались среди нихъ и совсѣмъ молодыя лица 18-19-лѣтнихъ юношей. У всѣхъ сосредоточенныя лица, безъ задора побѣдителей. Офицеры имѣли такой же скромный видъ,какъ и солдаты. Поражали порядокъ среди людей и чистота всѣхъ вещей. Какъ все это отличалось отъ нашихъ до-нельзя распущенныхъ солдатъ! Я вспомнилъ свое предсказанiе на первомъ общественномъ митингѣ въ мартѣ 1917 г. относительно прихода нѣмцевъ въ Ялту. И я самъ поймалъ себя на внутреннемъ противорѣчiи. Съ одной стороны я чувствовалъ всю глубину паденiя Россiи, видя шеренги нѣмецкихъ солдатъ на ялтинскомъ шоссе, и безнадежная тоска заполняла душу. А съ другой стороны я, несомнѣнно, былъ очень доволенъ тѣмъ, что могъ оставить свою берлогу и возвратиться въ Ялту, что не долженъ былъ болѣе опасаться встрѣчи съ знающимъ меня въ лицо большевикомъ и все это лишь благодаря приходу нѣмцевъ. Что же: цвѣты бросать или проклятiя произносить? Одно изъ многочисленныхъ трагическихъ противорѣчiй, созданныхъ Смутнымъ временемъ, опутавшихъ густой сѣтью души русскихъ гражданъ.

По всему шоссе во многихъ мѣстахъ были устроены перекладины изъ бревенъ для задержанiя автомобилей съ бѣгущими большевиками, такъ какъ не всѣ успѣли сѣсть на пароходы, отправившiеся въ Новороссiйскъ. Повсюду радостныя лица не только татаръ, но и русскихъ. Въ одной деревнѣ уже успѣли разстрѣлять нѣсколькихъ большевиковъ. Возлѣ самаго Кореиза былъ убитъ татарами ихъ же единовѣрецъ, затесавшiйся среди большевиковъ.

Наконецъ, мы прiѣхали въ Ялту. Подъѣхалъ къ городской думѣ.Толпа татаръ, громко кричащихъ и неистово жестикулирующихъ. Поймали большевика, молодого грека. Еле-еле удалось спасти его отъ разъяренной толпы для того только, чтобы на слѣдующiй день его разстрѣляли нѣмцы на основанiи приговора военнаго суда. Весь городъ имѣлъ дѣйствительно праздничный видъ. Всѣ радовались, за исключенiемъ грековъ, съ которыми татары начали расправляться самымъ жестокимъ образомъ въ

отместку за всѣ насилія, совершенныя первыми надъ послѣдними при большевикахъ. Чтобы избѣгнуть поголовной рѣзни грековъ, пришлось обратиться къ помощи нѣмецкаго коменданта, который, однако, не сразу установилъ порядокъ, словно, онъ хотѣлъ дать возможность татарамъ излить свой гнѣвъ на тѣхъ, которые раньше ихъ убивали и разоряли. Вдоль шоссе въ Алушту запылали хижины грековъ, какъ нѣсколько дней тому назадъ горѣли хижины татаръ. Лишь на слѣдующій день появились объявленія нѣмецкаго коменданта довольно курьезнаго содержанія: Нѣмцы заняли Крымъ по просьбѣ мѣстнаго населенія, стонавшаго подъ игомъ большевиковъ. Отнынѣ самосудъ запрещается, большевиковъ будетъ судить строгій нѣмецкій судъ. А чтобы гарантировать спокойствіе, предписывается всѣмъ жителямъ сдать оружіе въ 24 часа. Укрывшіе у себя оружіе будутъ подвергаться смертной казни.

И дѣйствительно, въ тотъ же день въ виллѣ Елена, гдѣ раньше находился совѣтъ комиссаровъ, засѣдалъ нѣмецкій судъ, присудившій пять большевиковъ къ смертной казни. Длинной вереницей потянулись штатскіе и военные, сдавшіе свое оружіе нѣмцамъ. У многихъ стояли слезы на глазахъ. Люди страдаютъ гораздо болѣе отъ символовъ, чѣмъ отъ фактовъ. Сдача оружія являлась признакомъ рабства, сдачи въ плѣнъ. И безъ всякой войны. «Пришли по просьбѣ»... Кто ихъ просилъ? Татары, нѣмецкіе колонисты? Но развѣ русскіе, затравленные озвѣрѣвшими русскими матросами, не были рады приходу нѣцевъ? Бумага терпитъ все: можно писать, что національная гордость заставляла мириться скорѣе съ большевиками, чѣмъ съ нѣмцами. Но въ практической жизни большевики выступали прежде всего не какъ русскіе, а какъ обыкновенные разбойники. Фактъ тотъ, что никто изъ чистыхъ патріотовъ не послѣдовалъ за большевиками въ Новороссійскъ, а спокойно сдался въ плѣнъ нѣмцамъ. Отнынѣ все сводилось къ такту, къ сохраненію мѣры и приличія. Въ общемъ, русское населеніе держало себя прилично, за исключеніемъ нѣсколькихъ офицеровъ, немедленно поступившихъ на службу къ нѣмцамъ. Настоящая русская аристократія упорно держалась въ сторонѣ отъ нѣмцевъ, слѣдуя примѣру, данному Романовыми. Вскорѣ послѣ знятія Крыма нѣмцами, какой-то высшій нѣмецкій офицеръ явился съ собственноручнымъ письмомъ Вильгельма къ в. к. Николаю Николаевичу, который наотрѣзъ

отказался принять его. Съ большимъ достоинствомъ держалось и все остальное русское населеніе во главѣ со своими партійными вождями. Открыто радовались лишь татары, вождь которыхъ, Сейдаметовъ, появившійся вмѣстѣ съ нѣмцами, провозгласилъ Вильгельма спасителемъ татаръ и рыцаремъ справедливости, который осуществилъ всѣ національныя вожделѣнія крымскихъ мусульманъ. Да и нѣмцы съ самаго начала не скрывали своего намѣренія опереться исключительно на татаръ. Передъ русскими гражданами стояла двойная задача: борьба съ нѣмецкимъ засиліемъ и татарскимъ сепаратизмомъ. Но такъ какъ обѣ эти задачи явились слѣдствіемъ появленія большевиковъ, то въ послѣднемъ счетѣ все сводилось къ борьбѣ съ послѣдними: Россія, освобожденная отъ комиссародержавія, легко справилась бы и съ нѣмцами, и съ татарами.

Чтобы выполнить всѣ эти задачи, надо было возобновить выходъ газеты, которая тогда являлась для меня единственной трибуной. Кстати, на слѣдующій день я былъ вызванъ къ нѣмецкому коменданту, который просилъ меня возобновить выходъ газеты. Мы начали договариваться объ условіяхъ, такъ какъ я сразу заявилъ, что я могу издавать лишь совершенно независимую газету. Комендантъ мнѣ сообщилъ, что газета сможетъ выходить лишь подъ предварительной цензурой и безъ бѣлыхъ мѣстъ. Противъ перваго условія я возражать не могъ, а со вторымъ я никакъ не могъ согласиться, ибо технически невыполнимо. Комендантъ согласился со мной, но предупредилъ, что никакой критики дѣйствій нѣмецкаго правительства и никакой апологіи союзниковъ не допуститъ. «А критику Брестъ - Литовскаго договора?» — спросилъ я. Послѣ нѣкотораго раздумья онъ мнѣ отвѣтилъ, что онъ запроситъ свое начальство.

Но когда я явился въ свою редакцію, я столкнулся съ совершенно неожиданнымъ препятствіемъ: типографскіе рабочіе мнѣ объявили стачку, выставивъ фантастическія требованія: 1) увеличеніе заработной платы, что я согласился немедленно удовлетворить, такъ какъ цѣны на продукты возросли; 2) не восьмичасовый рабочій день, какъ было раньше, а значительное уменьшеніе количества набираемыхъ строкъ, что на практикѣ уменьшило бы рабочій день до 5 часовъ, что я находилъ глубоко несправедливымъ, такъ какъ это означало бы культивированіе лѣни; 3) уплату жалованія за все время хозяйни-

чанія большевиковъ, хотя рабочіе сами способствовали ихъ приходу и получали все время отъ комиссаровъ средства на жизнь, каковое требованіе раскрывало чисто эксплуататорскія наклонности у одичавшихъ рабочихъ; 4) вѣроятно въ надеждѣ на возвращаеніе большевиковъ было выставлено требованіе, чтобы я гарантировалъ уплату жалованія за два или три мѣсяца (не помню точно) въ случаѣ прекращенія газеты и, наконецъ, 5) мѣсячный отпускъ съ полнымъ жалованіемъ. Характерно, что всѣ наличные рабочіе заявили. что они не большевики, но что они хотятъ себя обезопасить. Очевидно, большевицкая психологія стала ихъ второй природой.

Такъ какъ газета на слѣдующій день не вышла, германскій комендантъ послалъ узнать, въ чемъ дѣло. Узнавъ о стачкѣ, онъ корректно вызвалъ меня и представителей рабочихъ для улаженія конфликта. Обѣ стороны изложили суть спора. Комендантъ повышеннымъ тономъ началъ упрекать представителей рабочихъ и началъ угрожать имъ репрессіями. Это мнѣ менѣе всего улыбалось. Я рѣшительно отказался отъ его заступничества и высказалъ надежду, что мы между собой поладимъ. И дѣйствительно мы къ вечеру сошлись, причемъ я абсолютно отвергъ какое либо вознагражденіе въ случаѣ прекращенія газеты вслѣдствіе новаго прихода большевиковъ, въ чемъ рабочіе были абсолютно увѣрены, а я допускалъ какъ очень мало вѣроятную возможность. Этотъ споръ съ рабочими доказалъ мнѣ, что большевизмъ еще не изжитъ населеніемъ и что при данныхъ условіяхъ лишь нѣмецкіе штыки оберегаютъ насъ отъ повторенія большевицкихъ звѣрствъ. Этимъ сознаніемъ обусловливались очень многія изъ моихъ послѣдующихъ дѣйствій.

Наконецъ, газета начала вновь выходить. Каково же было мое удивленіе, когда моими цензорами оказались молодой нѣмецкій лейтенантъ и... русскій офицеръ изъ остзейскаго края, который сразу захотѣлъ проявить свои реакціонныя замашки, такъ какъ для него кадеты были тѣ же большевики. Мнѣ пришлось его обуздать при посредствѣ... германскаго коменданта.

Какъ руководителю газеты, мнѣ необходимо было сразу выяснить внутренній смыслъ оккупаціи Крыма. Апріори могли быть различныя предположенія: желаніе нѣмцевъ использовать богатый край для пополненія снабженія нѣмецкаго народа, за что говорило предписаніе всѣмъ нѣмецкимъ солдатамъ посылать еженедѣльно домой посыл-

ку, кажется, въ 10 фунтовъ вѣсомъ; за это говорило и то, что нѣмцы немедленно захватили богатѣйшіе запасы, имѣвшіеся въ Севастопольскомъ складѣ и еще не растащенные матросами, и вывозили ихъ въ Германію. (За это дѣйствіе впослѣдствіи англійскій адмиралъ Колсорпъ назвалъ германскаго адмирала Гопмана воромъ). Другое предположеніе было, что нѣмцы продолжаютъ политику расчлененія Россіи и наряду съ самостоятельной Украйной, Литвой, Эстоніей хотятъ создать самостоятельный татарскій Крымъ, за что говорило поведеніе татаръ, вдругъ почувствовавшихъ себя абсолютными господами положенія, равно какъ и поведеніе нѣмцевъ, вначалѣ исполнявшихъ всѣ требованія татаръ и покровительствовавшихъ имъ во всемъ. Не было исключено и предположеніе, что нѣмцы просто хотятъ захватить Крымъ для себя, какъ великолѣпную станцію на Черномъ морѣ поблизости отъ нефтеноснаго Кавказа и отъ загадочнаго Константинополя. Когда какой-то русскій спросилъ нѣмецкаго генерала, нравится ли ему Алупка, онъ, отчеканивая каждое слово, отвѣтилъ: «Да, *наша* красивая Алупка мнѣ очень нравится». Слухъ объ этой фразѣ молніеносно распространился по всему южному берегу и произвелъ угнетающее впечатлѣніе не только на русскихъ, но и на татаръ. Было, наконецъ, и послѣднее предположеніе, которое мнѣ старался внушить комендантъ: нѣмцы вошли въ Крымъ, чтобы показать всей Россіи, какъ быстро они расправляются съ большевиками и на этой почвѣ создать соглашеніе между антибольшевицкой Россіей и нѣмецкой властью. Дѣйствительно, первые дни нѣмцы жестоко расправлялись съ большевиками, но почти одновременно съ этимъ они выпустили пресловутаго Дыбенко, архизлодѣя изъ матросовъ, и тихонько выпускали изъ Крыма цѣлый рядъ другихъ главарей мѣстныхъ большевиковъ.

Теперь, на разстояніи нѣсколькихъ лѣтъ, можно съ увѣренностью сказать: нѣмцы сами не знали, чего они добивались отъ Крыма. Вѣроятно, у разныхъ лицъ или въ различные моменты было то или иное предположеніе, но система отсутствовала. Все зависѣло отъ окончательныхъ результатовъ войны и отъ событій въ самой Россіи. Въ одномъ только нѣмцы были тогда крѣпко увѣрены: большевицкая зараза не можетъ проникнуть ни въ германскій народъ, ни въ германскія войска. На всѣ мои указанія, что большевизмъ — самая прилипчивая болѣзнь, мнѣ отвѣчали: «только не по отношенію къ нѣмцамъ». Какъ мо-

лніеносно перемѣнилась картина нѣсколькими мѣсяцами позже! Но не будемъ забѣгать впередъ.

Надо было оріентироваться во всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, тѣмъ болѣе что гдѣ-то вдали отъ насъ шла активная борьба съ большевиками, гдѣ-то ген. Алексѣевъ и Корниловъ подняли знамя возрожденія Россіи, оставаясь вѣрными союзникамъ. Наше положеніе было дѣйствительно мучительное. Украинскіе кадеты пошли на соглашеніе съ нѣмцами, на Кубани и слышать не хотѣли о сговорѣ съ ними, а тутъ какъ разъ получались телеграммы о побѣдоносныімъ шествіи германскихъ войскъ вглубь Франціи. Нѣмецкія газеты, прибывавшія въ Ялту въ большомъ количествѣ, воспѣвали на разные лады предстоящую въ скоромъ времени окончательную побѣду. Даже болгары, захватившіе тогда часть Сербіи и всю Македонію, посылали намъ черезъ нѣмецкія газеты свои насмѣшливо - ироническіе привѣты. А тутъ казалось такъ близко освобожденіе отъ ненавистныхъ большевиковъ при помощи нѣмцевъ... Голова кружилась. Я, который въ самый день ухода на фронтъ напечаталъ статью въ ж. «Разсвѣтъ» о вѣрной побѣдѣ союзниковъ, началъ спрашивать себя, не ошибся ли я въ расчетахъ, не принявъ во вниманіе переворота въ Россіи, т. е. значительнаго ослабленія союзническаго фронта.

Въ этомъ состояніи раздумья и сомнѣній, вынужденный въ качествѣ редактора вліятельной газеты дать немедленный отвѣтъ на всѣ эти мучительные вопросы, я встрѣтился съ В. Д. Набоковымъ, проживавшимъ тогда въ Гаспрѣ, на дачѣ графини Паниной. Вѣрно, здѣсь же жилъ и нашъ патріархъ И. И. Петрункевичъ, но это былъ человѣкъ разъ навсегда застывшихъ убѣжденій, не считавшійся съ жизнью. Его ненависть къ нѣмцамъ была феноменальна.

А Набоковъ былъ совсѣмъ другой человѣкъ. Съ перваго знакомства онъ произвелъ на меня чарующее впечатлѣніе тонкаго культурнаго человѣка, что я цѣню выше всего. Это былъ настоящій духовный аристократъ, котораго коробило малѣйшее проявленіе плебейства и некультурности. Я думаю, что онъ и кадетомъ сдѣлался именно по культурнымъ, а не по политическимъ причинамъ. По воспитанію онъ былъ антисемитъ, но его культурность диктовала ему гуманное отношеніе къ безправному еврейству. Не любовь къ Бейлису, а отвращеніе къ некультурнымъ пріемамъ Щегловитовыхъ и Замысловскихъ внуши-

ло ему его вдохновенныя корреспонденціи изъ Кіева при разборѣ ритуальнаго процесса. Въ немъ была сильно развита индивидуальность и онъ не былъ рабомъ партійныхъ догмъ.

Съ нимъ, съ этимъ благороднѣйшимъ представителемъ русскаго національнаго духа, я хотѣлъ посовѣтоваться. Да я долженъ былъ это сдѣлать, ибо въ вопросѣ, затрагивавшемъ національную русскую честь, я, еврей, долженъ былъ быть вдвойнѣ осторожнымъ. Милюковъ легко могъ перемѣнить вѣхи, но еврей Пасманикъ не имѣлъ моральнаго права самъ диктовать доступной его вліянію русской публикѣ перемѣну вѣхъ. Тѣмъ болѣе, что въ тотъ моментъ я еще не зналъ объ эволюціи Милюкова: о ней шли слухи, но фактовъ у меня не было.

Б. Д. Набоковъ и въ вопросѣ объ отношеніяхъ къ нѣмцамъ сразу сталъ на почву культурной проблемы. «Мы стали, поскольку мы стали, культурными европейцами, сказалъ онъ мнѣ, лишь благодаря нѣмцамъ. Наша наука, наша техника, наша философія — плоды вліянія нѣмецкой культуры. Да и экономически мы связаны съ Германіей, а не съ Франціей и не съ Англіей. А что касается большевизма, то нѣмцы имъ воспользовались, какъ использовали ядовитые газы, но не создали его. Мы, русскіе люди, наши цари, наши бюрократы и дворяне, наша интеллигенція и взбалмошный «третій элементъ», наше лѣнивое духовенство — мы всѣ создали большевизмъ. Намъ надо примириться съ нѣмцами, если это еще возможно». Я передаю приблизительно его слова по памяти (мои дневники погибли въ Крыму), но я ихъ передаю вѣрно. Я ему предложилъ написать статью въ этомъ духѣ за его подписью для нашей газеты. Онъ наотрѣзъ отказался безъ всякой мотивировки, да и я не счелъ нужнымъ тянуть человѣка за душу. Я зналъ, что Набоковъ не боевой человѣкъ. Онъ не былъ созданъ для революціонныхъ бурь: онъ никогда не снималъ бѣлыхъ перчатокъ.

И послѣ совѣщанія съ В. Д. мнѣ стало не легче. А молчать я не могъ, ибо въ Ялтѣ выходила вновь соціалистическая газета, которая проводила прямую линію, опредѣлявшуюся враждебностью къ нѣмцамъ, какъ къ реакціонной силѣ, и нежеланіемъ бороться съ «братьями - большевиками». Мѣстные соціалисты уже тогда заявляли: «лучше Ленинъ, чѣмъ Корниловъ», благодаря чему они пользовались покровительствомъ нѣмцевъ, которые тоже ненавидѣли Корнилова, желавшаго возстановить анти-

германскій фронтъ въ Россіи. И поэтому получался странный результатъ: германская цензура относилась ко мнѣ, задумывавшемуся надъ возможностью соглашенія съ нѣмцами, куда строже, чѣмъ къ соціалистической газетѣ, опредѣленно отмежевавшейся отъ нихъ. Опять одно изъ трагическихъ противорѣчій того сумбурнаго времени.

Надо было принять какое-нибудь опредѣленное рѣшеніе, тѣмъ болѣе что назрѣвалъ вопросъ о созданіи мѣстной власти. Комендантъ меня запросилъ, какъ относятся кадеты и вообще русскіе къ образованію смѣшанной власти съ татарами. Я ему отвѣтилъ, что мы не отрицаемъ права участія татаръ въ мѣстной власти, но все будетъ зависѣть отъ условій образованія ея. Впрочемъ, отвѣтъ на поставленный вопросъ можетъ дать лишь партія, а не отдѣльныя лица. Я потребовалъ отъ политическихъ единомышленниковъ экстреннаго совѣщанія.

XII

КРЫМСКАЯ ВЛАСТЬ ПРИ НѢМЦАХЪ 1)

Кадетское собраніе состоялось на квартирѣ у А. В. Тесленко. Изъ членовъ центральнаго комитета присутствовали И. И. Петрункевичъ, В. Д. Набоковъ и Н. В. Тесленко. Открывая собраніе, я настаивалъ на необходимости вырѣшить вопросъ о нашемъ отношеніи къ нѣмцамъ. Тутъ то мы впервые узнали отъ И. И. Петрункевича о «смѣнѣ вѣхъ» Милюковымъ, который рѣшительно выступилъ защитникомъ соглашенія съ нѣмцами, что, понятно, произвело огромное впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ. Первымъ говорилъ Петрункевичъ. Съ огромнымъ темпераментомъ этотъ глубокій старикъ отстаивалъ позицію вѣрности союзнической политикѣ. Всѣ сообщенія о побѣдоносномъ шествіи нѣмцевъ вглубь Франціи на него не произвели никакого впечатлѣнія. Онъ пророчески предвидѣлъ огромную роль вновь прибывающихъ американскихъ войскъ, снабженныхъ огромными техническими средствами. Его отрицательное отношеніе къ нѣмцамъ онъ объяснялъ не только тѣмъ, что они враги единой Россіи, но и тѣмъ, что они несутъ съ собой реакцію. А главное, измѣна союзникамъ убьетъ навсегда вѣру въ Россію, что принесетъ неисчислимыя послѣдствія въ будущемъ. Выводъ его былъ: полная непримиримость съ нѣмцами. Въ очень осторожной формѣ ему возражалъ В. Д. Набоковъ, который подчеркивалъ эгоизмъ союзниковъ и вѣроятность побѣды нѣмцевъ. Припоминаю: Петрункевичъ нѣсколько разъ нетерпѣливо прерывалъ Набокова, но мнѣ, какъ председателю собранія, было не совсѣмъ удобно призвать къ порядку юношески - темпераментнаго старика. Набоковъ спокойно закончилъ свою рѣчь, однако, не сдѣлалъ окончательнаго вывода. Не буду передавать всѣхъ рѣчей,

---

1) *См. В. А. Оболенскій,* Крымъ въ 1917-1918 г. г. «На чужой сторонѣ» №№ V, VI.

но ясно было, что въ собраніи единогласія нѣтъ. А мнѣ нужно было опредѣленное рѣшеніе, ибо у меня на рукахъ газета, которая всѣми считалась именно кадетской газетой. Я взялъ слово послѣднимъ и прежде всего установилъ два руководящихъ принципа: 1) чтобы освободить Россію отъ большевиковъ, я готовъ войти въ союзъ хотя бы съ самимъ чортомъ, ибо большевизмъ хуже всякихъ реакцій; 2) можно войти въ соглашеніе съ нѣмцами, если они откажутся отъ Брестъ - Литовскаго договора, т. е. отъ расчлененія Россіи. Союзники же не могутъ быть на насъ въ претензіи, потому что, вступая въ соглашеніе съ нѣмцами, мы не измѣняемъ положенія созданнаго уничтоженіемъ русскаго фронта. А Германія все равно будетъ пользоваться русскимъ сырьемъ, которое она беретъ по праву силы. А если нѣмцы помогутъ намъ прогнать большевиковъ, то это будетъ выигрышъ для всей Европы. Какъ и надо было ожидать, собраніе раздѣлилось. Получилось ничтожное большинство (1-2 голоса) въ пользу моей формулировки. Характерно: въ собраніи были два еврея — д-ръ Альтшулеръ и я. Мы оказались въ двухъ лагеряхъ: мой коллега и единовѣрецъ голосовалъ за формулу Петрункевича.

Вопросъ объ образованіи краевой власти былъ отложенъ до слѣдующаго собранія, которое состоялось черезъ нѣсколько дней на квартирѣ В. В. Келлера въ присутствіи тѣхъ же лицъ, В. А. Оболенскаго и С. С. Крыма, который нами выдвигался въ качествѣ главы краевого крымскаго правительства въ случаѣ соглашенія съ нѣмцами и одобренія общественнаго мнѣнія. Дѣло въ томъ, что лѣвые тогда сами выдвигали кадетовъ впередъ, не желая связываться съ нѣмцами.

Мы только что начали обсуждать вопросъ о власти, какъ я былъ вызванъ къ телефону. Меня вызывалъ на совѣщаніе Сейдаметовъ, молодой вождь татаръ. Я ему предложилъ пріѣхать на квартиру Келлера, гдѣ онъ встрѣтится съ видными членами партіи. Черезъ нѣсколько минутъ онъ прибылъ къ намъ въ сопровожденіи молодого Аблаева, полнаго младенца въ политическихъ вопросахъ.

Для характеристики той эпохи нѣсколько словъ о Сейдаметовѣ, игравшемъ роль въ жизни Крыма въ 1917-1918 г. г. Молодой человѣкъ, лѣтъ 25, учился въ какомъ то французскомъ университетѣ, но не кончилъ его. Плохо говоритъ и по русски, и по французски. Сынъ мѣстнаго татарина - крестьянина изъ Алушты. Въ началѣ револю-

ціи незамѣтный эс-эръ. Мало по малу, подъ вліяніемъ муфти Челеби, изъ него вылупливается татарскій націоналистъ, вокругъ котораго собирается татарская полуинтеллигентская молодежь, которая очень быстро вырываетъ изъ рукъ мурзъ (татарскихъ помѣщиковъ) все руководство дѣлами крымскихъ татаръ. Чѣмъ болѣе прогрессируетъ разложеніе Россіи и чѣмъ настойчивѣе становятся сепаратистскія тенденціи на Украйнѣ, тѣмъ опредѣленнѣе выявляется татарскій автономизмъ, во главѣ котораго стоитъ молодой Джаферъ Сейдаметовъ. Но по существу хвастливый и самонадѣянный молодой человѣкъ, безъ организаторскихъ талантовъ, который быстро исчезаетъ подъ первымъ напоромъ севастопольскихъ большевиковъ. Вновь появляется съ первыми нѣмцами и сразу превращается въ ихъ покорнаго слугу: Вильгельмъ объявляется поборникомъ справедливости и спасителемъ человѣчества. Но и это хитрость: на самомъ дѣлѣ Сейдаметовъ мечтаетъ о присоединеніи Крыма къ Турціи или, по крайней мѣрѣ, объ объединеніи всѣхъ русскихъ татаръ подъ покровительствомъ халифа. Сейдаметовъ сообщилъ намъ, что нѣмцы предложили ему образовать власть, что Курултай (татарское національное собраніе) уже созванъ, что татары обладаютъ серьезной военной силой, во главѣ которой станетъ татаринъ генералъ Сулькевичъ, имя котораго мы впервые услыхали и, наконецъ, если кадеты ему помогутъ, то все будетъ въ порядкѣ. Очевидно, чтобы напугать насъ, онъ прибавилъ, что министромъ финансовъ они намѣрены предложить извѣстнаго политико - эконома Тугана - Барановскаго, который будто бы уже далъ свое согласіе. Вся рѣчь Сейдаметова производила впечатлѣніе безпомощности и нахальства, самоувѣренности и трусости. Онъ чувствовалъ, что собственными силами татары не могутъ образовать власти, авторитетной въ глазахъ населенія и нѣмцевъ. Очевидно, что и сами нѣмцы настаивали на соглашеніи съ кадетами. Я хотѣлъ вывести его на чистую воду. Поэтому я его спросилъ, почему онъ, такъ враждебно настроенный противъ нашей партіи во все время революціи, намѣревавшійся разстрѣлять нашего товарища, бывшаго губернскаго комиссара Н. Н. Богданова, сдѣлавшаго столько добра татарамъ въ качествѣ земскаго дѣятеля, почему это вдругъ онъ намъ предлагаетъ создать съ нимъ вмѣстѣ краевую власть. Его отвѣтъ записанъ В. А. Оболенскимъ: «Когда нужно было разрушать (съ удареніемъ на первомъ «а»), мы были эс-эрами, а ког-

да надо созидать (съ удареніемъ на «о»), мы съ кадетами».

Мы заявили Сейдаметову, что мы обсудимъ вопросъ и такъ какъ рѣшеніе его не терпитъ отлагательства, то мы вечеромъ опять соберемся. Онъ съ дѣтской радостью согласился и пригласилъ насъ собраться въ гостинницѣ «Францiя» вмѣстѣ поужинать. Онъ, очевидно, такъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ своей миссіи, что ужинъ этотъ заказалъ впередъ.

Когда мы остались одни, то мы всѣ почувствовали весь комизмъ переговоровъ съ этимъ взбалмошнымъ юношей, у котораго голова вскружилась. Всѣ мы относились съ глубокой симпатіей къ татарскому населенію, но не наша вина, если творцами культурной жизни Крыма являлись кто угодно, прежде всего русскіе, нѣмцы, армяне, караимы, но не татары. Курултай былъ пародіей на парламентъ, а вожди его были зеленые юнцы. Имъ впору было учиться, а не политиканствовать. Но съ другой стороны эти юнцы могли стать опасными, ставъ орудіемъ въ рукахъ нѣмцевъ или султана, что для насъ, защитниковъ идеи единой Россіи, было далеко немаловажно. Поэтому тѣ немногіе изъ насъ, которые предложили прервать всякіе разговоры съ Сейдаметовымъ, не встрѣтили сочувствія. Я особенно настаивалъ на томъ, что нельзя допустить, чтобы краевая власть, благодаря нѣмцамъ, очутилась исключительно въ рукахъ татаръ. Если это случится, то это будетъ впослѣдствіи служить оправданіемъ сепаратизма.

Собраніе приступило къ выработкѣ условій соглашенія. Прежде всего мы отвергли отвѣтственность будущей краевой власти передъ Курултаемъ, который, вѣдь, представлялъ лишь татаръ. Войти же персонально въ татарское правительство, получающее инвеституру изъ рукъ нѣмецкаго генерала Коша, мы считали просто предательствомъ. Единственная возможность оставалась: съѣздъ представителей земскихъ и городскихъ самоуправленій пяти уѣздовъ Крыма долженъ санкціонировать участіе русскихъ въ краевой власти, которая должна быть не татарской, а именно краевой. Что она будетъ русской по духу, мы не сомнѣвались, въ виду крайней культурной слабости татарскихъ членовъ власти. Однимъ словомъ, мы пошли на соглашеніе при сохраненіи принципа неотдѣлимости Крыма отъ Россіи. Мы понимали, что все зависитъ отъ нѣмцевъ. Если послѣдніе согласились бы на чисто та-

тарское правительство, то Сейдаметовъ ни на минуту не задумался бы и составилъ бы таковое изъ своихъ единовѣрцевъ, тѣмъ болѣе что къ этому времени прибыли въ Симферополь нѣсколько казанскихъ татаръ съ университетскими дипломами. Естественно было предположить, что нѣмцамъ хотѣлось сразу убить двухъ зайцевъ: образовать татарскую власть, но добровольно признанную русской интеллигенціей, т. е. повторить опытъ Украйны, гдѣ кадеты поддержали гетманское правительство. Однимъ словомъ, мы вооружились сугубой осторожностью.

Вечеромъ мы пришли въ гостиницу «Франція» и, къ нашему удивленію,мы нашли богато накрытый столъ,словно предстояло необыкновенное пиршество.Разнообразнѣйшія закуски, дорогія вина, а на столикѣ сбоку были разставлены коробки съ лучшими папиросами. Наши амфитріоны очень суетились: вся эта торжественная обстановка имъ самимъ была непривычна. Ужинъ продолжался долго, но вначалѣ говорили о мелочахъ. Къ концу ужина Набоковъ сообщилъ татарамъ о нашихъ условіяхъ, что не особенно понравилось Сейдаметову. Но его товарищъ Аблаевъ, болѣе привычный къ русскому образу мышленія, сразу согласился. Было рѣшено: татары предложатъ нѣмцамъ отложить образованіе власти до созыва губернскаго земства въ составѣ пяти Крымскихъ уѣздовъ.

Черезъ нѣсколько дней мы отправились въ Симферополь*): С. С. Крымъ, В. Д. Набоковъ, В. А. Оболенскій, В. В. Келлеръ и я, причемъ членами земства были лишь Крымъ и Келлеръ. Но мы знали, что на предстоящее собраніе будутъ допущены, по требованію лѣвыхъ, и представители партійныхъ комитетовъ. Въ Симферополѣ впервые собралось демократическое губернское земство. Оно было дѣйствительно новое. Огромное большинство — эсэры изъ крестьянъ и люди третьяго элемента. Особенно бросался въ глаза между ними своей демагогіей и нетерпимостью симферопольскій адвокатъ, очень богатый домовладѣлецъ, что не мѣшало ему слишкомъ часто злоупотреблять терминомъ «трудовой». Но эс-эровская масса вообще была очень скромная и непретенціозная, а главное, искренне ненавидѣвшая большевиковъ и поэтому го-

*) В. А. Оболенскій въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ, что мы въ эти дни собрались у М. М. Винавера. Это — невѣрно. Совѣщаніе у Винавера происходило гораздо позже, когда образовывалось министерство С. С. Крыма.

товая сотрудничать съ кадетами. Совершенно другой обликъ имѣла соціалъ - демократическая фракція. Она была непримирима и нисколько не скрывала своего соглашательства по отношенію къ большевикамъ. Она поэтому избѣгала всякой отвѣтственности за предпринимаемые политическіе шаги, видимо, боясь мести большевиковъ при повторномъ захватѣ ими Крыма. Поэтому соціалъ - демократы - интернаціоналисты наотрѣзъ отказались вступить въ составъ губернской земской управы. Лишь плехановецъ П. С. Бобровскій, во всемъ расходившійся съ интернаціоналистами, согласился работать съ эс-эрами и кадетами. Когда дошло дѣло до выбора предсѣдателя губернской земской управы, господствующая партія эс-эровъ предложила этотъ постъ кадетамъ, въ первую голову, опытному и заслуженному земскому дѣятелю, С. С. Крыму, а за рѣшительнымъ его отказомъ, В. А. Оболенскому, котораго она особенно цѣнила, какъ лѣваго кадета.

Послѣ выборовъ управы приступили къ обсужденію предложенія татаръ о совмѣстномъ образованіи краевой власти. Набоковъ выработалъ формулу соглашенія. Образуемая власть — временная, а посему она должна заботиться лишь о благосостояніи края, не задаваясь общегосударственными цѣлями и не входя въ дипломатическія сношенія съ иностранными государствами. Татарскіе министры отвѣтственны передъ Курултаемъ, а русскіе — передъ губернскимъ земствомъ. Джаферъ Сейдаметовъ не долженъ быть ни премьеромъ, ни, понятно, министромъ иностранныхъ дѣлъ. Собраніе одобрило эту формулу и поручило кадетамъ вести переговоры до конца. Набоковъ, Оболенскій и я отправились на свиданіе съ Сейдаметовымъ. Когда ему прочли наши условія, онъ сразу объявилъ ихъ непріемлемыми, ибо, будто бы, нѣмцы настаиваютъ на наличіи министра иностранныхъ дѣлъ и ген. Сулькевича въ качествѣ военнаго министра въ составѣ правительства. На этомъ мы разошлись. Намъ со стороны передали, что нѣмцы ни за что не допустятъ образованія чисто татарскаго министерства.

На слѣдующій день городъ былъ оповѣщенъ, что ген. Сулькевичъ «съ согласія германскаго командованія» взялъ на себя образованіе Крымской власти, а Сейдаметовъ получилъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ. Но по существу нѣмцы вручили власть не татарамъ. Въ составъ министерства были приглашены двое русскихъ, изъ коихъ графъ Татищевъ занялъ постъ министра финансовъ,

одинъ нѣмецкій колонистъ Раппъ (министромъ земледѣлія) и В. С. Налбандовъ (министромъ народнаго просвѣщенія), полуармянинъ и полунѣмецъ по крови, но чисто русскій человѣкъ по культурѣ, старый земскій дѣятель, умный и способный человѣкъ. Его появленіе въ *этомъ* мѣстѣ объясняется тѣмъ, что онъ абсолютно вѣрилъ въ побѣду нѣмцевъ и не вѣрилъ въ татарскую опасность и въ то же время онъ глубоко ненавидѣлъ всѣ лѣвыя партіи и новое демократическое земство. Ему казалось, что онъ что-то спасетъ и убережетъ, что его присутствіе удержитъ татаръ отъ глупостей и что нѣмцы будутъ съ нимъ считаться. Что онъ не былъ сепаратистомъ, лучше всего доказывается его участіемъ впослѣдствіи въ правительствѣ ген. Врангеля, вмѣстѣ съ которымъ онъ ушелъ въ безпросвѣтную эмиграцію.

Новая власть сразу повисла въ воздухѣ: она не была ни татарской, ни русской. Сулькевичъ въ разговорѣ со мной увѣрялъ меня, что онъ прежде всего русскій генералъ, что онъ даже по татарски говорить не умѣетъ (онъ былъ изъ литовскихъ татаръ), что его жена русская и что онъ тоже мечталъ о возстановленіи Россіи безъ большевиковъ и безъ революціонеровъ. Однако въ мелочахъ онъ подчеркивалъ свое мусульманство, что раздражало всѣхъ русскихъ людей. А главное, онъ былъ — полнѣйшее ничтожество, служившій игрушкой не только въ рукахъ сильнаго Налбандова, но и ничтожнаго Сейдаметова, который твердо усвоилъ идею татарскаго сепаратизма, и дѣйствительно впослѣдствіи посылалъ одного изъ своихъ друзей къ турецкому султану. Поэтому онъ и не могъ создать новое направленіе: онъ жилъ изо дня въ день. Онъ не былъ ни прогрессивнымъ, ни реакціоннымъ правителемъ. Единственную рѣшительную мѣру — роспускъ земскихъ и городскихъ демократическихъ самоуправленій — осуществилъ не онъ, а Налбандовъ, который, какъ я уже писалъ, ненавидѣлъ «базарные митинги», какъ онъ называлъ эти самоуправленія. Былъ изданъ новый избирательный законъ, который однако во многихъ городахъ отказались примѣнять. Во всѣхъ другихъ областяхъ никакихъ существенныхъ перемѣнъ не было. Была введена цензура, но при наличіи германской цензуры она не была страшна: она скорѣе была комична. Соціалистическая пресса выходила безпрепятственно. Чтобы привлечь къ себѣ симпатіи многочисленнаго русскаго офицерства, правительство Сулькевича отпустило извѣстную сумму денегъ для раз-

дачи мѣсячныхъ пособій всѣмъ нуждающимся офицерамъ. И несмотря на все это, всѣ, рѣшительно всѣ, за исключеніемъ татаръ, ругали правительство Сулькевича. Его даже не ненавидѣли, а презирали, ибо въ немъ не было ни одной трагической черточки, а сплошная комическая клякса. Ни у кого не чесались руки, чтобы вступить въ рукопашную съ властью, а сами собой ноги подергивались по футбольски, чтобы пнуть въ заднюю часть туловища. Не было ни страха, ни уваженія, ни ненависти, а сплошное голое презрѣніе. И вовсе не потому, что Сулькевичъ услужалъ нѣмцамъ. Они въ немъ не нуждались и ничего онъ имъ не давалъ, да они его сами презирали, какъ нѣчто безформенное и бездушное. Получился въ физикѣ необъяснимый феноменъ: несмотря на полное присутствіе, всѣми ощущалось абсолютное отсутствіе, т. е. пустота. Въ лучшемъ случаѣ эта власть воспринималась какъ неумѣстная и надоѣдливая муха въ жаркій день, когда вѣки стягиваются отъ сна. На самомъ дѣлѣ лѣтомъ 1918 г. Крымъ зѣвалъ и спалъ, хотя и неглубокимъ сномъ. Гдѣ-то, страшно далеко, происходили бурныя событія, по явилась добровольческая армія, ведшая упорную борьбу съ большевиками, волновалась Украйна, несмотря на присутствіе германо - австрійскихъ штыковъ, готовились какія-то событія между Ураломъ и Волгой, возставали въ Ярославлѣ, а въ Крыму все было спокойно. Нельзя даже сказать, что люди выжидали событій. Нѣтъ, просто прозябали, потому что глухая Крымская провинція не получала импульсовъ изъ центра. Въ Россіи мозгъ и сердце находились въ столицахъ, а не въ провинціи.

XIII

ЖИЗНЬ ВЪ КРЫМУ ПРИ НѢМЦАХЪ

Когда нѣмцы прибыли въ Крымъ, они себя чувствовали полными хозяевами края и поэтому относились серьезно къ нуждамъ населенія. Въ первые же дни они приступили къ изученію продовольственнаго дѣла и внимательно отнеслись къ заявленію представителей мѣстнаго самоуправленія. При этомъ они преслѣдовали и свои интересы: увеличить возможности отправки продуктовъ въ Германію. Но въ первые мѣсяцы оккупаціи они были очень осторожны и зорко слѣдили за колебаніями цѣнъ. И дѣйствительно, несмотря на то, что Украина вскорѣ объявила Крыму экономическую войну и запретила ввозъ и вывозъ товаровъ, цѣны на предметы первой необходимости росли очень медленно и во всякомъ случаѣ были ниже, чѣмъ при большевикахъ. Отчасти это объясняется тѣмъ, что нѣмцы ввозили въ Крымъ изъ Украйны все, что хотѣли и такимъ образомъ снабжали довольно часто наши продовольственныя управы, а отчасти продажность украинскихъ пограничниковъ въ значительной мѣрѣ парализовала запретительные циркуляры. Такимъ образомъ установились приличныя отношенія между нѣмцами и мѣстнымъ населеніемъ. Послѣднему импонировала дисциплина и солидарность нѣмцевъ. Порядокъ у нихъ и возлѣ нихъ былъ образцовый. Держались они скромно, безъ заносчивости. Вначалѣ ялтинскій комендантъ потребовалъ, чтобы ему уступили нѣсколько лазаретовъ для германскихъ больныхъ и чтобы ему устроили публичный домъ для его здоровыхъ солдатъ. Въ томъ и другомъ случаѣ ему было рѣшительно отказано, такъ какъ у насъ не хватало мѣстъ для собственныхъ больныхъ и никогда въ Ялтѣ не было публичнаго дома. Онъ успокоился. Марка была объявлена равной 75 коп. и такимъ образомъ былъ предупрежденъ денежный голодъ несмотря на то, что Крымъ ни откуда не получалъ денежныхъ знаковъ. Вообще, нѣ-

мецкая оккупація въ бытовомъ отношеніи не давила населеніе. Въ одномъ лишь отношеніи они были безпощадны: они старались вывезти изъ края все, что только возможно было. О вывозѣ запасовъ Севастопольскаго порта я уже писалъ. Въ ялтинскомъ уѣздѣ они скупили всю шерсть и весь табакъ, но расплачивались наличными марками, которыя тогда очень цѣнились. Боялись одно время, чтобы они не забрали огромныхъ запасовъ земскаго союза, но все обошлось благополучно.

Можно сказать, что населеніе никакой ненависти къ нѣмцамъ не чувствовало. Ни солдаты, ни офицеры ихъ не пьянствовали, не дебоширили, никогда не появлялись ни въ кондитерскихъ, ни въ ресторанахъ, а жили своей замкнутой и обособленной жизнью. Первыя двѣ недѣли они навели панику на лѣвыхъ своей жестокой расправой съ большевиками. Но приблизительно черезъ мѣсяцъ цензоръ мнѣ, между прочимъ, заявляетъ:«Г-нъ докторъ, нельзя ли поменьше ругать большевиковъ. Знаете, мы все же живемъ въ мирѣ съ совѣтской властью, нашъ посолъ въ Москвѣ, совѣтскій посолъ въ Берлинѣ. Ругайте большевиковъ, но не совѣтскую власть». Очевидно, изъ Берлина подуло другимъ вѣтромъ. Но съ тѣхъ поръ и наши лѣвые мирно уживались съ нѣмцами.

Но не долго продолжалось это идиллическое состояніе. Въ іюнѣ мѣсяцѣ, не помню точно какимъ путемъ, я получилъ возможность войти въ прямыя сношенія съ П. Н. Милюковымъ, который, кажется, тогда находился въ Одессѣ и писалъ часто въ газ. «Одесскій Листокъ». Если я не ошибаюсь, я ему написалъ, что я его поддержу, если окажется, что нѣмцы готовы отказаться отъ Брестъ - Литовскаго договора и отъ расчлененія Россіи. Въ своей газетѣ я написалъ статью въ соотвѣтственномъ духѣ, но въ осторожныхъ выраженіяхъ, чтобы не напугать цензора. Послѣдній немного помялся, но пропустилъ статью. Черезъ два дня я былъ вызванъ въ неурочный часъ къ цензору, который мнѣ объявилъ, что впредь онъ не пропуститъ ни одной строчки, направленной противъ Брестъ - Литовскаго договора и одновременно съ этимъ просилъ меня отъ имени своего начальства высказать совершенно откровенно свой взглядъ на положеніе въ докладѣ, который будетъ посланъ въ Кіевъ и въ Берлинъ. При этомъ онъ настаивалъ на абсолютной тайнѣ. Къ сожалѣнію, я копіи доклада при себѣ не имѣю. Но основныя мысли его я твердо помню, потому что мнѣ пришлось ихъ потомъ

дебатировать съ германскимъ офицеромъ, присланнымъ ко мнѣ изъ Севастополя. Вотъ краткое резюмэ моего доклада: большевизмъ не только русская, а общеевропейская опасность, не только для побѣжденныхъ странъ, но и для странъ - побѣдительницъ. Германія непосредственно заинтересована въ сверженіи совѣтской власти, которое будетъ очень легко при поддержкѣ германской арміи. Но главную роль при сверженіи должна играть русская армія во главѣ съ временнымъ правительствомъ, составленнымъ изъ представителей кадетской партіи и промышленниковъ. Для того, чтобы все это сдѣлать возможнымъ, нѣмцы должны отказаться отъ Брестъ - Литовскаго договора и отъ расчлененія Россіи, причемъ, однако, послѣдняя признаетъ независимость этнографической Польши (Kongresspolen) и Финляндіи — послѣдней при исправленіи границы въ Выборгской губерніи въ видахъ защиты Петрограда. Германія должна удовлетвориться выгоднымъ торговымъ договоромъ. Россія останется нейтральной до конца войны.

Въ разговорѣ со мной присланный офицеръ настаивалъ 1) на невозможности для Германіи уйти изъ Остзейскаго края, причемъ онъ въ этотъ край включалъ и огромную часть Литвы, и 2) на правѣ Украйны на самостоятельность. Я возражалъ, что лишь Учредительное Собраніе правомочно производить какія либо территоріальныя измѣненія и что вопросъ объ Украйнѣ — внутренній, который будетъ разрѣшенъ соглашеніемъ между рус скимии и украинцами. Мой собесѣдникъ сразу согласился со мной, что большевизмъ — европейская опасность, но онъ предусматривалъ затрудненія со стороны добровольческой арміи. Разстались мы довольно мирно. О результатѣ моего доклада мнѣ было обѣщано сообщить.

Черезъ нѣсколько дней я, заготовивъ впередъ двѣ передовицы, помѣстилъ ту, которая была посвящена вновь критикѣ Брестъ - Литовскаго договора. Но цензоръ наотрѣзъ отказался пропустить ее и пришлось замѣнить ее другой передовицей, посвященной вопросу внутренней политики. Проходили дни, а я никакого сообщенія о моемъ докладѣ не получалъ. Къ концу іюня, передъ самымъ моимъ отъѣздомъ въ Кіевъ на кадетскій съѣздъ, я былъ вызванъ къ коменданту, который мнѣ очень сухо сообщилъ слѣдующее: «Мы знаемъ, что вы посылаете офицеровъ въ добровольческую армію (о чемъ рѣчь впереди). Предупреждаю васъ, что если вы не прекратите этого не-

законнаго предпріятія, вы будете отправлены въ концентраціонный лагерь въ Германію». — «Это все, что вы имѣли мнѣ сообщить?» — спросилъ я. Послѣ нѣкотораго раздумья, онъ мнѣ отвѣтилъ: «Да! Впрочемъ,, бросьте всякія идеи о единой Россіи. Побѣдоносная Германія не нуждается въ совѣтахъ». Это было сказано, когда нѣмцы перешли Марну, но до того, какъ генералы Манженъ и Дегуттъ нанесли нѣмцамъ первое рѣшительное пораженіе 18-го іюля.

Но для меня стало ясно, что никакое соглашеніе съ нѣмцами невозможно и поэтому рѣшилъ выступить противъ Милюкова на Кіевскомъ съѣздѣ, хотя я ему раньше обѣщалъ свою поддержку.

Кадетскій съѣздъ въ Кіевѣ состоялся въ первыхъ числахъ іюля въ гимназіи Жекулиной. Изъ Крыма пріѣхали въ качествѣ делегатовъ В. А. Оболенскій и я. Были на съѣздѣ изъ центра Милюковъ, Набоковъ и И. П. Демидовъ, редактировавшій тогда въ Кіевѣ чахлую кадетскую газету. Если я не ошибаюсь, въ съѣздѣ участвовалъ и Ефимовскій, смѣнившій съ тѣхъ поръ вѣхи основательно вправо. Съѣздъ обсуждалъ два вопроса: о допустимости участія кадетовъ въ гетманскомъ правительствѣ и о германской оріентаціи. Дебаты по первому вопросу были совершенно безплодны, потому что кадетская партія, какъ цѣлое, потеряла свой авторитетъ и не могла что - нибудь предписывать вліятельной группѣ. Партійная дисциплина была нарушена самимъ лидеромъ, который вопреки рѣшенію центральнаго комитета въ Москвѣ, защищалъ германскую оріентацію. Онъ, естественно, одобрялъ и поведеніе украинскихъ кадетовъ, поддерживавшихъ гетмана. Въ этихъ дебатахъ я не участвовалъ. Отмѣчу только, что тогда Милюковъ былъ очень далекъ отъ республиканско - демократической точки зрѣнія и въ сущности ни въ чемъ не отличался отъ бывшихъ октябристовъ. Онъ даже не нашелъ словъ порицанія карательнымъ отрядамъ, жестоко расправлявшимся тогда съ украинскими крестьянами, что было просто политической глупостью, ибо такимъ путемъ насаждался большевизмъ въ краѣ. Но зато я принялъ горячее участіе въ дебатахъ объ оріентаціи. Милюковъ исходилъ въ своей рѣчи изъ двухъ положеній: 1) побѣда нѣмцевъ несомнѣнна, 2) волжскій фронтъ будетъ разбитъ большевиками. А изъ этого дѣлается выводъ: спасеніе Россіи въ союзѣ съ нѣмцами. Я въ своемъ словѣ совершенно лояльно подчеркнулъ, что еще недавно я сто-

ялъ на точкѣ зрѣнія Милюкова, но теперь я убѣдился, что никакое соглашеніе съ нѣмцами невозможно, ибо они не хотятъ отказаться отъ расчлененія Россіи. А что касается побѣды нѣмцевъ, то мы еще не знаемъ, какую роль сыграютъ новоприбывающія американскія войска. Спасеніе наше, закончилъ я, въ укрѣпленіи добровольческой арміи. На Кіевскомъ съѣздѣ Милюковъ побѣдилъ, но на Западномъ фронтѣ, вопреки его пророчеству, Фошъ подго товлялъ полный разгромъ нѣмцевъ.

Чтобы покончить съ Кіевомъ, нѣсколько словъ о полученныхъ мною тогда впечатлѣніяхъ. Кіевъ тогда производилъ впечатлѣніе огромнаго маскарада. Правда жизни исчезла. Украинизація города была сплошь искусственная — и въ красочныхъ костюмахъ украинскихъ сѣчевиковъ, и въ надписяхъ на вывѣскахъ, и въ толкотнѣ въ министерскихъ передниxъ, и въ хитросплетеніяхъ политикановъ, стремившихся къ единой Россіи подъ украинской маской. Искренними украинцами были лишь деревенская полуинтеллигенція, галичане и рѣдкіе идеологи изъ интеллигенціи. Я говорю о лѣтѣ 1918 гг. Съ тѣхъ поръ, вѣроятно, многое измѣнилось. Насколько искреннее возрожденіе національной культуры представляетъ собою положительное явленіе, отъ котораго выигрываютъ всѣ, настолько шумливый національнизмъ, выростающій на насиліи, фальши, утѣсненіи другихъ культуръ — отвратителенъ, реакціоненъ и вреденъ. Въ тотъ моментъ украинскій національнизмъ производилъ отталкивающее впечатлѣніе.

Не менѣе ужасное впечатлѣніе произвело на меня тогда русское офицерство въ Кіевѣ. Когда на террасѣ какого-то большого ресторана ко мнѣ подскочилъ лакей съ залихватски заброшенной за плечо салфеткой и съ георгіевской ленточкой на лацканѣ бѣлаго пиджачка лакейскаго покроя, я почувствовалъ, словно мнѣ незаслуженно дали оплеуху. Не въ томъ только дѣло, что офицеры сдѣлались лакеями, а въ томъ, *какъ* они ими были: получалось впечатлѣніе, что они родились лакеями. И это, вѣдь, происходило въ то самое время, когда гдѣ-то въ степяхъ между Дономъ и Кубанью совершался «ледяной походъ», происходила борьба на жизнь и на смерть, когда люди умирали съ безумными проклятіями и съ всепрощающими благословеніями. Это было время, когда чужіе, чехо - сло ваки, боролись съ большевиками за чужое имъ дѣло, а главное, когда большевики проявляли максимальный пафосъ въ разрушеніи родины во имя всемірной революціи.

А тутъ полное отсутствіе идеаловъ и успокоеніе на лакейскихъ чаевыхъ.

Отъ этихъ кошмарныхъ впечатлѣній я спѣшилъ обратно въ свою Ялту, гдѣ я надѣялся найти другую атмосферу, несмотря на всѣ пережитыя разочарованія.

Какъ только я вернулся изъ заточенія въ Ялту, я приступилъ къ вербовкѣ офицеровъ въ добровольческую армію. Содѣйствовалъ мнѣ полковникъ Д. Моя задача состояла въ сборѣ денегъ, что и тогда было далеко не легкимъ дѣломъ. Буржуазія пріѣзжая была отрѣзана отъ своихъ банковъ и сейфовъ, которые давнымъ-давно попали въ руки большевиковъ. Даже князь Юсуповъ далъ мнѣ сравнительно небольшую сумму. Но все же мы были въ состояніи отправлять каждую недѣлю по нѣсколько десятковъ офицеровъ черезъ Керчь на Донъ. Были злоупотребленія и мы были вынуждены отправлять группы подъ надзоромъ вѣрнаго человѣка. Несмотря на угрозу германскаго коменданта, я продолжалъ свое дѣло, усиливъ лишь конспирацію. Я почему-то былъ увѣренъ, что нѣмцы меня не вышлютъ во избѣжаніе слишкомъ крупнаго скандала.

Впрочемъ, какъ я уже намекалъ, скоро сами нѣмцы измѣнились. Случайно ли или неслучайно переломъ началъ намѣчаться въ концѣ іюля послѣ перваго крупнаго пораженія нѣмцевъ, нанесеннаго имъ 18-го іюля. Мы, понятно, о немъ не знали, но едва ли оно могло быть скрыто отъ нѣмецкихъ офицеровъ. Первое, что мы стали замѣчать, была продажность нѣмцевъ: они начали брать взятки. Мнѣ нужна была бумага для газеты; Украйна не пропускала товаровъ въ Крымъ; я обратился къ нѣмцамъ съ просьбой помочь мнѣ получить бумагу. Обѣщаніе получилъ, но бумага долго не приходила. Справляюсь, въ чемъ дѣло. Ничего не знаютъ. Въ третій мой приходъ, кончившійся тоже безрезультатно, меня проводилъ унтеръ - офицеръ, который мнѣ просто заявляетъ: дадите три тысячи рублей и вы получите свой вагонъ бумаги, который находится уже въ Крыму. Это, понятно, былъ не единичный случай. Все продовольствіе Крыма съ этого времени держалось на взяотчничествѣ нѣмцевъ. Начались злоупотребленія реквизиціей квартиръ. Исчезла система и начиналось нервничаніе начальства. Цензоръ становился придирчивымъ и приходилось торговаться изъ-за каждой фразы. Когда нѣмцамъ было выгодно, они ссылались на будто бы независимую татарскую власть, а когда это было

въ ихъ интересахъ, они плевали на все правительство Сулькевича. Начались усиленныя преслѣдованія всѣхъ причастныхъ къ добровольческой арміи. Все чаще и чаще случались столкновенія между германской властью и городскими самоуправленіями.

Все это, однако, на жизнь обывателей никакого вліянія не имѣло. Они жили совершенно беззаботно. Крымъ, оторвавшись отъ Россіи и отдѣленный отъ Украйны, жилъ самостоятельной жизнью, т. е. не думая о Россіи, если исключить незначительную группу партійной интеллигенціи. Партійные раздоры уменьшались, ибо всѣ находились у разбитаго корыта. Что касается большевизма, то онъ не исчезъ въ городахъ и особенно въ Севастополѣ и въ Симферополѣ. Низы успокоились, проявляли гораздо меньше озлобленія къ буржуямъ, чѣмъ въ концѣ лѣта 1917 г., но они не были надежны. При первомъ успѣхѣ большевиковъ они вновь къ нимъ присоединились бы. И несмотря на это, никто не думалъ о подготовкѣ какой либо организаціи для борьбы съ большевизмомъ. Надежды возлагались на чужихъ — въ данный моментъ на нѣмцевъ. Тогда вообще казалось, что нѣмецкой оккупаціи конца не будетъ, что сама война затянется еще на очень долгое время. О добровольческой арміи не думали ни штатскіе, ни военные. Изъ послѣднихъ лишь десятки перебрались по ту сторону Дона. Въ это время уже началось критическое отношеніе къ добровольческой арміи: лѣвые, за рѣдкими исключеніями, относились къ ней отрицательно, а среди офицеровъ начали выдѣляться монархисты, не прощавшіе Корнилову его республиканизмъ. Когда въ іюлѣ мѣсяцѣ получилась вѣсть о трагической гибели царской семьи, монархисты отрицали достовѣрность этого сообщенія, а императрица - мать запретила служить панихиду, ибо сынъ ея живъ. Телеграфировали германской кронпринцессѣ, но отъ нея получился отвѣтъ, будто она знаетъ лишь то, что имѣется въ газетахъ. Казалось бы, что этотъ отвѣтъ лучшее подтвержденіе трагической вѣсти, но это не мѣшало монархистамъ вѣрить, что Николай II живъ. А пока что ограничились флиртомъ, картежной игрой и кутежами. Кутили всѣ: и военные и штатскіе. Кутили день за днемъ, безъ вѣры, безъ Бога, безъ идеала, безъ великой тоски, безъ глубокой надежды. Отъ времени до времени какіе-то военные совершали налетъ, иногда случалось таинственное убійство и началъ проявляться зоологическій антисемитизмъ: грозные призраки на-

чинающагося развала. Крымъ не сразу сдался. Его интеллигенція, воодушевленная общерусскими идеалами, пыталась стать на собственныя ноги и развить самодѣятельность. Это стало возможнымъ лишь послѣ ухода нѣмцевъ.

XIУ

ОБРАЗОВАНІЕ КРЫМСКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Правительство Сулькевича держалось исключительно поддержкой нѣмцевъ. Никакихъ мусульманскихъ дивизій въ Крымъ не прибыло и если и у русскихъ не было военныхъ силъ, то они хоть имѣли поддержку общественнаго мнѣнія культурнѣйшихъ силъ края. Сулькевичъ былъ одинаково нежелателенъ и правымъ, и кадетамъ, и лѣвымъ. Но тутъ случилось нѣчто, возмутившее рѣшительно всѣхъ. Министръ финасовъ Татищевъ отправился въ Берлинъ, если я не ошибаюсь, для заключенія займа. Но тутъ ему выразили полное неудовольствіе по поводу того, что Крымское правительство ведетъ втайнѣ переговоры съ султаномъ. Онъ это отрицалъ, такъ какъ дѣйствительно объ этомъ не зналъ. Но ему представили неопровержимыя доказательства. Слѣдствіемъ этого было то, что умнѣйшая голова правительства, В. С. Налбандовъ, немедленно вышелъ изъ состава правительства, а за нимъ и графъ Татищевъ.Оказалось, что татарскіе члены правительства, увлекаемые взбалмошнымъ Сейдаметовымъ, дѣйствительно повели политику, предательскую по отношенію къ Россіи. И тутъ-то выяснилось, какъ велика была ассимиляціонная сила русской культуры: полуинородецъ Налбандовъ немедленно отмежевался отъ татаръ и сталъ въ ряды защитниковъ единой Россіи. Послѣ этого событія Сулькевичъ сталъ нетерпимымъ у кормила власти. Въ сентябрѣ 1918 г. губернское земское собраніе, выдѣливъ изъ своей среды гласныхъ крымскихъ уѣздовъ, вынесло формальное постановленіе о недовѣріи правительству татарскаго генерала и потребовало образованія власти общественнаго довѣрія. Это постановленіе не имѣло никакихъ практическихъ послѣдствій, потому что нѣмцы съ нимъ не считались, а для насильственнаго переворота не было силъ, впрочемъ, не было и пафоса. Я лично убѣжденъ, что если бы русскіе въ этотъ моментъ проявили бы твердую волю

и солидную организованность, нѣмцы уступили бы и не защищали бы Сулькевича вооруженной силой. Послѣдніе, вѣдь, знали уже правду о событіяхъ на западномъ фронтѣ. Но у насъ была лишь резолюція, но не было дѣйственной воли. Все осталось по старому. Тогда кадеты взяли инициативу въ свои руки. Оторванные отъ Россіи, крымскіе кадеты не хотѣли остаться бездѣятельными. Состоялось партійное совѣщаніе на дачѣ М. М. Винавера подъ Алуштой. Здѣсь впервые была выдвинута слѣдующая программа.

Крымъ — неотъемлемая часть Россіи и поэтому его политика должна имѣть своей цѣлью скорѣйшее возрожденіе обновленной Россіи. Крымъ долженъ показать всей Россіи примѣръ культурной и демократической власти, удовлетворяющей всѣ справедливыя требованія населенія, избѣгая всѣхъ ошибокъ соціалистическихъ увлеченій и борясь съ большевицкой демагогіей. Однимъ словомъ, политика лабораторнаго образцоваго опыта. Я тогда же на собраніи указалъ, что эта прекрасная и цѣлесообразная программа осуществима лишь при наличіи серьезной вооруженной силы, ибо опытъ доказалъ, что красивыми словами и гуманными циркулярами нельзя управлять массами, особенно въ бурное революціонное время. Къ сожалѣнію, мое заявленіе было воспринято, какъ выраженіе моей правизны. Винаверъ особенно надѣялся на соглашеніе съ лѣвыми. Странный человѣкъ М. М. Винаверъ. Геніальный юристъ, онъ въ политикѣ — книжникъ, способный учесть только раціоналистическіе моменты, оплодотворенные тонкой и хитросплетенной діалектикой. Ирраціонализмъ жизни и въ особенности революціонной жизни ему абсолютно чуждъ. Никто какъ онъ не способенъ найти формулу для сглаживанія самыхъ сложныхъ противорѣчій, но не путемъ разрѣшенія ихъ, а ихъ обходомъ. Получается нѣчто гладкое, но не глубокое, формальное, но не существенное, юридическое, но не соціологическое. Поэтому среди книжныхъ интеллигентовъ онъ слыветъ самымъ практическимъ политикомъ, хотя онъ въ сущности лишь средневѣковый схоластикъ въ политикѣ. И этимъ онъ опасенъ: онъ умно создаетъ впечатлѣніе спокойствія и гармоніи тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ царитъ буря и дисгармонія. При этомъ онъ страдаетъ хитростью: ему всегда кажется, что онъ обойдетъ противника своей формулой. Онъ дѣлаетъ уступки лѣвымъ, будучи увѣреннымъ, что они попадутся въ ловко разставленныя имъ те-

нета его гладкой формулы. Но жизнь беретъ свое и отъ формулы его ничего не остается. Безплодный формализмъ, скрашенный умной діалектикой. Но умные еще не мудрые. А въ жизни побѣждаетъ не умное, а мудрое.

И, наконецъ, характерная мелочь: когда мы обсуждали составъ новой власти, зашла рѣчь о названіи. С. С. Крымъ, намѣченный нами единогласно главой будущей власти, настаивалъ, чтобы ея члены носили скромное названіе «главноуправляющихъ», или «временно управляющихъ». «Какіе же тутъ министры, говорилъ Крымъ, когда всего-то намъ придется управлять пятью уѣздами»! Но Винаверъ настаивалъ на титулѣ «министръ», который, молъ, необходимъ для импонированія не столько населенію, сколько иностранцамъ. «Впрочемъ, заявилъ онъ, у насъ будетъ не «министръ иностранныхъ дѣлъ», а «министръ внѣшнихъ сношеній» (постъ, который онъ потомъ занялъ). Примѣръ тонкой схоластики, сглаживаніе противорѣчій путемъ обхода ихъ. Пышное — не пышное, скромное — не скромное, а нѣчто среднее.

Однимъ словомъ, М. М. Винаверъ убѣдилъ собраніе, что созиданіе вооруженной силы, безъ которой не стоило взять власть въ руки, не нужно, а все устроится его гладкими формулами, долженствующими удовлетворить и кадетовъ, и лѣвыхъ.

Съ этой формулой мы должны были отправиться въ Симферополь, гдѣ вскорѣ должно было состояться вновь губернское земское собраніе. И я поѣхалъ въ Симферополь, потому что было рѣшено возобновить изданіе «Таврическаго Голоса», прихлопнутаго въ свое время большевиками.

18 октября состоялось собраніе губернскихъ гласныхъ пяти Крымскихъ уѣздовъ. Тутъ впервые можно было выяснить психологію разныхъ партій и степень изживанія патологическихъ традицій керенщины, ибо на этомъ собраніи приходилось не только свалить Сулькевича, но создать нѣчто новое. Собственно, были уже примѣры созданія краевой власти — въ Кіевѣ, на Дону, на Кубани, но тамъ власть создавалась силою штыковъ. Лишь въ Крыму власть должна была явиться результатомъ общественной самодѣятельности на основѣ партійнаго соглашенія. Соціалъ - демократы были у насъ типа Мартова, т. е. все время косившіеся въ сторону большевиковъ. Внутренній смыслъ этой психологіи состоялъ въ томъ, что люди не отказывались отъ возможности и необходимости продѣлать

соціалистическіе эксперименты въ Россіи. Рабочіе воспринимали эту психологію гораздо проще: сильное увеличеніе заработной платы при значительномъ уменьшеніи производительности. Само собой понятно, что соціалъ - демократы выдвигали въ первую голову классовую вражду, недовѣріе ко всей буржуазіи и ненависть къ добровольческой арміи, какъ къ силѣ, способной свалить большевиковъ. Эту же психологію они внесли и въ обсужденіе вопроса о краевой власти. Такъ какъ они не могли претендовать на захватъ власти собственными силами, они совсѣмъ отказывались отъ сотрудничества съ буржуазіей, т. е. съ кадетами. Въ составъ правительства они отказывались дать своихъ представителей, но зато они ставили условія, т. е. клали палки въ колеса. И такъ было съ самаго начала до конца, т. е. до второго прихода большевиковъ, который они же, соціалъ - демократы, облегчили своей агитаціей среди рабочихъ.

Психологія эс-эровъ была иная. Многіе изъ нихъ были людьми «третьяго элемента», т. е. людьми, крѣпко связанными съ интересами мѣстнаго населенія. Временами они освобождались отъ наркоза демагогіи, но не всегда, ибо они боялись конкурренціи со стороны эс-дековъ. Они искренно хотѣли сотрудничать съ кадетами, даже выдвигали ихъ на первыя мѣста, но стремились къ тому, чтобы *формально* обставить все наидемократическимъ образомъ, не думая даже о практическихъ послѣдствіяхъ. Такъ, при первыхъ разговорахъ о новой власти они выставили требованіе немедленнаго созыва сейма. Мы имъ возражали: созывать сеймъ сейчасъ же неразумно; русскіе избиратели не организованы, утомлены, а татары, подчиняющіеся какъ одинъ человѣкъ приказу своихъ вождей, всѣ придутъ къ урнамъ и можетъ получиться искусственное татарское большинство въ сеймѣ. А вѣдь этого не желали и эс-эры, особенно послѣ того, какъ своеобразный эс-эръ Сейдаметовъ выявилъ свою реакціонную и сепаратистскую политику. Послѣ долгихъ дебатовъ сошлись, по предложенію Набокова, на формулѣ: сеймъ долженъ быть созванъ лишь въ условіяхъ абсолютной политической независимости, т. е. послѣ исчезновенія германской оккупаціи.

Второй пунктъ спора былъ вопросъ объ избирательномъ правѣ во всѣ органы самоуправленія. Всѣ соціалисты отстаивали избирательный законъ Временнаго правительства. Кадеты, на основаніи продѣланнаго опыта,

требовали внесенія большей сознательности въ выборы путемъ повышенія возрастного ценза до 25 лѣтъ и установленія ценза годовой осѣдлости. Эс-эры отъ этого очень мало теряли, такъ какъ пришлая молодежь въ городахъ въ это время была въ лагерѣ эс-дековъ или большевиковъ. Много споровъ ушло на этотъ пунктъ, противъ котораго особенно боролись интернаціоналисты, а эс-эры формально ихъ поддерживали. Но кадеты выявили неуступчивость и въ концѣ концовъ ихъ формула была принята. Зато кадеты, если не формально, то по существу уступили въ пунктѣ объ отвѣтственности новой власти передъ расширеннымъ собраніемъ губернскаго земства. Разъ не было за властью вооруженной силы, то она должна была опереться на авторитетное общественное учрежденіе, какимъ тогда было земство, пополненное городскими головами городовъ. Послѣ долгихъ дебатовъ, продолжавшихся нѣсколько дней, собраніе приняло слѣдующее постановленіе (опубликованное В. А. Оболенскимъ въ сб. «На чужой сторонѣ» № V1):

«Собраніе губернскихъ земскихъ гласныхъ крымскихъ уѣздовъ считаетъ необходимымъ взять на себя образованіе власти въ Крыму, поскольку оно будетъ происходить въ условіяхъ абсолютной политической независимости и на слѣдующихъ основаніяхъ.

1) Правительство должно всѣми мѣрами содѣйствовать объединенію распавшейся Россіи и съ этой цѣлью искать сближенія со всѣми возникшими на русской землѣ государственными организаціями, поставившими себѣ основною задачею возсозданіе единой Россіи съ тѣмъ, чтобы вопросъ объ устройствѣ и формѣ правленія объединенной Россіи былъ окончательно рѣшенъ Всероссійскимъ Учредительнымъ Собраніемъ.

2) Въ области законодательства и управленія новое правительство должно возстановить всѣ отмѣненныя бывшимъ правительствомъ гражданскія свободы, возстановить немедленно распущенныя городскія и земскія самоуправленія и въ дальнѣйшемъ при изданіи законовъ руководствоваться демократическими началами. Распущенныя городскія и земскія самоуправленія возстанавливаются, при этомъ правительство немедленно назначаетъ новые городскіе и земскіе выборы на основѣ всеобщаго избирательнаго права (съ установленіемъ возрастнаго ценза въ 25 лѣтъ и годового ценза осѣдлости).

3) Впредь до созданія въ Крыму народнаго предста-

вительства правительство обладаетъ всей полнотой законодательной и исполнительной власти. Въ цѣляхъ поддержанія общенія между правительствомъ и земскимъ собраніемъ, правительство созываетъ періодически по своему усмотрѣнію и не рѣже раза въ мѣсяцъ Собранія губернскихъ земскихъ гласныхъ уѣздовъ Крыма, пополненныя головами и предсѣдателями уѣздныхъ управъ, которому даетъ краткій отчетъ о своей дѣятельности и черезъ которое знакомится съ состояніемъ края, не являясь, однако, политически передъ нимъ отвѣтственнымъ.

Если бы и въ ближайшее время, но не далѣе двухъ мѣсяцевъ, не была создана единая всероссійская власть, распространяющаяся и на Крымъ, правительство должно приступить къ созыву Краевого Сейма на основѣ всеобщаго, прямого и равнаго избирательнаго права, для чего правительство теперь же организуетъ особую комиссію по разработкѣ положенія о сеймѣ, которое подлежитъ утвержденію Собранія губернскихъ гласныхъ уѣздовъ Крыма.

4) Съ момента избранія Крымскаго Представительнаго Собранія съ законодательными функціями правительство должно нести передъ нимъ въ полной мѣрѣ политическую отвѣтственность какъ за истекшее время, такъ и впредь.

5) Настоящее Собраніе губернскихъ гласныхъ избираетъ главу правительства, который затѣмъ формируетъ кабинетъ по соглашенію съ политическими партіями (принимая при этомъ во вниманіе національныя особенности края).»

Къ этой резолюціи считаю необходимымъ сдѣлать два замѣчанія. Первое: лѣвые, т. е. соціалисты требовали, чтобы первый пунктъ резолюціи закончился словами: «поставившими себѣ основной задачей возсозданіе единой демократической и республиканской Россіи». Лѣвые тогда (осенью 1918 г.) не настаивали на формулѣ «федеративной», а всѣ кадеты, не исключая нынѣшнихъ «республиканцевъ - демократовъ», рѣшительно отказались предопредѣлять форму правленія въ будущей Россіи, съ чѣмъ въ концѣ концовъ согласились и лѣвые.

Второе: при ознакомленіи съ этой резолюціей сразу можно заключить, что созывъ сейма не заключалъ въ себѣ ничего сепаратистскаго. Добровольческое командованіе, съ самаго начала своего сотрудничества съ краевымъ правительствомъ, должно было знать о принятыхъ

резолюціяхъ, распубликованныхъ во всеобщее свѣдѣніе. Несмотря на это, впослѣдствіи возгорѣлась борьба вокругъ факта созыва сейма. Ген. Деникинъ и его представители въ Крыму выступили рѣшительными противниками сейма: *такъ* создалась легенда о сепаратизмѣ правительства С.С. Крыма, что давало поводъ всякимъ реакціоннымъ авантюристамъ угрожать всѣмъ членамъ правительства висѣлицей и разстрѣлами. Вѣдь въ 1920 г. С. С. Крымъ, вызванный командованіемъ въ Крымъ для опредѣленнаго дѣла, былъ арестованъ на пароходѣ въ Ялтѣ какимъ-то офицеромъ и чуть не былъ разстрѣлянъ. Такъ вожди бѣлаго движенія убивали единеніе среди лучшихъ гражданъ Россіи. Въ этомъ повиненъ и самъ ген. Деникинъ.

И на сей разъ побѣдилъ Сулькевичъ, поддержанный нѣмцами, которые въ то же время начали заигрывать и съ русскими. Германцы уже тогда начали чувствовать шаткость своего положенія. Даже мы, непосвященные, слѣдя за картой, констатируя, что нѣмцы откатились отъ Марны къ Chemin des Dames, понимали, что наступилъ кризисъ. Но нѣмецкіе офицеры еще лучше знали правду. Однако и на сей разъ они позволили Сулькевичу занять полиціей помѣщеніе земской управы, хотя съ другой стороны повели переговоры съ предсѣдателемъ губернской земской управы. Создалось такое возбужденіе въ земскихъ и партійныхъ кругахъ, что было рѣшено почти одновременно: 1) отправить делегацію въ Кіевъ съ просьбой о присоединеніи Крыма къ Украйнѣ и 2) попросить ген. Деникина прислать военный отрядъ для занятія Крыма. Въ сущности оба эти рѣшенія были противорѣчивы, такъ какъ намъ было прекрасно извѣстно, что нѣтъ согласія между гетманской властью и добровольческой арміей ген. Деникина. Можно съ натяжкой указать на то, что тутъ не было одновременности, а была послѣдовательность: когда Богдановъ и Стевенъ поѣхавшіе въ Кіевъ съ предложеніемъ присоединенія Крыма къ Украйнѣ, узнавъ о разгромѣ германской арміи и начавшейся революціи въ Берлинѣ, вернулись обратно, лишь тогда губернская земская управа (съ эс-эровскимъ большинствомъ) обратилась къ Деникину съ предложеніемъ занять Крымъ добровольческими войсками. Формально это такъ, но на самомъ дѣлѣ было иначе. Уже раньше велись переговоры съ добрарміей: Винаверъ находился тогда въ Екатеринодарѣ, куда онъ поѣхалъ на кадетскій съѣздъ, кромѣ того, Н. Н. Богда-

новъ не прерывалъ своихъ сношенiй съ штабомъ Деникина, какъ участвовавшiй въ Корниловскомъ походѣ.

Объясняется эта противорѣчивость основной ошибкой, сдѣланной съ самаго начала: собиравшiеся взять власть не подумали о созданiи собственной вооруженной силы. Открыто при нѣмцахъ ее создавать нельзя было, но подготовить ее можно было. Но разъ отъ этого отказались, то необходимо было искать опоры вовнѣ, тѣмъ болѣе что обывательская масса была совершенно индифферентна и очень мало интересовалась всѣми нашими переговорами и сговорами. Въ этой атмосферѣ многiе преувеличивали большевистскую опасность, которой въ это время еще не было, какъ это и оказалось впослѣдствiи, когда нѣмецкiе солдаты начали создавать свои собственные совѣты. По этому поводу вели переговоры и съ нѣмцами, чтобы они гарантировали порядокъ въ краѣ до прибытiя русскихъ войскъ, отъ чего они вначалѣ отказались, а послѣ того, какъ С. С. Крымъ имъ указалъ на опасность и для нѣмецкихъ колонистовъ, они молча согласились временно исполнять роль полицейскихъ. Совершенно иначе пошло бы все, если бы съ самаго начала подумали о созданiи собственной, хотя бы и скромной, вооруженной силы. Это вовсе не было такъ трудно, разъ шла рѣчь не объ отправкѣ на какой - нибудь фронтъ, а лишь о защитѣ порядка въ самомъ Крыму. Однихъ офицеровъ у насъ было нѣсколько тысячъ. Въ городахъ можно было бы создать и гражданскую милицiю. Но для этого нужна была творческая энергiя, а главное отказъ отъ вѣры въ спасительность «главноуговаривающихъ». Роковыя послѣдствiя этой ошибки сказались впослѣдствiи, когда прибыла добровольческая армiя. Но объ этомъ ниже.

Громъ грянулъ. Гордый германскiй фронтъ рухнулъ. Въ Берлинѣ началась революцiя. Молнiеносное влiянiе этихъ грозныхъ событiй перенеслось въ Крымъ, въ среду нѣмецкихъ солдатъ. Необычайно быстро отъ всей ихъ страшной дисциплины и слѣда не осталось. Я самъ былъ свидѣтелемъ, какъ солдаты, зайдя въ ресторанъ и замѣтивъ двухъ нѣмецкихъ офицеровъ, подошли къ нимъ и начали ихъ ругать. Въ Европейской гостинницѣ, гдѣ находился германскiй штабъ, сразу установился страшный безпорядокъ съ митингованiемъ солдатъ. Я оказался правымъ, когда нѣсколькими мѣсяцами раньше указывалъ нѣмцамъ на необычайную прилипчивость большевизма. Долженъ, однако, отмѣтить одно до сихъ поръ для меня

необъяснимое явленіе. Русскіе мѣстные большевики напечатали на очень плохомъ нѣмецкомъ языкѣ прокламацію съ приглашеніемъ нѣмецкихъ солдатъ вмѣстѣ отпраздновать «побѣду германскаго пролетаріата». Но послѣдніе отказались, заявивъ, что они не нуждаются въ сочувствіи русскихъ. Былъ ли это остатокъ нѣмецкаго патріотизма или гордое сознаніе, что они ничего общаго не имѣютъ съ варварскимъ большевизмомъ русскихъ, — я не знаю. Но фактъ, что тогда революціонно настроенные германскіе солдаты отказались отъ солидарности съ русскимъ пролетаріатомъ.

Переживая развалъ въ собственныхъ рядахъ, нѣмцы не могли больше поддерживать татарское правительство. Оно не имѣло за собой вооруженной силы: оно должно было пасть.

15-го ноября 1918 г. С. С. Крымъ вступилъ во власть, получивъ ее изъ рукъ губернскаго земства. Много нареканій навлекъ на себя этотъ идеально честный общественный дѣятель и глубокій русскій патріотъ со стороны вождей добровольческой арміи, многихъ ея офицеровъ и вообще реакціонеровъ всѣхъ калибровъ. Я не знаю большей несправедливости. А какъ пошлы становятся эти нареканія, когда начинаются они съ того, что его зовутъ Соломонъ Крымъ, т. е. что онъ не православный, впрочемъ, и не еврей, а всего лишь караимъ. У каждаго общественнаго дѣятеля имѣется свое честолюбіе. Но не оно заставляло С. С. Крыма стать во главѣ власти въ необычайно трудный моментъ, при очень тяжелыхъ условіяхъ, когда впереди виднѣлись не лавровые, а лишь терновые вѣнки. Долго пришлось его убѣждать, раньше чѣмъ онъ согласился стать во главѣ Крымской власти. Тогда всѣ сошлись на немъ. Мы надѣялись, что даже татары примирятся съ его кандитатурой. Вѣдь онъ столько лѣтъ былъ ихъ защитникомъ и въ Госуд. Думѣ, передъ губернскими и столичными властями, повсюду, гдѣ только можно было. Но во всякомъ случаѣ среди остального крымскаго населенія не было двухъ мнѣній. Крупный помѣщикъ, онъ, въ качествѣ одного изъ лучшихъ винодѣловъ Россіи и опытнаго агронома, пользовался популярностью своей высоко культурной дѣятельностью. Вѣдь разгромленный теперь большевиками Таврическій университетъ въ Симферополѣ созданъ исключительно имъ. Долголѣтній земскій дѣятель, онъ пользовался довѣріемъ «третьяго элемента», благодаря своей строгой дѣловитости и глубокому знаком-

ству съ земскимъ дѣломъ. Членъ Госуд. Думы и Госуд. Совѣта, онъ никогда не отличался боевымъ темпераментомъ. Человѣкъ врожденнаго такта и мѣры во всемъ, онъ повсюду стремился вносить примиренiе, сводя всегда общiя идеи къ конкретнымъ жизненнымъ фактамъ. Сколько разъ мнѣ приходилось наблюдать, какъ онъ нѣсколькими скромно сдѣланными замѣчанiями сглаживалъ острые споры между петербургскими«орлами»въ его министерствѣ—Набоковымъ и Винаверомъ!Что же имъ руководило?Идеально чистая и глубокая любовь къ Россiи, скорѣйшему оздоровленiю которой онъ хотѣлъ содѣйствовать путемъ сохраненiя законнаго порядка въ одной изъ ея окраинъ — въ Крыму. И онъ не былъ «мѣднымъ всадникомъ», способнымъ растоптать большевицкую змѣю, но кто изъ вождей Добармiи посмѣетъ его въ этомъ упрекнуть? Беря власть онъ думалъ и мечталъ о единой, великой Россiи — единой своей внутренней правдой, равной для всѣхъ ея гражданъ, великой своей культурой, способной превратить народъ безсознательной толпы въ народъ сознательныхъ личностей. Если бы всѣ русскiе были такими патрiотами, какъ караимъ Соломонъ Крымъ, Россiя не переживала бы страшное смутное время.

Вотъ кто былъ главой независимаго Крымскаго правительства. Большой грѣхъ на душу берутъ тѣ, которые осмѣливаются утверждать, что правительство Сол. Крыма стремилось къ сепаратизму.

Его ближайшими сотрудниками были В. Д. Набоковъ —министръ юстицiи и М. М. Винаверъ—министръ внѣшнихъ сношенiй. Я раньше далъ характеристику послѣдняго. Онъ не герой моего романа. Но одно всѣ русскiе люди должны признать за нимъ: его безграничный патрiотизмъ и его горячую и талантливую защиту идеи единой Россiи. Если ужъ кого нельзя винить въ сепаратизмѣ, то именно М. М. Винавера. Онъ выдержалъ всю тяжесть борьбы съ П. Н. Милюковымъ, когда послѣднiй внезапно выступилъ защитникомъ германской орiентацiи, что въ тѣхъ условiяхъ означало неминуемое расчлененiе Россiи. И еще долгое время отношенiя между двумя лидерами кадетской партiи оставались натянутыми. Въ описываемую нами эпоху идеалъ Винавера былъ: создать изъ Крыма образчикъ для возрожденiя единой Россiи. Вначалѣ онъ отнесся съ большой любовью и съ полнымъ довѣрiемъ къ добровольческой армiи, онъ хлопоталъ въ Екатеринодарѣ о скорѣйшемъ занятiи Крыма Добрармiей.

Что же касается В. Д. Набокова, этого рыцаря духовной русской аристократіи, носителя славы русской культуры, его ли можно обвинять въ сепаратистскихъ тенденціяхъ? Онъ безъ всякихъ словъ, одной своей личностью, олицетворялъ собою идею единой и великой Россіи и именно національной Россіи. Вѣрно, что въ его представленіи послѣдняя принимала другой образъ, чѣмъ въ представленіи Маркова II или нѣкоторыхъ вождей добровольческой арміи. Духовно онъ не выносилъ соціалистовъ, даже когда онъ временами вступалъ съ ними въ переговоры, но и тупоумные реакціонеры причиняли ему физическую боль своей грубой некультурностью, своимъ абсолютнымъ отрицаніемъ закономѣрнаго и неизбѣжнаго прогресса, своей полной неспособностью во-время отдать палецъ, чтобы не потерять впослѣдствіи цѣлую руку. Онъ былъ горячимъ защитникомъ идеи законности, что не всегда умѣстно въ революціонное время и изъ-за чего я съ нимъ часто спорилъ, о чемъ рѣчь ниже, но онъ всегда мнѣ возражалъ одно и то же: «беззаконіе загубило Россію, да и теперь пытаются спасти ее беззаконіемъ, которое на самомъ дѣлѣ приведетъ къ развалу силъ, борющихся съ большевизмомъ». И вѣдь онъ оказался пророкомъ. Когда вскорѣ офицеры въ Ялтѣ начали безчинствовать, грабить и убивать (одинъ изъ нихъ потомъ описалъ это съ неподражаемымъ цинизмомъ въ «Посл. Новостяхъ»), онъ сказалъ: «Добровольческая армія погибаетъ». Во все время своего участія въ Крымскомъ правительствѣ онъ боролся на два фланга: противъ соціалистовъ - интернаціоналистовъ и противъ беззаконій добровольческихъ офицеровъ, ибо тѣ и другіе были вольными и невольными врагами возрожденія единой Россіи.

Изъ мѣстныхъ людей въ министерство Крыма вступили еще кадетъ Н. Н. Богдановъ, участвовавшій въ Корниловскомъ походѣ, эс-эръ С. А. Никоновъ, ненавидѣвшій демагогію во всѣхъ ея формахъ, и плехановецъ П. С. Бобровскій, смѣло боровшійся, какъ соціалистъ, не только противъ большевизма, но и противъ всѣхъ проявленій антинаціональнаго соціализма. Кромѣ этихъ шести министровъ, руководившихъ политикой края, были еще четыре дѣловыхъ министра: министерствомъ финансовъ, вмѣсто приглашеннаго П. Л. Барка, который долженъ былъ уѣхать съ порученіемъ заграницу, управлялъ А. П. Бартъ, Управляющій Казенной Палатой, впослѣдствіи разстрѣлянный большевиками, А. А. Стевенъ, управляю-

щій министерствомъ снабженія и путей сообщенія, тоже павшій жертвой чекистовъ, генералъ Бутчикъ — въ роли военнаго министра, вѣчно интриговавшаго противъ своего правительства, и адмиралъ Канинъ — въ роли морского министра, жившаго все время въ Севастополѣ, не вмѣшиваясь въ управленіе краемъ.

С. Крымъ надѣялся современемъ привлечь и татаръ къ участію въ мѣстной власти. Но они упорно отказывались, надѣясь на какія-то чудеса, которыя должны были бы вновь отдать Крымъ исключительно въ ихъ руки. Сейдаметовъ исчезъ съ горизонта и я его встрѣтилъ много позже въ Константинополѣ.

Хотя новая власть не имѣла за собой никакой вооруженной силы, а нѣмецкія войска уже начали эвакуировать Крымъ, порядокъ никогда не былъ нарушенъ. Во всемъ Крыму царило полнѣйшее спокойствіе. Красная армія была еще очень далеко, а храбрость мѣстныхъ большевиковъ была обратно пропорціональна разстоянію, отдѣлявшему ихъ отъ арміи Троцкаго и Брусилова. Населеніе, за исключеніемъ татарскихъ шовинистовъ и немногихъ гвардейскихъ офицеровъ, встрѣтило новую власть съ полнымъ довѣріемъ. Не говоря уже объ эс-эрахъ, лойяльно поддерживавшихъ новое правительство, и интернаціоналисты во главѣ съ В. А. Могилевскимъ, ставшимъ городскимъ головой Севастополя и редактировавшимъ газету «Прибой», вначалѣ держались спокойно - выжидательно. Могло казаться — мы тогда всѣ вѣрили въ это, — что нашъ опытъ удастся, что намъ удастся создать изъ Крыма образчикъ для всей будущей Россіи. Много причинъ содѣйствовали неудачѣ этого опыта, но одной изъ первыхъ причинъ было странное поведеніе добровольческой арміи, особенно въ лицѣ ея мѣстныхъ представителей.

XV

ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ АРМІЯ ВЪ КРЫМУ.

Въ самомъ началѣ казалось, что отношенія между Крымскимъ правительствомъ и добровольческой арміей будутъ самыя идеальныя. Передъ прибытіемъ отрядовъ въ Крымъ получились отъ ген. Деникина слѣдующія телеграммы:

«Керчь—Начальнику гарнизона, Ялта—ген. Де-Боде, Копія Симферополь Мин. В. Д. Винаверу.

Ввиду направленія въ Крымъ частей Добрарміи приказываю оповѣстить населеніе: 1) части прибываютъ въ Крымъ съ исключительной цѣлью охраны и поддержанія порядка, не вмѣшиваясь во внутреннія дѣла; 2) Добрармія не преслѣдуетъ реакціонныхъ цѣлей, имѣя задачей возсоединеніе единой недѣлимой Россіи, признавая необходимость теперь же и въ будущемъ самой широкой автономіи составныхъ частей Русскаго Государства, не предрѣшая будущей формы правленія Россіи, ни даже тѣхъ путей, какими русскій народъ объявитъ свою волю; 3) относитесь съ величайшимъ негодованіемъ къ попыткамъ возстановить одну національность противъ другой, одинъ классъ противъ другого. Призываю всѣхъ горячо любящихъ Россію безъ различія партій къ полному единенію на благо родины. № 495. Екатеринодаръ, 7 Ноября (1918)

Главнокомандующій генералъ *Деникинъ*».

Въ тотъ же день было отправлено ген. Деникинымъ слѣдующее письмо: «Предсѣдателю Таврическаго Губернскаго Земскаго Собранія, С. С. Крыму.

М. Г. Простите, не знаю имени и отчества.

Въ данное время Добровольческая армія ведетъ кровопролитное сраженіе въ районѣ Ставрополя и не можетъ выдѣлить для Крыма серьезныхъ силъ. Но помочь отъ ду-

ши желаетъ. Поэтому я сдѣлалъ распоряженіе: 1) немедленно выслать небольшой отрядъ съ орудіемъ въ Ялту. 2) Другимъ отрядомъ занять Керчь. 3) Въ командованіе вооруженными силами вступить генералу Корвинъ-Круковскому, которому даны слѣдующія инструкціи: Русская государственность. Русская армія. Подчиненіе мнѣ. Всемѣрное содѣйствіе Крымскому правительству въ борьбѣ съ большевиками. Полное невмѣшательство во внутреннія дѣла Крыма и борьбу вокругъ власти. 4) Посланныя части являются лишь кадромъ, который будетъ пополненъ мобилизацiей офицеровъ и солдатъ на территоріи Крыма. Дѣло это поручено «Начальнику Крымскаго центра», генералу барону де-Боде. Въ его распоряженіе командируются соотвѣтствующіе помощники по дѣлу формированія и снабженія.

Отъ души желаю Крыму мирной жизни, столь необходимой для творческой созидательной работы».

Программа превосходная, полное довѣріе къ новой власти Крыма. А главное: «полное невмѣшательство во внутреннія дѣла Крыма и въ борьбу вокругъ власти». На практикѣ это должно было означать: полная независимость краевой власти въ устройствѣ жизни Крыма, поскольку политика этой власти имѣетъ своей цѣлью возрожденіе объединенной Россіи. Представители Добрарміи должны были преслѣдовать лишь двѣ цѣли: организацію военныхъ силъ для защиты края и для пополненія рядовъ сражающихся на фронтѣ и усиленіе обороны Крыма на всякій случай. Понятно, что всякое производство мобилизаціи должно было совершаться въ полномъ согласіи съ краевой властью для избѣжанія всякихъ осложненій. Послѣдняя со своей стороны должна была участвовать въ расходахъ на содержаніе мѣстныхъ военныхъ силъ и на оборону Крыма. Такимъ образомъ получилось бы гармоническое сочетаніе демократической гражданской власти и диктатуры въ военныхъ дѣлахъ, такъ какъ армія была подчинена ген. Деникину, вождю Добрарміи.

Такова была теорія, иная была практика.

Черезъ нѣсколько дней послѣ организаціи краевой власти появился въ Симферополѣ генералъ Корвинъ-Круковскій. По внѣшнему виду молодцеватый генералъ, боевой, но съ недобрымъ взглядомъ и съ сугубой рѣзкостью въ манерахъ. На третій день послѣ своего прибытія онъ созвалъ собраніе офицеровъ и военнослужащихъ. И я от-

правился на собраніе. Хотя залъ собранія былъ не очень большой, онъ былъ наполовину пустъ. Это меня больно поразило, ибо это доказывало, что значительная часть офицерства собирается оставаться глухой ко всѣмъ призывамъ вождей Добрарміи. Многіе офицеры продолжали усвоенную послѣ революціи политику полнѣйшаго индифферентизма къ судьбамъ родины и упорнаго отказа вновь участвовать въ опасностяхъ боевой жизни. Какъ бы тамъ ни было, ген. Корвинъ-Круковскій, заговорилъ бурбонскимъ тономъ о дисциплинѣ въ арміи, объявилъ о предстоящемъ въ скоромъ времени изданіи приказа о всеобщей мобилизаціи и нагромоздилъ всяческія угрозы по отношенію къ тѣмъ, которые не исполнятъ приказаній. О Крымѣ, о Крымской власти ни слова, какъ будто бы онъ единственный властелинъ края. Буквально черезъ нѣсколько дней начинаются первыя тренія между начальниками прибывшихъ отрядовъ и гражданской властью. Уже 25-го ноября ген. Корвинъ-Круковскій шлетъ секретный рапортъ командующему войсками Крымскаго полуострова ген. де-Боде, изъ котораго мы извлекаемъ слѣдующее:

«Свѣдѣнія послѣдняго времени все опредѣленнѣе рисуютъ картину политическаго состоянія Крыма. Большевики, вездѣ преслѣдуемые, массами притекаютъ въ Крымъ, гдѣ по условіямъ существующаго порядка имъ легче всего жить. Получены достовѣрныя свѣдѣнія, что черезъ Перекопъ проходятъ на полуостровъ не только группы большевиковъ, но въ значительномъ количествѣ привозится и оружіе. Не говоря уже о нѣмецкихъ колонистахъ, которые всѣ прекрасно вооружены и просили только инструкторовъ изъ нѣмецкихъ офицеровъ — весь подозрительный элементъ края богато снабженъ нѣмцами включительно до пулеметовъ. Ничѣмъ не сдерживаемые, съ улыбкой относясь къ силамъ Добрарміи, крайніе элементы не только въ резолюціяхъ и митингахъ исповѣдуютъ большевизмъ, но скоро нужно ожидать и вооруженныхъ выступленій организованныхъ большихъ массъ рабочихъ, а также отдѣльныхъ террористическихъ актовъ. Такому крайнему настроенію массъ способствуетъ не только анархія, возглавляемая Петлюрой, охватившая всю Украйну, и банды Махно, оперирующія въ сѣверной Тавріи, прилегающей къ полуострову, но *въ значительной мѣрѣ этому способствуетъ и само Краевое Правительство* (курсивъ нашъ.Д. П.), хотя и одушевленное высокимъ стремленіемъ спасти Россію, но фактически не

имѣющее воли рѣшиться на нужныя мѣры, изъ-за необходимости прислушиваться къ мнѣнію даже самыхъ крайнихъ элементовъ края». Въ виду этого авторъ рапорта предлагаетъ: «1. Немедленный призывъ и мобилизація всѣхъ офицеровъ до 40-лѣтняго возраста включительно... 2. *Объявленіе Края на военномъ положеніи*... (курсивъ нашъ. Д. П.). 3. Въ нашей смертельной борьбѣ за возсозданіе Россіи Добрармія разсматриваетъ большевиковъ, какъ внѣшнихъ враговъ, здѣсь же въ краѣ не только въ тюрьмахъ, но и на свободѣ проживаетъ масса лицъ, за каждымъ изъ коихъ числится нѣсколько убійствъ офицеровъ. Полагалъ бы необходимымъ дать власть командному составу Добрарміи ареста большевиковъ, гуляющихъ на свободѣ, и передать Арміи всѣхъ большевиковъ, находящихся въ тюрьмахъ, для суда, принятаго въ Арміи». Остальные 10 пунктовъ болѣе или менѣе чисто военнаго характера. Живописенъ и характеренъ для всей этой эпохи конецъ этого длиннаго рапорта: «Рапортъ этотъ считаю необходимымъ въ копіи представить Главнокомандующему, дабы не получить потомъ упрека, что я, старый корниловецъ, зная хорошо большевизмъ, не предупредилъ о тѣхъ мѣрахъ, кои были необходимы для края во избѣжаніе излишняго кровопролитія.

Также считаю долгомъ донести, что хотя формально, согласно распоряженію Главнокомандующаго, на меня и не ляжетъ отвѣтственность за поддержаніе порядка, недопущеніе большевицкихъ выступленій и вообще борьбу съ таковымъ, и это всецѣло возложено на Ваше Превосходительство, я, дорожа интересами Добрарміи, считаю своимъ нравственнымъ долгомъ послѣдній разъ настойчиво обратить Ваше вниманіе, что каждый день промедленія можетъ не только вызвать лишнее кровопролитіе, но и закончить пребываніе здѣсь Добрарміи и настоящаго Правительства Крыма — катастрофой. Настоящій рапортъ, считаю, снимаетъ съ меня нравственную отвѣтственность за могущее произойти въ будущемъ». Такъ заканчивается рапортъ за № 115 отъ 25-го Ноября 1918 г., поданный ген. Корвинъ-Круковскимъ своему начальнику.

На этомъ рапортѣ стоитъ остановиться. Прежде всего онъ содержитъ много невѣрнаго. Ни въ резолюціяхъ, ни на митингахъ въ ноябрѣ 1918 г. въ Крыму большевизмъ не исповѣдывался. Тогда Крымъ представлялъ собою самый антибольшевистскій край. Никакихъ террористи-

ческихъ актовъ въ Крыму не произошло вплоть до кануна эвакуаціи Крыма. Вмѣсто общихъ фразъ было бы цѣлесообразнѣе конкретно указать — гдѣ, когда, въ какомъ составѣ группа большевиковъ перешла Перекопъ. Нѣмецкіе колонисты были вооружены, но именно въ цѣляхъ борьбы съ большевиками, которые ихъ мучили во время перваго захвата ими Крыма. Ни разу авторъ рапорта не представилъ правительству списка дѣйствительныхъ большевиковъ. Но чего онъ добивается? Такъ какъ, молъ, само Правительство «способствуетъ крайнему настроенію массъ», то необходимо ввести военное положеніе, т. е. свалить правительство. И замѣтьте: все это исходитъ отъ генерала, которому, по словамъ его же рапорта, вовсе не поручено бороться съ мѣстными большевиками, а который долженъ былъ заботиться о созданіи военныхъ силъ для обороны Крыма отъ большевиковъ, могущихъ спуститься съ сѣвера. Этого заданія онъ не выполнилъ, а сразу занялся чтеніемъ нотацій своему начальству и подкапываніемъ авторитета правительства среди военныхъ. Но когда я ближе съ нимъ познакомился, я сразу все понялъ: въ его глазахъ правительство, въ составъ котораго вошли одинъ караимъ и одинъ еврей, опорочено апріори, изначально. А любой соціалистъ, хотя бы онъ былъ настроенъ патріотично, зачислялся имъ механически въ лагерь большевиковъ.

Тренія между правительствомъ и вождями мѣстныхъ военныхъ силъ возрастали изо дня въ день. Въ тотъ самый день, когда была подана декларація прибывшимъ союзникамъ, «предсѣдателю Крымскаго краевого правительства», было послано слѣдующее «срочное въ собственныя руки» письмо за № 223 отъ 7 декабря 1918 г.:

«Вами сегодня была отправлена телеграмма на имя генерала Деникина и другихъ лицъ въ Екатеринодаръ о якобы произведенномъ генераломъ Корвинъ-Круковскимъ арестѣ 12 Драгунскаго Стародубскаго полка штабъ-ротмистра Алянчикова. Арестъ былъ совершенъ по телеграммѣ Начальника контръ-развѣдки Штаба Арміи полковника Бучинскаго чинами Краевой внутренней стражи, которымъ лишь была передана телеграмма; слѣдовательно, никакого подрыва авторитета Правительства въ глазахъ населенія не было и быть не могло. Все было сдѣлано по закону и согласно приказа объ арестѣ, исходившаго изъ органа, подчиненнаго генералу Деникину.

Посылку такой телеграммы открыто я считаю оскорбительнымъ для меня и всѣхъ представителей Добровольческой Арміи. Части Добровольческой Арміи, какъ прибывшія, такъ и создаваемыя на мѣстахъ, имѣютъ опредѣленную цѣль — борьбу съ большевизмомъ.

Со всѣхъ сторонъ получаю свѣдѣнія о настроеніяхъ, о свободной торговлѣ оружіемъ, сборищахъ и возможныхъ террористическихъ актахъ и вооруженнаго возстанія.

Я неоднократно запрашивалъ Ваше мнѣніе о Вашей точкѣ зрѣнія объ объявленіи Крыма на военномъ положеніи съ цѣлью именно «изъять изъ населенія уголовный элементъ». Между тѣмъ, большевики своимъ поведеніемъ прямо подчеркиваютъ лишь нашу уступчивость и снисходительность.

Считаю долгомъ заявить, что во имя поставленной цѣли «возрожденія Россіи», Добровольческая Армія никому уступать не намѣрена и жертвовать жизнями подчиненныхъ мнѣ воинскихъ чиновъ напрасно—не имѣю права.

Для удержанія порядка въ Крыму нахожу въ данное время необходимымъ:

1) Объявленіе военнаго положенія въ Крыму.

2) Немедленный по телеграфу приказъ о мобилизаціи офицеровъ.

3) Сдачу населеніемъ оружія.

4) Аресты уголовнаго элемента, будирующаго и провоцирующаго идеи Добровольческой Арміи и преданіе суду виновныхъ.

5) Немедленное преданіе военному суду за преступленія уголовнаго характера находящихся въ тюрьмахъ и

6) Принятіе мѣръ къ немедленному прекращенію печатной травли Добровольческой Арміи и агитаціи противъ нея и союзниковъ.

Прошу срочнаго увѣдомленія меня о принятыхъ Правительствомъ рѣшеніяхъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ я снимаю съ себя отвѣтственность за возможныя послѣдствія. По полученіи отвѣта будутъ приняты рѣшенія съ донесеніемъ Главнокомандующему.

Генералъ-Лейтенантъ
баронъ БОДЕ.»

А почти одновременно произошло слѣдующее: въ отсутствіе правительства, выѣхавшаго въ Севастополь для

встрѣчи прибывшаго союзнаго флота, ген. Корвинъ-Круковскій издалъ собственной властью приказъ о мобилизаціи. И что же вышло? Обыкновенно настоящихъ побѣдителей не судятъ. Если бы бравый генералъ могъ осуществить провозглашенную имъ мобилизацію, тогда одни поворчали бы втихомолку, смѣльчаки вынесли бы резолюцію, но всѣ склонились бы передъ совершившимся фактомъ. Но не такъ просто подражать Наполеону, особенно людямъ, владѣющимъ авторитетомъ и манерами лишь вахмистра. Ничего изъ мобилизаціи ген. Корвинъ-Круковскаго не вышло. На его призывъ явились полтора десятка офицеровъ, лишенныхъ всякихъ средствъ къ жизни. Понятно, что *неудавшаяся* мобилизація произвела большой шумъ въ краѣ, вызвала многочисленные протесты лѣвыхъ, которые сразу напали на министерство, и сразу убила симпатіи широкихъ круговъ интеллигенціи къ Добрарміи.

Ясно, что главная вина падаетъ не на ген. Корвинъ-Круковскаго, а на индифферентное офицерство. Если бы оно въ огромномъ патріотическомъ подъемѣ и съ пафосомъ великаго идеала спасенія родины собралось бы вокругъ даннаго вождя, если бы оно проявило бы красоту жертвенности и величіе добровольнаго подчиненія, то оно зажгло бы своимъ настроеніемъ все населеніе края, по крайней мѣрѣ, русскую его часть. Но выходя изъ вышеописаннаго собранія, офицеры въ моемъ присутствіи, не стѣсняясь, заявляли: «Чорта съ два, надоѣло, больше драться не намѣрены, пора на покой. Коли ему выгодно, пусть самъ идетъ на фронтъ. Небось, самъ останется въ тылу, а насъ пошлетъ необутыми и неодѣтыми на фронтъ». На мои указанія, что вѣдь въ данный моментъ идетъ лишь рѣчь о защитѣ Крыма, мнѣ отвѣтили: «Да большевики скоро пройдутъ всю Украйну и докатятся до Перекопа!». А когда я заговорилъ о долгѣ передъ родиной, мнѣ одинъ, очень скромный на видъ, поручикъ тихо отвѣтилъ: «Одно дѣло война съ внѣшнимъ врагомъ, а другое дѣло гражданская война. Я не намѣренъ защищать помѣщиковъ и буржуазію, хотя я самъ сынъ помѣщика Тамбовской губ. и хотя моя отцовская усадьба уже навѣрное разорена». (Это не помѣшало ему погибнуть геройской смертью у Сиваша весной 1919 г.) Основная ошибка Корвинъ-Круковскаго состояла въ томъ, что, не ознакомившись съ настроеніемъ офицерства, не условившись съ правительствомъ, безъ предварительной подготовки попытался при-

мѣнить диктаторскіе пріемы, не имѣя на это никакихъ данныхъ. Онъ этимъ обнаружилъ свое бурбонско-презрительное отношеніе къ гражданской власти и тѣмъ сдѣлалъ первую опасную трещину между нею и Добрарміей. А главное, причинилъ огромный вредъ послѣдней. Вѣдь самое важное во всякомъ сложномъ дѣлѣ — начало, исходная точка. Первый шагъ былъ ложный.

Правительство заволновалось, отправило телеграмму Деникину, который разъяснилъ своему подчиненному, что всякая мобилизація должна производиться лишь съ согласія Крымскаго правительства. Кажется, это обстоятельство послужило причиной назначенія новаго военнаго начальства: ген. Боровскаго— командующимъ Крымскимъ центромъ, ген. Пархомова — начальникомъ его штаба. Но сдѣланная ошибка оказалась неисправимой: дѣло мобилизаціи было скомпрометировано надолго, если не навсегда. Сразу исчезъ авторитетъ. Вмѣсто обязательнаго набора началось привлеченіе добровольцевъ. Мало по малу прибывали офицеры, изъ которыхъ составились роты, въ коихъ капитаны, а иногда полковники служили въ качествѣ рядовыхъ.

Офицерскія должности отдавались преимущественно тѣмъ, которые участвовали уже въ одномъ изъ походовъ добровольческой арміи. Было ли это хорошо? Не думаю. Дисциплина военная не импровизируется, а тутъ именно всѣ основы старой традиціи были нарушены. Полковникъ въ роли солдата, который долженъ подчиняться какому-нибудь подпоручику только потому, что послѣдній подморозилъ себѣноги въ «ледяномъ походѣ»—далеко не нормальное явленіе. И все же роты мало по малу комплектовались, но я среди нихъ настоящихъ солдатъ не видѣлъ. Были лишь казаки въ незначительномъ количествѣ, присланные ген. Деникинымъ. Я ихъ видѣлъ нѣсколько разъ въ спеціальной обстановкѣ и мнѣ стало жутко. Я принималъ участіе въ открытіи большого лазарета для добровольцевъ. Надѣялись мы его открыть на частныя пожертвованія, а на самомъ дѣлѣ средства были получены отъ краевого правительства. Послѣ долгихъ мукъ и хлопотъ лазаретъ былъ, наконецъ, открытъ. Онъ быстро заполнился больными и инвалидами. Я часто его посѣщалъ. Почти у всѣхъ больныхъ казаковъ была чисто большевистская психологія: они нисколько не скрывали своей ненависти къ офицерамъ. Имъ все казалось, что офицеровъ кормятъ лучше, чѣмъ ихъ, чего на самомъ дѣ-

лѣ не было, ибо у насъ едва хватало средствъ на одинаково простую, но сытную пищу для всѣхъ. Какъ заученное правило, часто повторяли это казаки: «довольно нашей кровушки попили». И я спрашивалъ себя съ отчаяніемъ: неужели можно при помощи подобныхъ солдатъ вести борбу съ большевиками? И когда я объ этомъ разъ заговорилъ съ однимъ моимъ хорошимъ знакомымъ офицеромъ, я получилъ разъясненіе, отъ котораго у меня дрожь по тѣлу прошла: «На фронтѣ этотъ же казакъ будетъ храбро сражаться... въ надеждѣ на грабежъ».-«Грабежъ кого?» — спросилъ я. — «Да хотя бы побѣжденнаго противника, у котораго карманъ полонъ керенокъ, да просто стащитъ съ него шинель и сапоги». Значитъ, гражданская война, основанная на взаимномъ грабежѣ! *Такъ* родины не освобождаютъ и не спасаютъ.

Совершенно иное впечатлѣніе производили офицеры, превращенные волею судебъ въ солдатъ. По моимъ личнымъ наблюденіямъ я не могу подтвердить мнѣнія Деникина, будто добровольческая армія была классовой. Я въ свое время разслѣдовалъ составъ добровольческаго полка, стоявшаго въ симферопольской семинаріи. Были въ немъ дворяне, но были также мѣщане и крестьяне. Были офицеры кадровые, но были прапорщики военнаго времени. Были монархисты, но были также республиканцы и даже соціалисты. Никогда не забуду лица одного офицера, который оказался пророкомъ. Я напечаталъ въ своей газетѣ рядъ горячихъ статей съ призывомъ къ обществу помочь формирующейся добровольческой арміи, нуждавшейся рѣшительно во всемъ. Получаю я анонимное письмо, подписанное «доброволецъ», въ которомъ авторъ старался меня убѣдить, что я защищаю гиблое дѣло, что Добрармія не спасетъ Россіи, что не избѣжать ей большевизма, который ей придется изжить до конца. Я подумалъ: большевикъ затесался въ нашу армію. Черезъ нѣсколько дней ко мнѣ въ редакцію является молодой офицеръ, наполовину одѣтый въ штатское платье (такъ было тогда одѣто большинство добровольцевъ), и заявляетъ мнѣ: «Я тотъ офицеръ, который недавно вамъ написалъ анонимное письмо». Я оставилъ всѣ дѣла и вышелъ, чтобы поговорить съ нимъ въ уединенномъ мѣстѣ, такъ какъ у меня въ редакціи была вѣчная толкучка.

Я ему сразу сказалъ: «Изъ того, что вы пришли ко мнѣ, я заключаю, что вы мнѣ довѣряете. Я, понятно, на васъ не донесу. Но я требую отъ васъ, чтобы вы неме-

дленно ушли изъ добровольческой арміи. Вѣдь вамъ мѣсто только среди большевиковъ». Онъ молчалъ. Я въ него всмотрѣлся. Передо мной сидѣлъ молодой человѣкъ, лѣтъ 25-ти, съ измученнымъ лицомъ, отъ котораго вѣяло тонкимъ аристократизмомъ, а въ глазахъ было нѣчто глубокое и старческое. Лицо было некрасивое, но необычайно симпатичное. Молчаніе становилось тягостнымъ.

—«Нѣтъ, я не большевикъ, началъ онъ полушопотомъ, вы глубоко ошибаетесь. Я русскій дворянинъ, сынъ разореннаго помѣщика, который съ тысячами опасностей пробрался со своей больной женой оттуда, изъ кромѣшнаго ада, сюда спеціально съ цѣлью поступленія въ добровольческую армію. У меня и раньше вѣры въ нашу побѣду не было, а теперь, когда я порядкомъ присмотрѣлся, отъ этой вѣры и слѣда нѣтъ. Несмотря на это, я исполню свой долгъ до конца, долгъ русскаго дворянина, долгъ русскаго культурнаго человѣка. Но повторяю: дѣло наше гиблое, сроки освобожденія Россіи еще не пришли. И какая же мы армія? Посмотрите на меня: какой же офицеръ я въ этомъ маскарадномъ костюмѣ? А главное, изюминки нѣтъ. Нѣтъ ея и быть не можетъ, ибо свои души растеряли. Сборное, но не цѣлое, лоскутное, но не цѣльное. Какой же я большевикъ!». Крупныя слезы скатились по небритому лицу. Я почувствовалъ, что у меня сжимается горло. Я схватился за папироску и далъ ему одну, которую онъ съ жадностью закурилъ. Я не могъ и не хотѣлъ больше его распрашивать. — «Но помните, прибавилъ онъ послѣ долгой паузы, долгъ свой я исполню до конца, живымъ въ плѣнъ большевикамъ не сдамся» Онъ прошелъ весь мучительный путь добровольческой арміи, теперь онъ живетъ бѣженцемъ заграницей. Для характеристики настроеній въ бѣлой арміи я считаю нужнымъ привести выписки изъ письма, полученнаго мною отъ этого офицера изъ Висбадена отъ 20 февраля 1921 г. Его имя Яковъ Николаевичъ Г-овъ.

«... Въ моихъ запискахъ, которыя я велъ одно время довольно внимательно, сохранилось довольно подробное изложеніе нашихъ споровъ. Вы тогда вѣрили въ торжество контръ-революціи, я утверждалъ ея неминуемую гибель. Изъ Вашихъ статей, которыя читаю въ «Общемъ Дѣлѣ», видно, что Васъ и по сію пору не покинула вѣра въ торжество права и порядка въ Россіи. Я эту вѣру утратилъ навѣки. Послѣ того какъ мы разстались въ Новороссійскѣ, я, наконецъ, смогъ смѣнить свой старый пи-

джачекъ, и второй свой походъ, подъ знаменемъ ген. Деникина, совершилъ въ англійской формѣ, находясь на службѣ въ танковомъ отрядѣ... Въ теченіе двухъ съ лишнимъ лѣтъ я рыскалъ по южной Россіи, принимая активное и дѣятельное участіе во многихъ и многихъ бояхъ. Первый походъ съ Перекопа, походъ на Курскъ, Кіевъ, Одессу съ ея кошмарной эвакуаціей, ужасающія эпидеміи тифа, замерзшіе и искалеченные люди, брошенные санитарные поѣзда съ умирающими одинокими тифозными; вагоны труповъ, трупы на улицахъ, въ полѣ, въ снѣгу, въ морѣ, разстрѣлы и висѣлицы, погромы въ Фастовѣ, погромы въ Кіевѣ, отступленіе и сидѣніе въ Крыму; Врангель съ его безумнымъ честолюбіемъ и жесткой авантюрой; походъ на Александровскъ, Токмакъ, опять разстрѣлы, грабежи, изнасилованныя сестры, дроздовцы, корниловцы, геройскій, великій ген. Слащевъ-Крымскій; голодъ, холодъ, развороченные снарядами танки, чьи-то трупы во ржи, наполовину разложившіеся... Разгромъ арміи, бѣгство изъ Крыма, вши, тьма трюма, голодъ и жажда. Константинополь, переполненный измученными, загнанными людьми, всѣми гонимыми, голодными, съ психологіей преступниковъ и воровъ... Вакханалія наживы, воровство явное и тайное, мытарства въ консульствахъ и визахъ... Словомъ, все, что выпало на долю несчастныхъ русскихъ, все это я видѣлъ, обо всемъ этомъ я составилъ себѣ представленіе не со стороны, а какъ участникъ. Обо всемъ этомъ я разсказалъ бы Вамъ, но языкъ не поворачивается и боюсь, что вмѣсто словъ изъ груди вырвется волчій вой, звукъ похожій на завываніе собаки надъ могилой хозяина. Таковы были эти два года... И за все это время мнѣ нигдѣ почти, за рѣдкими исключеніями, не удалось замѣтить выявленія какой либо *идеи*... Теперь я въ Германіи. Думаю, сравниваю. Сравнивая обѣ страны, свою и чужую, я не разъ подумалъ о всемъ томъ сознательномъ, вѣроятно, злѣ, которое сотворили революціонеры и люди сочувствующіе имъ, стремясь свергнуть старый режимъ. Вѣдь не могли же люди, стоявшіе во главѣ государства, умные, образованные люди, не могли же они не знать, насколько некультуренъ, теменъ, жестокъ и завистливъ нашъ народъ и какъ онъ далекъ отъ воспріятія какой либо идеи свободнаго государства...

Эти два года порвали живую связь съ родиной. О ней я сохранилъ только память, это даже не Россія и не совѣтская Россія. Это клоака низменныхъ инстинктовъ, при-

тонъ разгулявшагося и распоясавшагося Соловья-разбойника и воровъ, и жуликовъ, и убійцъ, его окружающихъ. Болѣзни и самый отвратительный цинизмъ, голодъ и холодъ, безбожіе и хамство, смерть — это теперь заполняетъ мою родину...

И всѣ тѣ, кто здѣсь заграницей толкуютъ объ объединеніи, кто одобряетъ или не одобряетъ вооруженной борьбы съ большевиками, кто думаетъ, что работаетъ во имя возсозданія Россіи, кто тратитъ на это послѣднія свои силы, всѣ они слѣпы; они утратили живую связь съ русской дѣйствительностью; ихъ засѣданія и деклараціи смѣшны и жалки. Кому и что они хотятъ доказать? Кого они объединяютъ? Насъ, эмигрировавшихъ офицеровъ или нашихъ женъ? Или Милюкова, Керенскаго и Чернова?... Ужъ если Деникинъ, великій русскій генералъ, бывшій въ Россіи, владѣвшій всѣмъ Югомъ, и Колчакъ, правитель всей Сибири, не смогли ничего сдѣлать (или не сумѣли — не знаю), то какова же цѣна «Рулю», «Волѣ Россіи», «Послѣднимъ Новостямъ», «Общему Дѣлу»?... Вы работаете для Россіи. Ваши слова у меня записаны и я воспроизвожу ихъ дословно: «Я — еврей, сіонистъ. Вы спрашиваете меня, почему я работаю для Россіи. Да потому, что я не мыслю культурной Европы безъ Россіи». И еще: «Большевизмъ я понимаю, какъ торжество побѣдившаго хамскаго мѣщанства». И еще: «Подлинная демократическая Россія — это Россія, гдѣ слышенъ *сознательный* народный голосъ». Въ это Вы вѣрили тогда, въ Симферополѣ. И эти же мысли Вы считаете и теперь чѣмъ-то вродѣ аксіомы. Вы ихъ повторяете въ «Общемъ Дѣлѣ». Вы, наконецъ, пишете: «огромная масса населенія не пріемлетъ прижима Ленина и Троцкаго». Все это невѣрно. Я самъ видѣлъ и могу это сказать и повторить тысячу разъ, ссылаясь на факты. Тотъ самый мужикъ, о которомъ идетъ рѣчь, за рѣдкими исключеніями, доволенъ совѣтской властью. Она ему позволяетъ красть и грабить, потакаетъ его низменнымъ инстинктамъ, до крайняго предѣла обнажившимся, и онъ ею доволенъ... Дѣло вотъ въ чемъ: основная моя мысль, являющаяся слѣдствіемъ моихъ наблюденій, когда я рыскалъ по Россіи, состоитъ въ томъ, что не такъ велики значеніе и ужасъ матеріальной и хозяйственной катастрофы. Велико и безмѣрно царящее въ нынѣшней Россіи ужасающее моральное разложеніе. Въ Россіи нѣтъ теперь никакой общей честной идеи. Идеи воровства, убійства, разбоя и насилія,

полный нравственный маразмъ вселились въ каждый уголокъ, въ каждый атомъ русской души, въ каждую пору русскаго соціальнаго организма. Это одинаково примѣнимо къ Россіи, къ эмиграціи и къ нашимъ войскамъ. Поживите немного въ Царьградѣ... Но что же тогда дѣлать? Ждать? Но чего ждать? Если Европа не сдѣлается большевистской, то надо ждать естественной смерти красной власти»...

Я опустилъ самыя рѣзкія мѣста письма, написаннаго православнымъ русскимъ офицеромъ, храбро сражавшимся въ рядахъ бѣлой арміи и никогда не укрывавшимся въ тыловыхъ штабахъ. Но, вѣдь, это письмо — цѣлая эпопея измученной русской души, таящей подъ своими проклятіями неизбывную любовь къ родинѣ.

Пусть не думаетъ читатель, что этотъ офицеръ — единичный случай. Ихъ было очень много среди добровольцевъ, гораздо болѣе, чѣмъ это подозрѣваютъ. Это ли классовая армія? Я говорю не о тыловыхъ офицерахъ, а о тѣхъ, которые готовились къ борьбѣ на фронтѣ. Я присматривался къ нимъ и скажу одно: они всегда производили на меня впечатлѣніе *обреченныхъ*. Они не защищали никакихъ классовыхъ интересовъ, они не были рыцарями опредѣленной политической системы. Единственное, совершенно опредѣленное чувство, наполнявшее ихъ души, была ненависть къ большевикамъ не изъ-за коммунизма и соціализма послѣднихъ, а исключительно вслѣдствіе ихъ жестокаго варварства и кроваваго террора. Идейно эта была ненависть культуры къ варварству. Но при этомъ вся обстановка, въ которую были поставлены *эти* добровольцы, была некультурная. Граждане мало или совсѣмъ не интересовались ими. Штатскіе спекулировали и кутили самымъ безобразнымъ образомъ днемъ и ночью, а офицеры добровольцы спали на голыхъ доскахъ въ неотопленныхъ дортуарахъ. Получалось, что офицеры должны терпѣть лишенія и жертвовать своей жизнью, дабы городская буржуазія и всякіе нувориши могли безмятежно пользоваться всѣми матеріальными благами жизни. А настоящая интеллигенція, не спекулировавшая и сохранившая еще вѣру и идеи спасенія родины, народнаго блага и человѣческой правды, сторонились отъ добровольцевъ, какъ отъ возможной реакціонной силы, не имѣя на это ровно никакихъ данныхъ. Это былъ ложный страхъ, унаслѣдованный отъ эпохи борьбы Керенскаго съ Корниловымъ. Однимъ словомъ, па-

фосъ отсутствовалъ во всемъ нашемъ лагерѣ, въ то время какъ у большевиковъ онъ имѣлся въ огромнѣйшихъ размѣрахъ.

Ко всему этому присоединился очень скоро выступившій наружу антагонизмъ между штабными и строевыми, между тыловыми и фронтовыми офицерами, между которыми быстро образовалась непроходимая пропасть. Европейская гостинница въ Симферополѣ была занята штабомъ добровольческой арміи. Тамъ шмыгали сотни офицеровъ по всѣмъ этажамъ, корридорамъ и комнатамъ, якобы вѣчно занятые, таинственные, словно отъ нихъ зависитъ судьба родины. Тутъ всѣ были одѣты по формѣ съ иголочки, у входа стояли два пулемета съ караулами. А на самомъ дѣлѣ никто ничего не дѣлалъ, ибо никакого живого дѣла не было. Штабъ былъ расчитанъ чуть ли не на цѣлую армію, въ то время какъ настоящихъ войскъ было всего нѣсколько ротъ. Генералы, полковники и особенно адъютанты безъ конца, заносчивые, самоувѣренные и въ большинствѣ случаевъ совершенно неспособные къ проявленію какой либо инициативы. Сюда, въ штабы, затесались всѣ реакціонеры, которые имѣли одинъ идеалъ: возвратъ къ старому. Жидоѣды, соціалистоѣды, кадетоѣды, для которыхъ октябристъ А. И. Гучковъ былъ первымъ кандидатомъ на висѣлицу, а Соломонъ Крымъ — вторымъ. Тутъ же пристроилась пресловутая контръ-развѣдка. Эта болячка на организмѣ добровольческой арміи! Отсюда пошло позорное взяточничество, ставшее язвой штабовъ Добрарміи и, какъ это ни странно, отсюда шла большевистская агитація, ибо именно въ контръ-развѣдкахъ скрывались замаскированные большевики подъ добровольческими погонами. Съ самаго начала я, стоя близко къ дѣятельности по агитаціи и пропагандѣ, чувствовалъ глухое противодѣйствіе со стороны руководителей контръ - развѣдки. Тогда я это объяснялъ узкой реакціонностью ея участниковъ. Но потомъ дѣло выяснилось: когда въ апрѣлѣ 1919 г. большевики вновь заняли Крымъ, многіе изъ контръ-развѣдки оказались ихъ вѣрными слугами.

Очень скоро офицеры, жившіе въ казармахъ, начали выражать свою враждебность къ штабамъ. Приблизительно въ декабрѣ 1918 г. было даже организовано нѣчто вродѣ стачки строевыми добровольцами, въ виду того, что и они, и ихъ семьи жили впроголодь, въ то время какъ штабные были прекрасно обезпечены. Пришлось

уступить и часть требованій строевыхъ офицеровъ удовлетворить. Но самый антагонизмъ между штабными и строевыми этимъ не былъ уничтоженъ. А вѣдь въ сущности покамѣстъ всѣ жили въ мирныхъ условіяхъ, ибо въ Крыму тогда еще не было никакого боевого фронта. Наиболѣе энергичные перебрались на Кубань, чтобы влиться во фронтъ ген. Деникина, но въ самомъ Крыму была тишь да гладь. Результатомъ этого было, что штабные занялись внутреннимъ фронтомъ, т. е. борьбой съ мѣстными большевиками. Но раньше чѣмъ перейти къ этому вопросу, считаю необходимымъ закончить разсказъ объ организаціи антибольшевистскихъ вооруженныхъ силъ въ Крыму въ описываемый мной періодъ (ноябрь 1918 -1919 г.). Въ ноябрѣ мѣсяцѣ нѣмцы, по приказу союзниковъ, начали эвакуировать Крымъ. Но и безъ всякаго приказа революціонная часть солдатъ рвалась на родину. А огромное большинство офицерства и весьма значительное количество германскихъ солдатъ предпочитали временно оставаться въ Крыму, чтобы переждать разыгравшуюся бурю на родинѣ. Генералъ Кошъ, командовавшій германскимъ отрядомъ въ Крыму, далъ знать русскимъ черезъ помѣщика Ф., что онъ готовъ съ вѣрными ему офицерами и солдатами оставаться въ Крыму безъ всякаго жалованія, но получая все необходимое для прокормленія его войскъ, съ тѣмъ чтобы охранять порядокъ въ краѣ, что способствовало бы спокойной организаціи добровольческой арміи, которая не отвлекалась бы для выполненія чисто полицейской работы. При этомъ нѣмецкіе офицеры утверждали, въ чемъ мы и не сомнѣвались, что у нихъ контръ-развѣдка прекрасно поставлена, что они прекрасно знаютъ, гдѣ какіе большевики и уголовные преступники скрываются, и что поэтому ихъ изловить необычайно легко. Начальникъ штаба, предшественникъ ген. Пархомова, съ этимъ предложеніемъ нѣмцевъ согласился и запросилъ разрѣшенія ген. Деникина. Но послѣдній наотрѣзъ отказалъ, не желая пользоваться услугами враговъ Россіи. Психологически можно понять вождя Добрарміи, для котораго большевизмъ былъ ни что иное, какъ «германская интрига», который уже тогда зналъ то, что впослѣдствіи Людендорфъ сообщилъ въ своихъ мемуарахъ о связяхъ между германскимъ генеральнымъ штабомъ и Ленинымъ, но политически онъ совершилъ огромную ошибку. Одно дѣло нѣмцы во время войны, пользующіеся большевиками, какъ ядовитыми газами,

другое дѣло нѣмцы послѣ того, какъ на ихъ собственной родинѣ начали бушевать большевики. Несомнѣнно, что офицеры Коша принесли бы намъ огромную пользу въ борьбѣ съ внутренними большевиками и въ охранѣ внутренняго порядка, а главное они освободили бы нашихъ добровольцевъ отъ полицейской борьбы съ внутренними большевиками.

Это была не единственная ошибка. Въ концѣ декабря, когда уже стало ясно, что Украйна будетъ захвачена большевиками, нѣмецкіе колонисты начали волноваться. У нихъ скрывались очень многіе нѣмецкіе офицеры, не пожелавшіе вернуться на родину. Эти нѣмецкіе колонисты предложили образовать собственный хорошо оборудованный отрядъ для борьбы съ большевиками. Объ этомъ представители нѣмецкихъ колоній говорили, между прочимъ, и со мной. Я по этому поводу переговорилъ съ начальникомъ штаба, ген. Пархомовымъ. Онъ, въ сущности, ничего не имѣлъ противъ этого плана и обѣщалъ мнѣ запросить согласія начальства. Прошло нѣсколько дней и я получилъ рѣшительный отказъ безъ всякихъ мотивовъ, что, понятно, глубоко оскорбило нѣмецкихъ колонистовъ, которые, дѣйствительно, имѣли лишь одну цѣль: борьбу съ большевиками.

Наконецъ, еще одна попытка. Все чаще повторялись слухи, что на фронтѣ коммунистовъ сражаются цѣлыя части, составленныя изъ однихъ евреевъ. Я мало вѣрилъ этимъ слухамъ, но во всякомъ случаѣ, я очень обрадовался, когда бывшіе еврейскіе прапорщики и солдаты пришли ко мнѣ съ просьбой выхлопотать имъ разрѣшеніе создать еврейскую вооруженную дружину изъ тѣхъ евреевъ, которыхъ, по тѣмъ или инымъ причинамъ, не завербуютъ въ добровольческую армію. Эта еврейская дружина взяла бы на себя несеніе внутренней полицейской службы и борьбу съ мѣстными большевиками въ случаѣ внезапныхъ вспышекъ. Понятно, что мы имѣли въ виду при этомъ оберегапіе еврейскаго населенія отъ возможныхъ погромныхъ эксцессовъ. Я доложилъ и объ этомъ планѣ ген. Пархомову, который сразу отнесся къ нему холодно, но все же обѣщалъ запросить мнѣніе главнаго командованія. Не могу судить, насколько было это вѣрно, но черезъ нѣсколько дней я получилъ категорическій отвѣтъ: «ген. Деникинъ отказалъ». Въ связи съ этимъ я рѣшительно протестовалъ противъ того, что еврейскихъ прапорщиковъ или вовсе не принимали въ Добрармію, хотя

бы на роляхъ простыхъ солдатъ, или же уже принятыхъ перевели въ обозъ кашеварами. Этотъ одинъ фактъ гораздо болѣе повредилъ симпатіямъ еврейскаго населенія къ Добрарміи, чѣмъ вся большевистская агитація. Оправдывались передо мной тѣмъ, что это оскорбленіе еврейскихъ прапорщиковъ является результатомъ не предписанія начальства, а рѣшенія добровольцевъ. Отъ этого намъ, евреямъ, стало не легче. Могъ ли я послѣ этого отойти въ сторону? Да, я, можетъ быть, это сдѣлалъ бы, если бы тамъ, у большевиковъ, евреи не играли бы никакой роли, если бы все еврейство поголовно рѣшило бы проводить строго политику невмѣшательства въ гражданскую войну. Но вѣдь этого не было, вѣдь *тамъ* Троцкій, Каменевъ и Зиновьевъ орудовали во всю. Поэтому я здѣсь не могъ сидѣть сложа руки. Я провѣрилъ себя путемъ опроса жестоко обиженныхъ еврейскихъ офицеровъ, превращенныхъ въ кашеваровъ. Но они въ одинъ голосъ настаивали на моемъ продолженіи работы въ пользу Добрарміи и активной борьбы съ большевиками. Но пусть русскіе антисемиты поймутъ, какъ тяжело было намъ, евреямъ, проявить жертвенность, которая такъ грубо отвергалась той же Добрарміей. А, кажется, наша дѣятельность кое-что да значила. Разскажу слѣдующій курьезный эпизодъ. Въ одинъ прекрасный день является ко мнѣ въ редакцію человѣкъ въ краснокрестовской формѣ и въ присуствіи всѣхъ моихъ сотрудниковъ бросается меня обнимать и цѣловать. Я его сразу не узналъ. «Съ кѣмъ имѣю честь...» — началъ я. — «Я — Пуришкевичъ!» — воскликнулъ онъ, сжимая мнѣ руки. — «А вы знаете, что я жидъ?» — сказалъ я. — «Да что тамъ жидъ, вы — еврей, передъ которымъ я преклоняюсь!» — выговорилъ онъ скороговоркой. И онъ началъ тутъ же мнѣ разъяснять особенности его антисемитизма. Понятно, что мнѣ эта встрѣча доставила только непріятности: на слѣдующій день вся лѣвая пресса посвятила этому инциденту большія статьи, а соціалистическая поэтесса Выставкина состряпала цѣлое стихотвореніе на тему, какъ Пуришкевичъ цѣловался съ Пасманикомъ. Но ни ругань лѣвыхъ, ни похвала правыхъ не руководили моей дѣятельностью. Я вижу въ большевизмѣ міровое патологическое явленіе, смертельно опасное для всей нашей культуры и цивилизаціи и поэтому я считаю моимъ моральнымъ долгомъ культурнаго человѣка бороться съ нимъ всѣми доступными мнѣ средствами. Я вижу въ большевизмѣ смер-

тельную опасность для Россіи, для моей родины, для той страны, въ которой я родился и чьей культурой я напоилъ свою душу. Я вижу въ большевизмѣ смертельнаго врага не только Россіи, но и русскаго еврейства съ его національно - духовной культурой и экономическими особенностями. По отношенію къ большевизму я поэтому не допускаю оппортунизма, тѣмъ болѣе что ссылка на еврейское безправіе при царскомъ режимѣ — бездонная ложь, такъ какъ не большевики, а Временное Правительство провозгласило полную еврейскую эмансипацію 21-го марта 1917 г.

Да извинитъ читатель это длинное отступленіе отъ нашего разсказа: да послужитъ оно отвѣтомъ на всѣ нападки, которымъ я подвергаюсь въ Россіи и въ Европѣ и въ Америкѣ за мое якобы соглашательство съ погромщиками - антисемитами. Да, я защищалъ добровольческую армію, которая имѣла много недостатковъ, которая надѣлала много ошибокъ, но которая проявила въ беззавѣтной борьбѣ съ большевиками столько геройства и жертвенности, которая сдѣлала столько для спасенія европейской культуры отъ варварскаго нашествія большевиковъ, что я и теперь, зная всѣ ея недостатки и ошибки, могу только воскликнуть: шапки долой и преклонитесь молитвенно передъ Бѣлой Арміей, передъ тѣми изъ ея членовъ, которые пали въ борьбѣ и передъ тѣми, которые теперь ѣдятъ горькій хлѣбъ изгнанія. Я это утверждаю съ тѣмъ болѣе чистой совѣстью, что я глубоко убѣжденъ: фронтовые добровольцы - офицеры проявляли необычайную красоту въ своемъ самопожертвованіи на благо родины и лишь тыловые офицеры почернили бѣлое движеніе своимъ политиканствомъ и своими беззаконіями.

Къ дѣятельности послѣднихъ я перехожу. Главной своей дѣятельностью штабные офицеры считали борьбу съ мѣстными большевиками. 10 декабря Круковскій прислалъ письмо правительству, въ которомъ онъ писалъ, что Добрармія «не позволитъ, чтобы ей наступали на ноги», въ виду чего онъ требуетъ немедленнаго ареста всѣхъ лицъ, повинныхъ въ большевизмѣ, согласно приложенному списку. На первомъ мѣстѣ было имя крупнаго помѣщика, бывшаго земскаго начальника, С., выдѣлявшагося своей реакціонностью, и личнаго противника премьеръ - министра. Вся его вина состояла въ томъ, что во время господства большевиковъ онъ подъ угрозой разстрѣла выдалъ экспропріаторамъ послѣдніе 5.000 рублей. На второмъ

мѣстѣ стояло имя почтеннаго еврея, владѣльца склада сельско - хозяйственныхъ машинъ, г. Л., который былъ вынужденъ впослѣдствіи спастись отъ большевиковъ бѣгствомъ заграницу. На третьемъ мѣстѣ было имя несчастнаго торговца фруктами, татарина Ч., вся вина котораго состояла въ томъ, что его фамилія нѣсколько напоминала фамилію одного дѣйствительнаго большевика - татарина, врача по профессіи. Во всемъ спискѣ не было ни одного настоящаго большевика. Понятно, что правительство никакихъ арестовъ не произвело. Это еще болѣе утвердило Штабъ въ убѣжденіи, что гражданская власть недостаточно борется съ большевизмомъ, въ чемъ онъ отчасти былъ правъ. Тутъ дѣло не въ слабости власти, а въ ея міровоззрѣніи. Она никакъ не хотѣла примириться съ сознаніемъ, что она живетъ и дѣйствуетъ въ революціонную эпоху, которая не можетъ довольствоваться законами спокойнаго, мирнаго времени. Она забывала также, что она борется съ партіей, которая сама не считается съ общепризнанными нормами, съ свободой слова, печати, собраній и т. д. А у насъ въ Крыму совершенно свободно выходила газ. «Прибой», которая безъ всякаго стѣсненія проповѣдывала ненависть къ добровольческой арміи, требовала ея изгнанія изъ предѣловъ Крыма, какъ чужой арміи, печатала постановленія разныхъ рабочихъ организацій противъ мобилизаціи и, въ сущности, не будучи большевистской, содѣйствовала углубленію большевизма въ массахъ. Большевики аналогичной прессы у себя не допускали бы, а съ редакторомъ подобной газеты, т. е. съ тѣмъ же оппозиціоннымъ духомъ, быстро расправились бы въ подвалахъ Чека. А въ «буржуазно - помѣщичьемъ» Крыму власть спокойно терпѣла выходъ газеты, которая дѣйствительно сѣяла смуту въ умахъ. Дѣлала она это, потому что она считалась съ законностью мирнаго времени, съ требованіями парламентаризма, съ кадетско - соціалистическимъ прошлымъ. Впрочемъ, и въ этомъ отношеніи Крымское правительство все же считалось съ дѣйствительностью. Былъ изданъ законъ объ «административно - репрессивныхъ мѣрахъ», по поводу котораго министръ юстиціи В. Д. Набоковъ въ засѣданіи губернскаго земскаго съѣзда отъ 14 февраля 1919 г. заявилъ слѣдующее: «Въ настоящее время Правительство поставлено въ особое положеніе. Надвигается грозная опасность, предотвращеніе которой составляетъ задачи Добрарміи, но нельзя не считаться съ возможностью воен-

ныхъ неудачъ. При нѣмцахъ большевистская опасность исчезла, не было ее и въ первое время новой Крымской власти. Но по мѣрѣ того, какъ измѣнялись политическія условія, какъ произошелъ переворотъ на Украйнѣ, получилась другая картина. Появились признаки большевизма (отмѣчу: лишь въ февралѣ 1919 г. Д. П.), найдена переписка съ Махно, обнаружена подготовка къ взрыву тюрьмы и военныхъ складовъ. Появились на улицахъ извѣстныя лица, причастныя къ большевистскому движенію. Несомнѣнно, что Добровольческой Арміи нуженъ обезпеченный безопасностью тылъ. Намъ претило разрабатывать законъ объ административно - репрессивныхъ мѣрахъ, какъ о принципіально - непріемлемыхъ, но Правительство должно себя поставить въ такое положеніе, чтобы обезпечить себя возможностью бороться съ вышеобрисованной грозной опасностью. Мы приняли этотъ законъ для того, чтобы его примѣнять, мы приняли на себя тѣмъ самымъ большую отвѣтственность, но мы не боимся этой отвѣтственности». (Проток. засѣданій).

Само собой понятно, что соціалъ - демократическая оппозиція боролась противъ этого закона. Вождь ея, В. А. Могилевскій, выступилъ противъ него съ грозной филиппикой. «Изданные правительствомъ уголовное положеніе и законъ объ административно - репрессивныхъ мѣрахъ, заявилъ онъ, соціалъ - демократическая партія, съ точки зрѣнія демократическихъ принциповъ, отвергаетъ... Оба закона могутъ послужить орудіемъ политической мести. Права высылки формулированы такъ широко, что высланнымъ можетъ быть каждый гражданинъ. Этимъ закономъ карается агитація противъ добровольческой арміи. Это постановленіе ставитъ печать въ невозможное положеніе, ибо подъ понятіе агитаціи можно подвести любую критику... С. - д. фракція полагаетъ, что Правительство найдетъ въ себѣ достаточно мужества, чтобы отмѣнить эти законы».

Изъ всего этого явствуетъ, что правительство, несмотря на сильную оппозицію, старалось проявить свою власть, хотя оно, понятно, не проявляло диктаторскаго духа, столь необходимаго въ обстановкѣ гражданской войны. Но надо признать, что Добрармія, въ лицѣ ея крымскихъ вождей, своимъ поведеніемъ лишь усложняла положеніе.

Долго Правительство тщательно скрывало его тренія съ Добрарміей. Наоборотъ: оно неуклонно ее защища-

ло. Передо мной лежатъ всѣ протоколы засѣданій губернскаго земства, передъ которымъ Правительство отчитывалось. Что мы находимъ въ нихъ? Въ засѣданіи отъ 10-го декабря: «Что касается добровольческой арміи, то съ нею правительство вошло въ соглашеніе, въ силу котораго эта армія совершенно не будетъ вмѣшиваться во внутреннюю жизнь Крыма, а будетъ дѣйствовать въ контактѣ съ правительствомъ». На этомъ засѣданіи со стороны соціалистовъ - революціонеровъ ни одного протеста, ни одной жалобы, хотя с.-д. фракція не скрываетъ своей антипатіи къ Добрарміи, какъ это явствуетъ изъ резолюціи, предложенной лидеромъ этой фракціи: «Заслушавъ доклады и сообщенія членовъ Правительства, Земское Собраніе выражаетъ пожеланіе 1) чтобы Правительство и впредь со всей рѣшительностью отстаивало полное невмѣшательство внѣшнихъ силъ, въ томъ числѣ я Добровольческой Арміи, во внутреннія дѣла Крыма; 2) чтобы организуемая армія носила характеръ территоріальный, была предназначена лишь для охраны спокойствія въ Крыму и создавалсь на принципѣ обязательности для всего населенія». Характерно въ этой резолюціи, что Добрармія разсматривается, какъ «внѣшняя сила» и что борьба съ всероссійскимъ большевизмомъ, отвергается. Министръ П. С. Бобровскій (соціалистъ - плехановецъ) отвѣчаетъ: «Относительно добровольческой арміи необходимо сказать, что Правительство не располагаетъ никакими данными, изъ которыхъ видно было бы вмѣшательство арміи во внутреннюю жизнь края. Если и были какіе либо случаи, то они исходили отъ младшаго элемента въ арміи, не несущаго серьезной отвѣтственности».

На засѣданіи того же губернскаго земства отъ 14 февраля тотъ же министръ Бобровскій отъ имени правительства докладываетъ: «Надо констатировать въ высшей степени благожелательное отношеніе добровольческой арміи къ Краевому Правительству. По поводу допущенныхъ отдѣльными чинами Д. А. правонарушеній, Командованіе Добровольческой Арміи отнеслось весьма внимательно къ заявленіямъ Краевого Правительства и приняло соотвѣтствующія мѣры, благодаря чему случаи правонарушенія наблюдаются много рѣже. Правительство сдѣлало слѣдующее: оно ассигновало ежемѣсячно по полтора милліона рублей на нужды добровольческой арміи. Подъ предсѣдательствомъ Премьеръ - Министра образованъ Особый Комитетъ помощи Д. А., каковому Комитету разрѣшена лот-

терея въ 20 милліоновъ рублей и отпущены средства на предварительные расходы... Организована столовая для Д. А. Учреждено Совѣщаніе по изысканію средствъ и выработкѣ мѣропріятій для обезпеченія снабженіемъ Д. А.».

Но тучи сгущаются и с.-д. фракція вноситъ резолюцію, 3-ій пунктъ которой гласитъ: «Фракція с.-д. Съѣзда земствъ и городовъ выражаетъ рѣшительный протестъ противъ систематическихъ незаконныхъ арестовъ и содержанія арестованныхъ на военныхъ гауптвахтахъ, недоступныхъ надзору прокуратуры, и непрекращающихся случаевъ избіенія арестованныхъ». Но съѣздъ отвергаетъ резолюцію с.-д., голосами кадетовъ и соціалистовъ - революціонеровъ.

Первая крупная стычка между тыловымъ офицерствомъ и властью произошла на слѣдующей почвѣ: были арестованы около двадцати настоящихъ большевиковъ, изъ коихъ многіе лично убивали невинныхъ гражданъ и офицеровъ во время перваго большевистскаго нашествія. Наше мирное правительство передало все дѣло судебному слѣдователю, но слѣдствіе не клеилось. Свидѣтели боялись давать показанія, ибо кто знаетъ? а вдругъ большевики опуть придутъ и начнется кровавая расправа не только со свидѣтелями, но со всѣми ихъ родственниками. Впрочемъ, одинъ изъ подсудимыхъ, мусульманинъ, такъ и писалъ своей женѣ: «я расправлюсь со всѣми, которые будутъ свидѣтельствовать противъ меня». Онъ могъ такъ писать, потому что онъ зналъ, что по законамъ мирнаго времени онъ не будетъ присужденъ къ смертной казни, а надежда на второй приходъ большевиковъ у него была крѣпкая. Были среди арестованныхъ и женщины, которыя собственноручно подписывали смертные приговоры по собственному усмотрѣнію. Офицеры требовали быстраго суда надъ ними съ примѣненіемъ смертной казни къ убійцамъ. Надо помнить, что между офицерами были и такіе, родственники которыхъ были убиты арестованными. Но министръ юстиціи В. Д. Набоковъ, все время твердилъ одно: онъ, выросшій на чувствѣ уваженія къ законности, не можетъ издавать новыхъ законовъ съ обратной силой. Страсти разгорались. Тогда было рѣшено перевести всѣхъ арестованныхъ въ Керченскую тюрьму, ибо въ Керчи, гдѣ не было террора, атмосфера была спокойнѣе. Но въ трехъ станціяхъ отъ Симферополя всѣ арестованные были перестрѣляны конвоировавшими ихъ добровольцами. Можно себѣ представить шумъ, поднявшій-

ся въ городѣ, особенно со стороны лѣвыхъ. Но на сей разъ все обошлось сравнительно гладко, ибо уже слишкомъ запятнали себя убитые своимъ садизмомъ и своими злодѣяніями. Но чувство законности было оскорблено. Кто тутъ виновный? Я и теперь затрудняюсь дать отвѣтъ на этотъ вопросъ. Одинъ въ свое время очень популярный русскій общественный дѣятель отвѣтилъ на этотъ вопросъ такъ: Набоковъ былъ правъ, отказываясь провести законъ съ обратной силой, а офицеры были правы, расправившись съ убійцами. Меня этотъ отвѣтъ не удовлетворилъ. Я теперь, какъ и тогда, думаю, что было бы лучше, если бы арестованные большевики - убійцы были бы приговорены къ смертной казни на основаніи революціоннаго закона, спеціально изданнаго ad hoc. А то получилось, что вся отвѣтственность за совершившееся легла на добровольцевъ.

Почти одновременно съ этимъ событіемъ произошло возстаніе сравнительно крупной группы большевиковъ въ каменоломняхъ подъ Евпатріей. Туда были посланы войска съ пулеметами, которымъ пришлось повести цѣлую осаду, ибо въ каменоломняхъ имѣлись сложныя галлереи. Борьба продолжалась нѣсколько дней. Но побѣда осталась за властью. Однако, тогда стало ясно, что въ Крыму скрываются большевики въ значительномъ количествѣ. Добровольцы начали ихъ искать, но развѣдка была поставлена отвратительно. Начались ночные поголовные обыски домовъ въ рабочихъ кварталахъ. Искали оружія, котораго не находили, потому что большевики умѣли его прятать. Но благодаря этому, всѣ начали нервничать. Развѣдка узнала, что гдѣ-то происходитъ собраніе делегатовъ профессіональныхъ союзовъ. Окружили собраніе, многіе разбѣжались, а нѣсколько пойманныхъ были разстрѣляны тутъ же на мѣстѣ. Это уже было самое жестокое преступленіе, ничѣмъ не оправдываемое и абсолютно вредное. Убитые были соціалисты, даже безпартійные, но не большевики, и ни въ чемъ они прежде не провинились. Въ видѣ протеста была объявлена всѣми рабочими однодневная забастовка. Возмущеніе было всеобщее, что и выразилось на засѣданіи съѣзда земствъ и городовъ отъ 19 марта 1919 г. Оффиціальный протоколъ засѣданія сообщаетъ:

«Открывая Собраніе, Предсѣдатель докладываетъ о происшедшихъ въ г. Симферополѣ разстрѣлахъ четырехъ представителей союза металлистовъ и предлагаетъ

принять резолюцію по поводу происшедшаго, выработанную по соглашенію всѣхъ фракцій, слѣдующаго содержанія: «Жестокая расправа надъ представителями Союза металлистовъ, имѣвшая мѣсто въ ночь съ 17 на 18 марта, взволновала широкіе круги населенія. Глубоко скорбя о безвинно пролитой крови и рѣшительно осуждая безсмысленное убійство, Съѣздъ представителей земствъ и городовъ Крыма считаетъ своей обязанностью указать не только на моральную недопустимость подобныхъ самосудовъ, но и на чрезвычайную ихъ опасность для общественнаго спокойствія. Самосуды, участниками которыхъ являются чины Добровольческой Арміи, прежде всего вредятъ ея собственнымъ интересамъ, внося нездоровое возбужденіе и создавая атмосферу ненависти и злобы въ тылу войскъ, которыя, не щадя жизни своей, отстаиваютъ Крымъ отъ вторженія большевиковъ. Увѣренные въ томъ, что производящееся разслѣдованіе выснитъ виновниковъ преступленія, которые понесутъ заслуженную кару, Съѣздъ выражаетъ надежду, что происшедшее тяжелое событіе не вызоветъ нарушенія спокойнаго теченія жизни, столь необходимаго населенію Крыма въ переживаемое время». Резолюція была принята всѣми при воздержавшихся 2 с.-д., внесшихъ очень рѣзкую резолюцію. Но съ этихъ поръ травля лѣвыхъ противъ добровольцевъ не прекращалась ни на одинъ мигъ. Можно было опасаться жестокихъ столкновеній. Правительство заволновалось. Чтобы избѣгнуть повторенія въ будущемъ самовольныхъ дѣйствій добровольцевъ, оно организовало особую комиссію въ составѣ министра юстиціи Набокова, министра внутреннихъ дѣлъ Богданова и представителей штаба добровольческой арміи. Никакіе аресты подозрѣваемыхъ въ большевизмѣ не могли быть впредь предприняты безъ согласія этой комиссіи. Было рѣшено также улучшить контръ - развѣдку. Въ виду этого правительство рѣшило, кромѣ полутора милліона рублей, которые оно выдавало ежемѣсячно на содержаніе добровольческой арміи, отпускать по 600.000 руб. ежемѣсячно на развитіе дѣла контръ - развѣдки. Однимъ словомъ, правительство, выпустивъ изъ своихъ рукъ инниціативу въ борьбѣ съ внутренними большевиками, фактически передало ее штабу Добрарміи, но старалось обставить эту борьбу всѣми гарантіями законности. На самомъ дѣлѣ получилось двоевластіе, всегда связанное съ неизбѣжными конфликтами. Съ тѣхъ поръ въ добровольческихъ кругахъ, не стѣ-

сняясь, начали инсинуировать, что Крымское правительство не то мѣшаетъ борьбѣ съ большевиками, но то даже имъ покровительствуетъ. Болѣе рѣшительные изъ тыловыхъ офицеровъ начали поговаривать о сверженіи правительства и о замѣнѣ его военной диктатурой. Но все ограничились одними разговорами: штабъ прекрасно зналъ, что, возбудивъ противъ себя все общественное мнѣніе, онъ не имѣетъ силъ для осуществленія диктатуры, да въ его составѣ не было ни одного человѣка, способнаго взять на себя отвѣтственную роль диктатора. А между тѣмъ ни С. С. Крымъ, ни его товарищи по министерству не цѣплялись за власть: они всегда заявляли и генералу Деникину, и его представителямъ въ Крыму, что *«краевое правительство — временное, которое уйдетъ, когда это не повредитъ добровольческой арміи въ глазахъ союзниковъ и населенія»*. Временами формула становилась болѣе рѣзкой: «Краевое правительство уйдетъ, какъ только вожди Добрарміи этого потребуютъ». Для полной ясности припоминаю еще разъ: Крымское правительство С. С. Крыма ставило себѣ цѣлью не созданіе независимаго Крыма, а временное управленіе краемъ до возсоединенія его съ великой Россіей, освобожденной отъ совѣтско - чекистской власти. Въ тотъ моментъ, когда ген. Деникинъ заявилъ бы, что въ цѣляхъ болѣе успѣшной борьбы съ большевиками ему необходимо самому упражнять власть въ Крыму, правительство немедленно освободило бы мѣсто. Когда одно время пронесся слухъ, что ген. Деникинъ намѣренъ перенести свою резиденцію въ Севастополь, правительство рѣшило на этотъ случай передать ему всю власть въ краѣ. Отчасти этотъ опытъ былъ продѣланъ и довольно неудачно. Припомню только, что къ началу 1919 г. красная армія, послѣ кратковременной борьбы съ петлюровцами, продвинулась далеко на Югъ. Одновременно во всей южной Украйнѣ начало въ это же время шириться возстаніе Махно, которое захватывало пограничную полосу близъ Таврической губ., такъ что сѣверные уѣзды ея остались безъ всякой законной власти. Тогда-то ген. Деникинъ предложилъ Крымскому правительству взять на себя управленіе этими уѣздами, въ виду чего туда былъ назначенъ г. Татариновъ въ качествѣ генералъ - губернатора. Но одновременно въ Бердянскій и Мелитопольскій уѣзды были двинуты добровольческіе отряды подъ начальствомъ ген. барона Шиллинга. Яблокомъ раздора послужило слѣдующее обсто-

ятельство: въ казначействѣ г. Мелитополя оказалась наличность въ 53 милліона рублей, которые Крымское правительство хотѣло вывезти въ Симферополь, ибо оно должно было покрывать всѣ расходы по управленію новоприсоединенными уѣздами, откуда налоги не поступали. Но Добрармія рѣшительно воспротивилась этому, заявивъ, что всѣ 53 милліона принадлежатъ ей. Хотя министръ финансовъ при Деникинѣ, М. В. Бернадскій, согласился съ мнѣніемъ С. С. Крыма, ничего не помогло. Тогда Крымское правительство заявило, что, лишенное средствъ, оно не можетъ взять на себя управленіе сѣверными уѣздами. Такимъ образомъ въ нихъ установилась военная диктатура во главѣ съ означеннымъ барономъ Шиллингомъ. И что же оказалось? Начались аресты безъ разбора всѣхъ подозрѣваемыхъ въ сочувствіи къ большевизму. Между прочимъ, были арестованы и безъ всякаго суда убиты двое изъ мѣстныхъ эс-эровъ, которые не за страхъ, а за совѣсть боролись съ большевизмомъ. Далѣе: была провозглашена всеобщая мобилизація. Но набранные рекруты быстро исчезали, ибо они перебѣгали къ махновцамъ. Въ цѣломъ рядѣ крупныхъ деревень крестьяне отказывались отъ выполненія приказовъ о мобилизаціи, что вызывало очень строгія мѣры со стороны военныхъ властей вплоть до массовыхъ экзекуцій. Были отдѣльные случаи преслѣдованія крестьянъ, захватившихъ помѣщичьи земли. Такимъ образомъ создалась атмосфера всеобщаго озлобленія, крайне выгодная для Махно и для большевиковъ. Въ конечномъ результатѣ Добрармія не только ничего не выиграла отъ установленія своей диктатуры въ сѣв. Тавріи, но потеряла, ибо она возбудила противъ себя рѣшительно всѣхъ. Укажу только на одно: подъ напоромъ большевиковъ, поддержанныхъ махновцами, мы прежде всего потеряли Мелитопольскій уѣздъ.

Не лучше обстояло дѣло и въ отдѣльныхъ городахъ. Въ Ялтѣ, гдѣ большинство офицеровъ принадлежали къ гвардейцамъ и гдѣ была размѣщена часть Дроздовскаго отряда, очень скоро создалась прямо кошмарная атмосфера. Внезапно былъ убитъ неизвѣстными московскій фабрикантъ Гужонъ, французскій подданный, жившій возлѣ Кореиза. Слѣдствіе прокурора вскрыло, что убійцами были офицеры, а дополнительное разслѣдованіе г. Таганцева вскрыло нити, идущія очень далеко. Единственная вина Гужона состояла въ томъ, что во время большевиковъ онъ большими деньгами откупился отъ

нихъ и могъ свободно двигаться по Ялтѣ. Французы, стоявшіе тогда въ Севастополѣ, хотѣли сами произвести слѣдствіе и лишь огромными усиліями Винавера и Набокова удалось избѣгнуть скандала, указаніемъ на то, что подозрѣваемые офицеры высланы изъ Крыма и переданы въ распоряженіе ген. Деникина для наказанія. Послѣ этого начались ночныя ограбленія и убійства богатыхъ евреевъ, что было описано однимъ изъ убійцъ съ циничной откровенностью въ «Посл. Новостяхъ» (если не ошибаюсь, имя автора — Вонцянскій). Дроздовцы занялись чрезвычайно храбрымъ дѣломъ: выбрасываніемъ евреевъ изъ вагоновъ. Всѣ пассажиры должны были произнести слово: «кукуруза». Кто плохо произносилъ букву «р», тотъ—еврей и немедленно выбрасывался изъ вагона. Этой судьбѣ подвергся и профессоръ К., который, очевидно, не выдержалъ экзамена при выговариваніи буквы «р». Правительство было завалено телеграфными и письменными жалобами на странное хозяйничаніе одичавшихъ офицеровъ, не признававшихъ никакихъ писанныхъ законовъ и нравственныхъ принциповъ. Особенный шумъ произвелъ случай кражи цѣнныхъ картинъ у помѣщика, который предоставилъ всѣ помѣщенія и съѣстные продукты своего большого имѣнія въ распоряженіе добровольцевъ.

Это поведеніе офицеровъ Добрарміи имѣло огромныя послѣдствія не только внутри страны, но и въ области нашихъ взаимоотношеній съ союзниками. Не разъ приходилось Крымскому правительству отстаивать честь и доброе имя нашихъ офицеровъ передъ союзниками и спеціально передъ французами. Несомнѣнно, что въ Добрармію вступили не только идеалисты,, готовившіеся отдать и отдавшіе родинѣ всѣ свои силы и даже свои жизни, но и потерявшіе подъ вліяніемъ тяжелой войны и кровавой революціи свое человѣческое обличіе, для которыхъ грабежъ сталъ ремесломъ, а убійство — привычнымъ движеніемъ. Эти выролденные и некультурные элементы загубили бѣлое движеніе гораздо болѣе, чѣмъ недостаточная демократичность ген. Деникина и Колчака и ихъ правительствъ. И я вновь повторяю, что я уже писалъ въ другомъ мѣстѣ: не недемократичность, а некультурность загубила бѣлое движеніе.

Впрочемъ, никто не далъ столь вѣрной характеристики Добровольческой арміи, какъ самъ ген. Деникинъ. Приведу ее цѣликомъ.

«Армія (добровольческая) представляла изъ себя

организмъ чрезвычайно сложный. Въ ней были и герои, наполнившіе эпическимъ содержаніемъ лѣтопись борьбы; и мученики, оросившіе ея страницы своей кровью; и люди, пришедшіе безъ подъема, безъ увлеченія, но считавшіе необходимымъ исполнить свой долгъ; и загнанные туда нуждой или просто стаднымъ чувствомъ; были профессіоналы войны, ищущіе примѣненія своему ремеслу; были исковерканные жизнью, которые шли, чтобы мстить, и потерявшіе совѣсть, — чтобы разбойничать и грабить. Наконецъ, была еще рыхлая, безличная среда... Наши походы, въ обстановкѣ необычайной, создавали чудесныя боевыя традиціи добровольцевъ; но изъ нихъ нѣкоторые выносили также и печальные навыки: легкое отношеніе къ жизни — своей и чужой, къ «большевицкому» добру; слишкомъ распространительное толкованіе понятія «большевикъ», которое обнимало широко вольныхъ и невольныхъ участниковъ совѣтскаго уклада... Всѣ тѣ черныя стороны жизни, которыя были зачаты еще на міровой войнѣ и углублены въ революціи общимъ упадкомъ чувства законности и порядка, теперь въ обстановкѣ гражданскаго безначалія, неуловимости преступленій и, можетъ быть, пассивности общаго отношенія къ нимъ, создали благопріятную почву для преступнаго элемента, который проникалъ въ армію» *). Эта характеристика не нуждается въ комментаріяхъ. Къ сожалѣнію, въ Крыму, который почти во все описываемое нами время былъ тыломъ, а не фронтомъ, мы видали среди добровольцевъ очень мало героевъ и очень много....другихъ.

Намъ не много придется разсказать еще объ исторіи добровольцевъ въ Крыму до момента первой эвакуаціи. Мы ничего не скрыли. Много темныхъ черточекъ въ этой исторіи. Но когда большевики, большевизанствующіе и вообще злопыхатели съ особымъ остервененіемъ нападаютъ на добровольцевъ, мнѣ становится тошно. Развѣ могутъ итти ошибки и даже преступленія добровольцевъ въ счетъ въ сравненіи съ вакханаліей звѣрствъ и убійствъ совѣтской власти? Какой шумъ поднялся на губернскомъ съѣздѣ по поводу четырехъ убійствъ металлистовъ! Какъ пламенно протестовалъ гласный Галлопъ противъ нихъ! Но мы ни разу не слыхали объ его протестахъ противъ массовыхъ разстрѣловъ его нынѣшними патронами, которымъ онъ служитъ, не только буржуазіи, но и рабочихъ

*) Очерки Русской Смуты. Т. III, стр. 181.

и крестьянъ? Почему же эти двѣ мѣры, продиктованныя готтентотской моралью? Почему тамъ «реакціонеры», а здѣсь чуть ли не благородные коммунисты? Почему столь страстное пристрастіе? И помнить надо: не офицеры начали послѣ мартовскаго переворота злодѣйства, а они стали первыми жертвами демагогіи. Они подвергались лишеніямъ, издѣвательствамъ и истребленію въ теченіе цѣлаго года. Да, я желалъ бы, чтобы они проявили ангельское терпѣніе, а главное идеалистическій духъ. Но помнить надо: мы отъ нихъ требуемъ жертвенности, которой никто въ Россіи не проявилъ. Скажете, они вредили самимъ себѣ? Вѣрно. Но это была эпоха сплошного умопомраченія и душевнаго обнаженія. Всѣ люди потеряли не только культурную оболочку, но природный стыдъ. Человѣческое исчезло, и выступило звѣриное.

XVI

СОЮЗНИКИ ВЪ КРЫМУ

Кто захочетъ черезъ сто лѣтъ дать безпристрастную картину состоянія и цивилизаціи Европы въ первые годы по окончаніи великой войны, тотъ долженъ будетъ прежде всего разобраться въ поведеніи союзниковъ по отношенію къ Россіи въ эти годы, равно какъ и въ реагированіи русскихъ людей на поступки союзниковъ. Въ необычайно запутанномъ узлѣ взаимоотношеній между союзниками и русскими послѣ 11-го ноября 1918 г. скрыто все: соціальный сдвигъ, совершившійся въ Зап. Европѣ подъ вліяніемъ войны, новая психологія массъ, полное исчезновеніе принципа авторитета, на которомъ до сихъ поръ держалась европейская культура, грозное противорѣчіе интересовъ отдѣльныхъ союзныхъ государствъ, безумный антагонизмъ между чувствомъ европейской солидарности и инстинктомъ алчнаго эгоизма отдѣльныхъ правительствъ и народовъ. Я не надѣюсь вскрыть въ этихъ бѣглыхъ замѣткахъ истинную природу взаимоотношеній союзниковъ и антибольшевистской Россіи въ 1918-1919 г. г., для чего понадобились бы цѣлые томы. Я и не обладаю всѣмъ нужнымъ документальнымъ матеріаломъ. Единственная моя цѣль — сообщить голые факты, которые мнѣ приходилось наблюдать.

Какъ только нѣмцы начали эвакуировать Крымъ, и правительство, и широкая публика начали съ нетерпѣніемъ ожидать прихода союзниковъ, безъ помощи которыхъ не только не надѣялись одолѣть красную Москву, но даже не были увѣрены въ удержаніи самаго Крыма, хотя, какъ уже сказано, порядокъ нигдѣ не былъ нарушенъ. Всѣ у насъ были убѣждены въ огромной силѣ большевиковъ и потому не надѣялись справиться съ ними собственными силами. Союзниковъ ожидали всѣ: правые, центръ и лѣвые. Послѣдніе тогда были горячими сторонниками иностранной интервенціи — не только лѣвые - оборонцы,

но и интернаціоналисты, которые полагали, что союзники умѣрятъ реакціонныя замашки доборвольческой арміи.Рѣшительно никто изъ русскихъ, за исключеніемъ большевиковъ, не считалъ вмѣшательство союзниковъ нецѣлесообразнымъ или обиднымъ для русскаго самолюбія. Никто не думалъ тогда объ эгоизмѣ союзниковъ. Полагали, что они кровно заинтересованы въ скорѣйшемъ сверженіи совѣтской власти, одно присуствіе которой можетъ стать угрозой всей существующей европейской культурѣ. Были и такіе наивные среди русскихъ, которые полагали, что союзники морально обязаны помочь намъ въ отплату за тѣ неисчислимыя жертвы, которыя русская армія принесла въ борьбѣ за общесоюзническіе интересы. Однимъ словомъ, никто не сомнѣвался въ приходѣ союзниковъ.

Съ 15-го ноября русскіе люди съ тоской и надеждой жадно вглядывались въ даль морскую, откуда долженъ былъ притти могучій союзническій флотъ съ соотвѣтственнымъ десантомъ. Появились многочисленные посвященные, которые не только знали, сколько союзныхъ солдатъ высадится въ Крыму, но даже ихъ національный составъ, Говорили о шести дивизіяхъ. Очень опечалились, когда разнесся слухъ, что прибудутъ зуавы, которыхъ публика приняла за негровъ. Надежда на союзниковъ создала въ публикѣ настроеніе полнѣйшей безпечности и безотвѣтственности. Да о чемъ тутъ думать? Придутъ союзники и пройдутся церемоніальнымъ маршемъ отъ Севастополя до Москвы. Лишь отдѣльные скептики утверждали, что дабы справится съ большевиками, нужны нѣмцы, одно имя которыхъ наводитъ панику на красную армію, а не французики, съ которыми русскій солдатъ легко справится. Даже побѣжденные нѣмцы продолжали импонировать русскимъ, а военныя качества французовъ подвергались сомнѣнію. И несмотря на это, все же ожидали съ нетерпѣніемъ прибытія союзнаго десанта.

Наконецъ, въ концѣ ноября или въ началѣ декабря (1918г.) въ Севастополь прибыла союзная эскадра, но почти безъ всякаго десанта. Описать радость симферопольцевъ невозможно: всѣмъ казалось, что отнынѣ наступилъ конецъ всѣмъ мукамъ и страхамъ. Правительство отправилось привѣтствовать англійскаго адмирала Кольсорпа (Calthorpe), который стоялъ во главѣ прибывшаго флота. Вмѣстѣ съ правительствомъ отправились и представители добровольческой арміи. Нельзя сказать, что-

бы пріемъ былъ особенно ласковый. Союзники были такъ плохо информированы, что они даже не знали о существованіи въ Крыму антибольшевистскаго правительства. Сама идея не всероссійской, а краевой власти имъ была чужда. Зато они очень симпатично отнеслись къ представителямъ Добрарміи, о которой они знали, что она вѣрна союзаической оріентаціи. Въ этотъ моментъ, если бы вожди Добрарміи стояли на высотѣ положенія, они могли бы достигнуть очень многаго отъ союзниковъ. По крайней мѣрѣ, такое получалось тогда впечатлѣніе. 7-го декабря 1918 г. Крымскимъ правительствомъ совмѣстно съ командованіемъ войсками Добрарміи въ Крыму была подана декларація адмиралу Кольсорпу, которую мы не считаемъ нужнымъ приводить здѣсь цѣликомъ, ибо она совершенно невѣрно рисуетъ роль нѣмцевъ въ Крыму въ тотъ моментъ. Мы приводимъ только конецъ деклараціи: «Резюмируя изложенное, мы имѣемъ честь обратиться къ командованію эскадры Державъ Согласія съ просьбой:

1) потребовать немедленно удаленія германскихъ войскъ съ Крымскаго полуострова; (это все не было въ нашихъ интересахъ. Д. П.);

2) оставить союзническій дессантъ въ Севастополѣ и въ Феодосіи;

3) оставить нѣкоторое число военныхъ судовъ въ Севастополѣ и

4) потребовать отъ германскаго командованія немедленнаго пріостановленія вывоза и распродажи русскаго имущества и отобрать у нихъ имущество, могущее быть полезнымъ для Д. А.».

Но на всѣ наши заявленія, письменныя и устныя, англійскій адмиралъ отвѣчалъ, что онъ, молъ, не политикъ, а военный, что онъ самъ ничего рѣшать не можетъ, а посему онъ всѣ высказанныя русскими пожеланія передастъ своему правительству. Теперь мы знаемъ, что означало это заявленіе адмирала. Въ Парижѣ шелъ тогда разговоръ о раздѣлѣ сферъ вліянія между союзниками. Лишь черезъ нѣсколько дней этотъ вопросъ былъ разрѣшенъ: Сѣверная Россія и Кавказъ отошли въ сферу англійскаго вліянія, а южная Россія была взята подъ свою опеку французами. Этимъ раздѣломъ сферъ вліянія съ самаго начала союзническая политика въ Россіи лишалась красоты и импозантности солидарности, этимъ доказывалось, что большевистская опасность отодвигалась на задній планъ и что впередъ выдвинуты эгоисти-

ческіе интересы отдѣльныхъ державъ. О раздѣлѣ сферъ вліянія я случайно узналъ одинъ изъ первыхъ. Какъ предсѣдателю союза еврейскихъ общинъ въ Крыму, мнѣ пришлось во главѣ еврейской делегаціи передать черезъ англійскаго адмирала его правительству благодарственный адресъ по поводу Бальфуровской деклараціи, согласно которой Палестина обѣщана еврейскому народу. Адмиралъ въ концѣ разговора заговорилъ со мной о положеніи въ Крыму. На мое замѣчаніе, что необходимо поскорѣе прислать десантъ, онъ мнѣ отвѣтилъ короткой фразой: «Въ Крыму будутъ дѣйствовать французы».

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней англійскій адмиралъ уѣхалъ и старшимъ въ прибывшемъ флотѣ сдѣлался французскій лейтенантъ Вуазенъ. Правительство, чтобы успокоить волнующихся симферопольцевъ, пригласило морскихъ офицеровъ союзнаго флота прибыть въ сопровожденіи делегаціи матросовъ въ столицу Крыма. Прибывшимъ офицерамъ устроили торжественную встрѣчу. Тутъ не было ничего поддѣльнаго: радость всѣхъ русскихъ была глубоко искренняя. На торжественномъ завтракѣ, данномъ въ честь иностранныхъ офицеровъ, члены правительства С. С. Крымъ, В. Д. Набоковъ и М. М. Винаверъ въ краткихъ рѣчахъ привѣтствовали дорогихъ гостей, но при этомъ вопросы активной политики не были затронуты. Н. Н. Богдановъ поднялъ бокалъ въ честь добровольческой арміи. Въ 4 часа былъ данъ гостямъ торжественный чай. По причинамъ, которыя я сейчасъ выясню, я счелъ нужнымъ выступить съ рѣчью (по французски) для разъясненія нашимъ гостямъ значенія и цѣлей Крымскаго правительства. Я сказалъ: что цѣль правительства С. С. Крыма — не созданіе краевой власти, а возрожденіе всероссійской власти на началахъ, примиряющихъ интересы всѣхъ русскихъ гражданъ, въ виду чего и создается культурный, демократическій порядокъ, могущій послужить примѣромъ для всей Россіи, и въ то же время создается база для организаціи добровольческой арміи, которая, при поддержкѣ союзниковъ, пронесетъ знамя обновленной и антибольшевистской Россіи до Москвы.

Произнесъ я эту рѣчь по слѣдующимъ причинамъ: наканунѣ ко мнѣ пришелъ русскій морской офицеръ, родственникъ одного изъ бывшихъ предсѣдателей Госуд. Думы, и сообщилъ мнѣ, что онъ служитъ въ англійской контръ - развѣдкѣ, и что онъ туда представилъ докладъ,

выдвигающій, какъ единственную силу, способную спасти Россію, монархистовъ. На мое удивленіе по поводу того, что русскій офицеръ и дворянинъ служитъ въ иностранной контръ - развѣдкѣ, я получилъ отвѣтъ, что онъ дѣйствуетъ съ благословенія Пуришкевича. (Едва ли это было вѣрно, потому что послѣдній вскорѣ послѣ этого въ своихъ публичныхъ докладахъ особенно рѣзко нападалъ именно на англичанъ). Я потребовалъ отъ этого офицера, чтобы онъ немедленно оставилъ Крымъ, ибо иначе я буду вынужденъ сообщить объ его дѣйствіяхъ правительству. Я его съ тѣхъ поръ больше не видѣлъ. Но дабы парализовать вліяніе этого совершенно неумѣстнаго доклада, я и произнесъ свою рѣчь, послѣ которой французскій начальникъ Вуазенъ въ личномъ разговорѣ заявилъ: «Теперь лишь я понялъ, что тутъ дѣлается, о чемъ я немедленно сообщу своему начальству».

Вечеромъ былъ данъ гостямъ торжественный обѣдъ, на которомъ присутствовали, кромѣ правительства, представители всѣхъ лѣво - демократическихъ партій. Отмѣчу характерный штрихъ: С. С. Крымъ произнесъ тостъ въ честь добровольческой арміи, но ея, тутъ же присутствовавшіе, представители ничего не отвѣтили, что привлекло къ себѣ всеобщее вниманіе. Этотъ штрихъ вскрываетъ сущность: съ перваго же дня передъ союзниками вскрывались наши внутреннія несогласія, что, понятно, приносило намъ огромный вредъ.

Празднество окончилось. Союзники оставались въ Севастополѣ подъ начальствомъ французскаго полковника Трусона. Дабы поддерживать съ нимъ сношенія, министръ внѣшнихъ сношеній, М. М. Винаверъ, переселился въ Севастополь, наѣзжая въ Симферополь лишь на общія засѣданія совѣта министровъ, которыя, впрочемъ, были довольно часты. Мнѣ казалось тогда, и теперь я придерживаюсь того же мнѣнія, что г. Винаверъ съ самаго начала повелъ неправильно свою дипломатическую дѣятельность, полагая, что можно достигнуть положительныхъ результатовъ путемъ переговоровъ съ полковникомъ Трусономъ. Послѣдній всегда заявлялъ, что онъ лишь военный, а вовсе не дипломатъ и во всякомъ случаѣ онъ игралъ ничтожную роль, являясь лишь исполнителемъ предписаній свего ближайшаго начальства. Даже адмиралъ Аметъ, пріѣхавшій въ Севастополь, не хотѣлъ вмѣшиваться въ политическіе вопросы. Для характеристики нашей крымской дипломатіи я приведу оффиціальныя за-

явленія министра внѣшнихъ сношеній, пользуясь оффиціальными протоколами засѣданій губернскаго земства. Въ засѣданіи отъ 14 февраля 1919 г. М. М. Винаверъ заявляетъ: «Въ настоящее время обстоятельства такъ повернулись, что Крыму, являющемуся краевымъ обломкомъ всей Россіи, приходится проявлять заботы въ масштабѣ Всероссійскомъ.... Въ международной политикѣ мы также платимъ всероссійскій долгъ. Главнымъ долгомъ является установленіе правильныхъ сношеній съ нашими друзьями союзниками и выполненіе по отношенію къ нимъ обязательствъ: обязательствъ дружбы, моральной связи и проявленіе вниманія — все это мы дѣлаемъ по мѣрѣ нашихъ силъ. Вторымъ долгомъ является исправленіе грѣховъ прежней россійской политики, благодаря которой наши друзья недостаточно были освѣдомлены о положеніи дѣлъ въ Россіи. Въ этомъ направленіи краевое правительство предприняло рядъ мѣръ къ правильному распространенію свѣдѣній о Россіи среди западныхъ правительствъ. Наладить это удалось путемъ изданія на французскомъ и англійскомъ языкахъ бюллетеней и телеграммъ. Третій нашъ долгъ — объясненіе нашимъ друзьямъ тенденціи въ оживающихъ частяхъ Россіи и той помощи, которой мы ждемъ отъ союзниковъ.

Въ концѣ концовъ во взаимоотношеніяхъ Правительства и нашихъ союзниковъ устанавливается самый дружественный тонъ. Едва ли при организаціи можно было бы желать лучшихъ отношеній между общерусскимъ вѣдомствомъ иностранныхъ дѣлъ и союзными державами. Все это достигнуто, конечно, главнымъ образомъ, путемъ личныхъ бесѣдъ. Главной темой этихъ бесѣдъ является маршрутъ на Москву и требованіе военной помощи для Крыма и для всей Россіи. Крыму удалось добиться десанта, достигшаго сейчасъ трехъ тысячъ человѣкъ, и вся задача дальнѣйшихъ переговоровъ и письменныхъ сношеній, которыя теперь непрерывно ведутся, свидѣтельствуя о фактическомъ признаніи Крымскаго правительства, состоитъ въ томъ, чтобы военная помощь была расширена».

Отъ всей этой рѣчи отдаетъ глубокимъ провинціализмомъ. Сидя въ Севастополѣ, издавая худосочный журнальчикъ, рѣдко выходившій по французски и еще рѣже по англійски, котораго рѣшительно никто не читалъ, ведя «личныя бесѣды» съ абсолютно невліятельнымъ полковникомъ Трусономъ, неужели можно было серьезно думать,

что такимъ путемъ налаживается трогательная дружба съ союзниками, которой должны будутъ позавидовать будущіе организаторы Россіи? Не дай Боже, чтобы тогда съ русскими министрами разговаривали такъ, какъ, напримѣръ, ген. Франше-д'Эспере разговаривалъ съ Крымскими министрами. Впрочемъ, разъ г. Винаверъ попытался пуститься въ дальнее путешествіе въ Константинополь для «личныхъ бесѣдъ» съ болѣе авторитетными представителями союзниковъ, чѣмъ полк. Трусонъ. Но не то машина испортилась на миноносцѣ, не то сильная буря поднялась, такъ что нашъ министръ вернулся съ полпути, не доѣхавъ до Царьграда.

Теперь, когда мы знаемъ всѣ факты, можно сказать, что что бы тогда министръ Винаверъ не предпринялъ, получился бы тотъ же результатъ. Но въ тотъ моментъ было бы болѣе логично, сговорившись съ одесскими общественными дѣятелями и съ ген. Деникинымъ, войти немедленно въ непосредственныя сношенія съ центральной французской властью и разговаривать о «маршрутѣ на Москву» съ Клемансо и Пишономъ и во всякомъ случаѣ потребовать присылки французскаго дипломата, знакомаго съ русскими дѣлами. Такимъ путемъ удалось бы сразу выяснить дѣйствительные размѣры союзнической помощи. Но г. Винаверъ ограничивался полковничьей дипломатіей, что позволило ему дѣлать крайне успокоительныя заявленія даже на засѣданіи отъ 19 марта, т. е. за нѣсколько дней до эвакуаціи. На этомъ засѣданіи онъ заявилъ, что «Союзники готовы дать большія силы для защиты Крыма отъ большевиковъ» и что «греческія войска рвутся въ Россію, желая оказать намъ свою помощь, памятуя оказанную Россіей помощь Греціи въ войнѣ съ Турціей».

Но было бы несправедливо не принять во вниманіе, что крымскій министръ внѣшнихъ сношеній, вѣроятно, съ самаго начала натолкнулся на затрудненія со стороны дипломатовъ, состоявшихъ при ген. Деникинѣ, о чемъ мы со временемъ узнаемъ. А съ другой стороны, ни для кого не тайна, что самъ ген. Деникинъ далеко не содѣйствовалъ установленію правильныхъ отношеній къ французскимъ генераламъ, имѣвшимъ касательство къ русскимъ дѣламъ: тогда въ Екатеринодарѣ всѣ надежды возлагались на англичанъ во главѣ съ Черчилемъ.

Впрочемъ, съ самаго начала не учли одного первостепенной важности факта, на который я указалъ въ ян-

варѣ 1919 г. Ни русскіе, ни, кажется, французы не учли одного обстоятельства: всеобщее утомленіе войной. А, можетъ быть, французамъ это было извѣстно, но они это тщательно скрывали отъ насъ, что привело къ очень печальнымъ результатамъ и къ отсутствію внутренней правды въ ихъ отношеніяхъ къ намъ. Теперь уже всѣмъ извѣстно, что французамъ пришлось претерпѣть много мукъ, пока они оздоровили свой фронтъ , начавшій разлагаться поздней весной 1917 г. подъ вліяніемъ лозунговъ русской революціи. Но это возможно было, пока война велась противъ нѣмцевъ. Но воевать послѣ заключенія перемирія съ какимъ-то абстрактнымъ врагомъ, да еще выступавшимъ въ соціалистическо - коммунистической тогѣ — этого никто не желалъ среди французскихъ солдатъ и матросовъ. Психологически это было бы еще возможно, если бы войска были двинуты немедленно послѣ 11-го ноября, притомъ не только французскія, а именно союзныя. Вѣдь тогда, по позднѣйшему признанію Троцкаго, двѣ дисциплинированныя дивизіи могли бы справиться съ красной арміей. Но чтобы осуществить это стройное и внезапное наступленіе союзническихъ войскъ на большевиковъ, нужна была другая психологія у тѣхъ, которые тогда подготовляли Версальскій договоръ. Впрочемъ, на эту тему уже много писали.

Мы же тогда не теряли надежды. Мы нетерпѣливо ожидали десанта, который никакъ не хотѣлъ прибыть. Чѣмъ дольше приходилось ожидать, тѣмъ натянутѣе становились отношенія между русскими и французами. Среди русскихъ крѣпла болѣзненная психологія: не они, а французы должны бороться съ большевиками. Я поэтому напечаталъ въ своей газетѣ статью подъ заглавіемъ «Или —или», основная мысль которой была слѣдующая: или союзники хотятъ намъ помочь, тогда это нужно сдѣлать быстро и достаточными силами, или же пусть намъ сразу скажутъ, что намъ не помогутъ, тогда мы рѣшительнѣе будемъ думать о самопомощи. То, что происходило, создавало политическій развратъ: русскіе надѣялись на помощь союзниковъ и поэтому сами ничего не дѣлали. А это приводило къ тому, что французы начали злиться и даже ругаться. Они заявляли: «пока всѣ русскіе, способные носить оружіе, не будутъ на фронтѣ, мы не дадимъ ни одного солдата». А между сѣмъ большевистская опасность все болѣе надвигалась съ сѣвера. Красная армія завладѣла Украйной и приближалась къ Одессѣ, а Махно буй-

ствовалъ во всей южной части Екатеринославской губерніи. Для безпристрастнаго наблюдателя было уже тогда ясно, что наличныя французскія войска не выдержатъ напора большевиковъ, потому что они начали разлагаться. Я лично видалъ, какъ въ Севастополѣ среди бѣлаго дня французскіе матросы ходили полупьяными и кричали «Vive Lénine!», «Vivent les bolcheviks!». Проходившимъ французскимъ офицерамъ честь не отдавали, но очень усердно занимались всякой мелкой торговлей. Впрочемъ, дѣло было гораздо проще: они вовсе не были большевиками, а хотѣли домой послѣ столькихъ лѣтъ тяжелой службы. Большевизмъ имъ служилъ лишь поводомъ, дабы добиться скорѣйшаго возвращенія домой.

Кажется, скоро это поняло и само французское начальство. Когда въ Севастополь пріѣхалъ ген. (нынѣ маршалъ) Франше д'Эсперэ, онъ обошелся очень грубо съ нашимъ правительствомъ и выразился очень рѣзко о добровольческой арміи. Онъ уже никакихъ обѣщаній о присылкѣ французскаго дессанта не давалъ. Какъ-то вскользь было упомянуто о присылкѣ греческихъ войскъ. Слухъ объ этомъ окончательно разочаровалъ и добровольцевъ и всю штатскую публику. У многихъ появилось чувство обиды. Неужели греки въ состояніи бороться съ русскими? Какъ никакъ, но красная армія состоитъ изъ русскихъ, во главѣ которой и тогда стояли настоящіе русскіе генералы. И несмотря на все это, когда въ одинъ прекрасный день въ городѣ появился батальонъ греческихъ солдатъ, публика наша очень обрадовалась, потому что она къ этому времени окончательно потеряла вѣру въ добровольцевъ. Сложна, болѣзненна и противорѣчива была тогда психологія людей въ Крыму, какъ и во всей остальной Россіи того времени. Русское населеніе встрѣтило греческій отрядъ необычайно радушно и открыто высказывало свой восторгъ по поводу прихода новыхъ защитниковъ. Надежды опять расцвѣли: это только начало, скоро прибудутъ не то греческія, не то сербскія войска и не полками, а дивизіями и корпусами, да не только пѣхота, но и кавалерія, и артиллерія, а главное, никѣмъ невиданные танки, о которыхъ разсказывали чудеса. Убаюкивали себя замученные обыватели, но и мыслящимъ людямъ казалось, что побѣдители - союзники уже слишкомъ себя ангажировали, что они не могутъ попятиться назадъ, въ виду чего они доведутъ дѣло до конца, ибо не могутъ же побѣдители нѣмцевъ спасовать передъ бельшевист-

ской арміей, тѣмъ болѣе что въ это время Колчакъ и Деникинъ продвигались впередъ.

А между тѣмъ большевистская опасность приближалась съ каждымъ днемъ. Вдругъ распространился слухъ, что греческія войска были разбиты гдѣ-то возлѣ Николаева. Одновременно стало «достовѣрно» извѣстно, что Клемансо палъ и что во Франціи произошелъ большевистскій переворотъ. Но что мнѣ до сихъ поръ непонятно, это слѣдующее: нашъ французскій комендантъ не опровергалъ энергично этихъ слуховъ, вѣроятно, распространяемыхъ большевистскими комиссарами. Наступила неописуемая паника. Случайно въ это время французскій крейсеръ «Мирабо» потерпѣлъ аварію при маневрированіи въ Севастопольской бухтѣ. И это было приписано большевистскому саботажу. Когда началось наступленіе большевиковъ на Перекопъ, единственная помощь, полученная добровольцами, была отправка на фронтъ двухъ греческихъ ротъ, которыя были разбиты. Крымъ былъ взятъ большевиками.

Эпопея союзнической помощи кончилась такъ печально, потому что она была съ самаго начала безтолковая, безсистемная, безъ широкаго плана, а главное, неискренняя. Клемансо упорно вѣрилъ въ то, что можно отгородить Зап. Европу отъ большевиковъ колючей проволокой, а Россіи онъ никогда не любилъ, ибо всѣ свои надежды онъ возлагалъ, съ одной стороны, на союзъ съ Англіей, а съ другой — на возрожденную Польшу. Въ своемъ ослѣпленіи онъ искренне вѣрилъ, что можно отбросить Россію въ Азію и что удастся возстановить истощенную и ослабленную Европу безъ содѣйствія оздоровленной Россіи. Онъ не хотѣлъ слушать тѣхъ, которые ему совѣтовали быстро организовать отрядъ изъ добровольцевъ, которыхъ тогда нашлось бы очень много и во французской арміи, съ тѣмъ чтобы повести систематическую и энергичную борьбу съ большевиками. За эту ошибку онъ былъ жестоко наказанъ: Версальскій договоръ, заключенный безъ участія Россіи, оказался мертвой буквой, а миръ въ Европѣ до сихъ поръ не установленъ.

Но будемъ справедливы: вина не только въ союзникахъ и спеціально въ французахъ. Имѣя въ виду исключительно Крымъ, надо признать, что наши собственные добровольцы сдѣлали все зависящее отъ нихъ, чтобы убить симпатіи союзниковъ, требуя отъ нихъ, чтобы они

взвалили на себя всю тяжесть борьбы съ большевиками. И добровольцы, и гражданское населеніе не проявили въ Крыму всей необходимой самодѣятельности, которая могла бы спасти положеніе. Тутъ обнаружились результаты вѣковой русской исторіи, убившей русскую личность.

XVII

КРЫМСКАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТЬ

Съ ноября 1918 г. по апрѣль 1919 г. Крымъ представлялъ собой въ общественномъ отношенiи форменную толкучку. Понаѣхали очень многiе общественные дѣятели, ученые и вообще «бывшiе люди», потерявшiе свой компасъ въ разыгравшейся жизненной бурѣ: всѣ искали спокойный уголокъ. Но лишь немногiе изъ нихъ хотѣли связать себя съ добровольческой армiей до конца, безусловно и безоговорочно. Слишкомъ уже тогда была крѣпка психологiя «постольку - поскольку». Совсѣмъ отрицательно относились къ Добрармiи, кромѣ большевиковъ, лишь мѣстные и прiѣзжiе интернацiоналисты - социалъ - демократы, составлявшiе въ общей сложности незначительную группу. Всѣ остальные, не исключая и эс-эровъ,«прiяли» Добрармiю. Но лишь немногiе готовы были признать ее цѣликомъ, со всѣми ея недочетами, перебоями и противорѣчiями. Отсюда произошли тѣ колебанiя, которыя въ конечномъ счетѣ привели къ разрыву между Добрармiей и широкой общественностью.

Одно время казалось, что въ Крыму создано самое идеальное положенiе: культурное и демократическое правительство, пользующееся всеобщимъ довѣрiемъ и работающее въ полномъ согласiи съ Добрармiей, не вмѣшивающейся въ внутреннюю политику и взявшей на себя всю вооруженную борьбу съ большевиками на фронтѣ. Я признаю, что Крымское правительство сдѣлало нѣсколько ошибокъ благодаря тому, что оно себя чувствовало связаннымъ парламентарными обычаями мирнаго времени и поэтому не всегда проявляло нужную въ революцiонное время властность и рѣшительность. Но имѣя дѣло съ столь вѣрными русскими патрiотами, какъ С. С. Крымъ, В. Д. Набоковъ и М. М. Винаверъ, вожди добровольческой армiи должны были понять, что тутъ нѣтъ злой воли и что необходимо во что бы то ни стало не раздоръ вносить, а

укрѣплять соглашеніе между гражданской властью и военнымъ командованіемъ. Для послѣдняго было выгоднѣе всѣ конфликты съ населеніемъ и съ партіями взвалить на плечи правительства, а не на свои. Вмѣсто этого оно съ самаго начала подготовляло конфликтъ съ министерствомъ, которое старалось всѣми силами его избѣгнуть. Вокругъ этого конфликта строились ряды общественныхъ дѣятелей.

Зимой въ Симферополь прибылъ В. В. Рудневъ, который привезъ намъ свѣдѣнія о томъ, что дѣлается въ Москвѣ и на Волгѣ, гдѣ должно было организоваться новое всероссійское временное правительство. Онъ упорно отстаивалъ авторитетъ разогнаннаго Учредительнаго Собранія, которое у насъ, въ Крыму, давно потеряло всякій авторитетъ. Само имя Чернова было ненавистно не только правымъ, но и кадетамъ; впрочемъ, онъ потерялъ свое обяніе даже въ кругахъ правыхъ эс-эровъ, не говоря уже объ эс-декахъ. Благодаря Рудневу въ Симферополѣ начали болѣе внимательно относиться къ проблемѣ о власти: военная диктатура, или гражданская директорія, въ которую входилъ бы и командующій военными силами? Долгіе вечера обсуждался этотъ вопросъ и не находилъ себѣ рѣшенія, потому что онъ былъ слишкомъ абстрактный, въ то время какъ онъ въ практической жизни разрѣшается личностями. Если жизнь выдвинула бы авторитетнаго диктатора, всѣ подчинились бы ему безъ всякихъ разсужденій, ибо диктаторовъ настоящихъ никто не назначаетъ. И удачно склеившаяся директорія могла стать авторитетной диктаторіальной властью, въ зависимости отъ личностей. А въ Крыму этотъ вопросъ вообще не былъ жгучимъ, потому что мы создали нѣчто своеобразное, удовлетворявшее, какъ намъ тогда казалось, всѣмъ требованіямъ момента: общественная власть и полная свобода дѣйствій военнаго командованія во всѣхъ вопросахъ чисто стратегическихъ. Наши внутренніе споры вертѣлись лишь вокругъ признанія авторитета «Учредилки». За нее были лишь соціалисты, особенно эс-эры. Впрочемъ, и состоявшійся въ Симферополѣ въ началѣ декабря 1918 г. съѣздъ городскихъ и земскихъ гласныхъ изъ различныхъ городовъ южной Россіи выработалъ платформу, которая была скопирована съ Крымской дѣйствительности, считавшейся тогда идеаломъ. Не забуду я сдѣланнаго мнѣ на этомъ съѣздѣ очень умнымъ эс-эромъ заявленія: «Дайте намъ настоящаго диктатора и мы его признаемъ. Но,

вѣдь, не генеральскіе погоны дѣлаютъ изъ человѣка диктатора. Такъ о чемъ же мы будемъ спорить?» Этотъ съѣздъ, какъ уже извѣстно изъ статьи г. Брайкевича («На чужой сторонѣ» т. V), во-первыхъ, не призналъ авторитета перваго Учредительнаго Собранія, во-вторыхъ, онъ счелъ своимъ долгомъ «засвидѣтельствовать заслуги Добровольческой арміи» (на съѣздѣ было 9 несоціалистовъ на 65 соціалистовъ) и, въ-третьихъ, идеаломъ временной власти была выдвинута немногочисленная директорія, въ составъ которой входитъ Главнокомандующій всѣми русскими силами на Югѣ Россіи, который, однако, командованіе осуществляетъ единолично. Я не могу сказать, что не было тогда среди крымскихъ кадетовъ и такихъ, которые *въ теоріи* защищали бы единоличную диктатуру. Таковые были, но, къ несчастью, подходящаго диктатора тогда не было налицо. Ген. Деникинъ былъ тогда для насъ еще неопредѣлившейся фигурой. Однимъ словомъ, въ Крыму основная идея о типѣ всероссійской власти не была доведена до конца. У насъ раскололись лишь по вопросу объ отношеніи къ краевой власти. Принимая во вниманіе только активную часть населенія, огромное большинство котораго представляло собою тихое, стоячее болото, можно обрисовать положеніе слѣдующимъ образомъ: добровольцы и правые элементы относились къ правительству С. С. Крыма отрицательно, обвиняя его во всѣхъ смертныхъ грѣхахъ, главнымъ образомъ, въ томъ, что оно совсѣмъ не борется съ внутренними большевиками и что оно якобы преслѣдуетъ сепаратистскія цѣли. Первое обвиненіе имѣло еще кой-какія основанія, о чемъ я уже писалъ, но въ сущности крымскіе большевики не были опасны, пока не почувствовали приближенія красной арміи съ сѣвера. И если правительство не проявляло должной инціативы въ борьбѣ съ большевиками, то это прежде всего объясняется тѣмъ, что оно не обладало налаженнымъ полицейскимъ аппаратомъ. Если бы добровольцы, сохраняя законныя формы и примѣняя культурные методы, при помощи своей контръ - развѣдки, на которую правительство отпускало 600.000 руб. ежемѣсячно, повели бы правильную борьбу противъ большевиковъ, то, понятно, они были бы поддержаны правительствомъ и общественнымъ мнѣніемъ. Но они поступали иначе, о чемъ я уже говорилъ, поэтому они вызывали противъ себя всеобщіе протесты.

Что же касается второго обвиненія — въ сепаратиз-

мѣ, — то я могу сказать лишь одно: оно было не ложное, а злостное, ибо никто въ него не вѣрилъ. Въ основѣ этого обвиненія лежали антисемитизмъ самаго грубаго пошиба и ненависть къ кадетамъ. Лишь на этой почвѣ ген. баронъ Шиллингъ осмѣлился публично заявить, что «Крымское правительство надо было повѣсить», а когда я пріѣхалъ бѣженцемъ въ Новороссійскъ, мнѣ заявили офицеры, что они повѣсятъ тѣхъ членовъ Крымскаго правительства, которые прибудутъ въ Черноморскій край. Этотъ тупоумный антисемитизмъ и бѣсноватая ненависть къ кадетизму причинили много бѣдъ: они были первыми причинами разстройства единаго антибольшевистскаго фронта, а главное, отвлекали добровольцевъ — у насъ въ Крыму — отъ ихъ главной задачи — отъ подготовки хорошо укрѣпленнаго и вполнѣ вооруженнаго фронта на случай нашествія большевиковъ съ сѣвера, о чемъ рѣчь будетъ ниже.

На противоположномъ полюсѣ стояли интернаціоналисты и лѣвые эс-эры, которые рѣзко критиковали демократическое правительство за его уступчивость Добрарміи. Въ дѣйствительности эти элементы были недовольны тѣмъ, что власть не въ ихъ рукахъ, что имъ приходится терпѣть по большинству своему буржуазное правительство, въ то время какъ они все еще мечтали о соціалистическомъ преобразованіи Россіи. Вліяніе ихъ было вначалѣ ничтожно, оно возрастало по мѣрѣ приближенія большевиковъ съ сѣвера.

Подавляющее же большинство активной общественности въ ту пору усвоило среднюю линію; оно мечтало о возрожденіи единой Россіи въ видѣ культурной конституціонной монархіи — въ полномъ согласіи съ П. Н. Милюковымъ той эпохи, — основанной на крѣпкомъ крестьянствѣ, надѣленномъ землей, на равноправномъ гражданинѣ, пользующемся всѣми законными свободами, на правѣ частной собственности и частной инщіативы, на предоставленіи культурнаго самоопредѣленія и автономіи отдѣльнымъ національностямъ и, наконецъ, на интенсивно-просвѣтительной дѣятельности, способной увеличить производственныя силы народныхъ массъ. Лишь одинъ разъ удалось публично манифестировать это «среднее» настроеніе: въ день празднованія столѣтней годовщины основанія Петербургскаго университета. На скромномъ обѣдѣ присутствовало много петроградскихъ профессоровъ во главѣ съ ректоромъ чествуемаго университета, Э.Д. Грим-

момъ, члены правительства и много вѣрныхъ сыновъ almae matris. Никто не имѣлъ въ виду организовать политическую демонстрацію, а получилась красивая манифестація государственностроительной мысли. Лишь одинъ внесъ диссонансъ: Э. Д. Гриммъ, перешедшій впослѣдствіи къ большевикамъ. Онъ объявилъ себя черносотенцемъ, «какимъ я всегда былъ и какимъ я останусь». Мы тогда приписали эту рѣчь излишне выпитой водкѣ и поэтому она не могла нарушить общаго настроенія.

Но что меня поражало во всей той интеллигенціи, которая тогда собралась въ значительномъ количествѣ въ Крыму, было полное отсутствіе сознанія *катастрофичности* всего происшедшаго, стихійнаго сдвига земной коры и подземныхъ пластовъ. Ей казалось, что были сдѣланы лишь большія или меньшія ошибки, которыя надо исправить, и возстановится прерванная линія россійской эволюціи. Она прежде всего не понимала, что она сама уже не можетъ быть той, какой она была раньше, что она переживаетъ внутреннюю катастрофу, что ей необходимо перестроиться на совершенно новыхъ основаніяхъ, ибо ея донынѣшняя историческая миссія закончилась. Впервые я формулировалъ свой взглядъ на русскую интеллигенцію на вечерѣ, посвященномъ памяти умученныхъ большевиками Шингарева и Кокошкина. На этомъ вечерѣ выступили съ рѣчами М. М. Винаверъ, В. Д. Набоковъ и В. А. Оболенскій. Всѣ эти рѣчи восхваляли гуманность и прогрессивность убитыхъ, ихъ служеніе славнымъ завѣтамъ русской интеллигенціи. Послѣднимъ говорилъ я. Я заявилъ: въ лицѣ Шингарева и Кокошкина убита вся традиціонная русская интеллигенція, отличавшаяся именно своей гуманностью, т. е. отсутствіемъ реализма и воли къ власти. Необходима новая русская интеллигенція, которая сумѣетъ, подобно англійской, французской и нѣмецкой интеллигенціи, управлять жизнью, подчиняя ее своей твердой волѣ, т. е. жертвовать гуманностью во имя реальнаго творчества, которая предпочтетъ прозаическіе факты всякимъ поэтическимъ идеямъ. Эта новая интеллигенція сможетъ иногда быть даже жестокой во имя государственныхъ интересовъ, а главное, пріобрѣтетъ господскую волю. Впослѣдствіи многіе заговорили о т. н. «американизаціи» русской интеллигенціи, но вначалѣ моя формулировка подверглась жестокой критикѣ. Въ виду его громаднаго историческаго интереса, мы приводимъ въ приложеніи письмо, полученное нами тогда отъ И. И. Петрункевича въ от-

вѣтъ на нашу критику русской интеллигенціи. Жизнь разрѣшитъ этотъ споръ и, кажется, она уже начала его разрѣшать въ указанномъ нами направленіи. Но тогда, зимой 1918/1919 г. г., въ Крыму этотъ споръ имѣлъ глубоко практическій интересъ. Бѣлое движеніе погибало изъ-за боязни русской интеллигенціи загрязнить свои бѣлыя ризы, сотканныя изъ эфирной гуманности. По существу своему бѣлое движеніе въ своемъ замыслѣ не было реставраціоннымъ, а *бонопартисткимъ*. И вся инцеллигенція — по крайней мѣрѣ, та, которую я тогда наблюдалъ въ Крыму — говорила о бонопартизмѣ, но съ опаской, съ извѣстной стыдливостью, съ оглядкой по сторонамъ и съ безотчетнымъ страхомъ. А вдругъ во имя бонопартизма придется растоптать нѣжные цвѣты гуманности, впрочемъ, безжалостно уничтоженные большевиками давнымъ давно, а то еще выйдетъ такъ, что и кровь человѣческую придется проливать во имя законнаго порядка и творческой жизни. И бродила тогда наша интеллигенція вокругъ бонопартизма, какъ вокругъ чудища манящаго и отталкивающаго, напоминая собою осла Буридана. Въ результатѣ получилась самая отвратительная психологія: «да, бѣлое движеніе необходимо, но оно должно совершить грязно - кровавое дѣло. Пусть Добрармія выполнить его, а тогда мы, интеллигенты, сохранивъ свои бѣлыя ризы и съ руками, не обрызганными кровью, придемъ и своей гуманностью наведемъ красивый порядокъ». Понятно, что изъ этого ничего не вышло. Добрармія, не поддержанная сразу всей антибольшевистской интеллигенціей, озлобилась, огрубѣла и почерствѣла, а пустое мѣсто, образовавшееся за отсутствіемъ интеллигенціи, скоро заполнилось авантюристами и тупоумными реставраторами, тоже боявшимися бонопартизма, учитывающаго происшедшія глубокія измѣненія. Да, изолированная Добрармія своего дѣла не сдѣлала, но и интеллигенціи не пришлось наводить порядка — ни стараго, ни новаго, и она понесла должное наказаніе: она частью была выброшена въ эмиграцію, а частью вынуждена была приспособиться къ чекистскому безпорядку.

Особенно тяжело пришлось тогда той крошечной группѣ интеллигентовъ, которые, ставъ съ самаго начала рѣшительно на почву бонопартизма, сотрудничали съ «бѣлыми». Они были отвергнуты «гуманной» интеллигенціей, но и не пользовались полнымъ довѣріемъ «бѣлыхъ», которые все-таки видѣли въ нихъ чужихъ, потусторонних,

людей съ другого берега, которые въ состоянiи отнестись съ брезгливостью къ «кровавому» дѣлу Добрармiи.

На практикѣ получался самый отвратительный торгъ. Съ сѣвера къ намъ прибывали выброшенные за бортъ интеллигенты. Надо устроиться, надо жить. Прежде всего стараются примоститься какъ-то сбоку — къ кооперативу, къ земству, къ мѣстному самоуправленiю, къ «прилично» - оппозицiонной газетѣ, лишь бы не вступить прямо въ добровольческую армiю. А если все это не удавалось, тогда ставили условiя: если, молъ, Добрармiя станетъ такой и сякой, тогда соблаговолимъ къ ней подойти ближе. А нужно было поступать совершенно иначе: надо было безъ торга входить въ составъ добровольческой армiи и поддержать въ ней пафосъ здороваго бонопартизма, рѣшительно отказывающагося отъ реставрацiи и смѣло строющаго новую жизнь въ согласiи съ происшедшими глубокими соцiальными и психологическими измѣненiями. Тогда бѣлое движенiе побѣдило бы! Въ этомъ я глубоко убѣжденъ. Понятно, теоритически возможно было и другое: если сама Добрармiя оказалась бы на высотѣ момента, т. е. если бы она въ себѣ сосредоточила всю интеллигентскую культурность и рѣшительность фронтовика. Но это было свыше ея силъ, благодаря всему пережитому, въ которомъ слились привилегированная пассивность царскаго времени и безумныя униженiя революцiоннаго перiода.

А къ тому еще обывательская масса! Уже наша собственная масса была отвратительна, но понаѣхавшая въ большомъ количествѣ буржуазiя съ сѣвера была прямо возмутительна. Австрiйскiй дипломатъ Чернинъ писалъ въ своихъ мемуарахъ: «Русская буржуазiя почти также труслива и глупа, какъ и наша, и позволяетъ себя рѣзать, какъ барановъ». Это звучитъ комплиментомъ, ибо никакая другая буржуазiя не была такъ безпомощна, глупа, эгоистична и труслива, какъ русская. Уже одинъ внѣшнiй ея видъ возмущалъ: дамы въ декольтэ и въ брилліантахъ заполняютъ въ качествѣ хозяекъ и клiентокъ различныя «Чашки чая»; мужчины толкутся массами въ ресторанахъ, гдѣ они пьянствуютъ безъ конца. Всѣ ихъ интересы сосредоточены на двухъ темахъ: на спекуляцiи и на страхѣ передъ приходомъ большевиковъ; впрочемъ, временами выступаетъ впередъ страхъ передъ самочинными дѣйствiями контръ - развѣдки и налетами «неизвѣстныхъ лицъ», но почему-то одѣтыхъ всегда въ офицер-

скій френчъ. На добровольческую армію эта обывательская масса съ ея буржуазными сливками смотрѣла почти какъ на слугу, обязаннаго ее защищать, «не жалѣя живота своего». Та же буржуазія, которая подъ принужденіемъ дала большевикамъ многіе милліоны, дала добровольцамъ на бѣлую армію лишь жалкіе гроши, даже когда она наживалась за счетъ послѣдней на поставкахъ. Болѣе этого: сознавая беззаконность своихъ спекулятивныхъ дѣлъ, буржуи всѣхъ калибровъ, націй и вѣроисповѣданій развращали тыловыхъ офицеровъ своими взятками. Всякая поставка была основана на дѣлежѣ прибыли между буржуемъ и офицеромъ.

А фронтовикъ, терпѣвшій холодъ и голодъ, видя все это, озлоблялся и проявлялъ зачастую типично большевистскую психологію, сводившуюся къ тому, что буржуевъ можно грабить и уничтожать и что во всякомъ случаѣ не стоитъ за нихъ рисковать жизнью. Мимоходомъ отмѣчу, что эта психологія послужила однимъ изъ многочисленныхъ источниковъ зоологическаго антисемитизма, приведшаго къ погромамъ. Волей - неволей евреи бросались въ глаза своей численностью среди городской буржуазіи и, слѣдовательно, среду спекулянтовъ. Они были не лучше и не хуже своихъ христіанскихъ сочленовъ по классу, но, какъ «инородцы», они мозолили глаза и навлекали на себя все озлобленіе добровольцевъ противъ буржуазіи вообще.

Ни разу наша буржуазія не сдѣлала даже попытки самодѣятельности въ описываемую нами критическую эпоху, ни разу она не проявила ни воли къ власти, ни способности подкрѣпить мѣстную власть своимъ активнымъ творчествомъ. Временами она переставала вѣрить даже въ свое право на существованіе, въ свою историческую миссію и готова была санкціонировать самыя странныя претензіи соціалистовъ и коммунистовъ. И дѣлалось это не изъ глубокаго убѣжденія, не изъ настоящей вѣры, а потому что она себя чувствовала хорошо лишь, когда она находилась у кого-нибудь на помочахъ.

Съ этой именно общественностью, на другомъ полюсѣ которой скопились всѣ большевики и большевизанствующіе, что могло сдѣлать Крымское правительство? Я, поэтому, понять не могу, если и теперь, послѣ всего продѣланнаго опыта, еще находятся люди — особенно изъ бывшихъ офицеровъ, — которые готовы обвинить С. С. Крыма и его сотрудниковъ въ томъ, что они не удержали Крыма весной 1919 г.

Но я также не понимаю тѣхъ историковъ, соціологовъ, публицистовъ и политическихъ дѣятелей, которые взваливаютъ всю отвѣтственность за неудачливую борьбу съ большевиками на бѣлую армію.

Каждый народъ имѣетъ то правительство, которое онъ заслуживаетъ, а каждое общество имѣетъ армію по образу и подобію своему. Глубоко ошибаются тѣ, которые утверждаютъ, что къ марту 1917 г. только царизмъ и царская бюрократія прогнили такъ, что они должны были исчезнуть. Да, они прогнили, но вмѣстѣ съ ними прогнили также наша интеллигенція, наша буржуазія и вобще вся наша общественность. Потому-то подъ напоромъ стихійной грубой силы исчезли не только царизмъ и его бюрократія, но и интеллигенція вмѣстѣ съ буржуазіей. Спасти положеніе могъ бы лишь тотъ, который былъ бы въ состояніи приручить, укротить и организовать пробившуюся наружу стихію, примѣняя одновременно методы высшей духовной культуры и самой неукротимой силы, т. е. новый Петръ Великій или Наполеонъ. Его не оказалось въ Крыму, какъ его не было и во всей широкой Россіи. А что касается «вождей», сильныхъ заднимъ умомъ, то можно съ увѣренностью сказать, что они и впредь не будутъ творцами органической жизни, ибо они всегда запаздаютъ.

При данныхъ условіяхъ, съ данной общественностью, съ этой арміей, при опредѣленной политикѣ союзниковъ Крымъ удержаться не могъ. Онъ долженъ былъ сдѣлаться добычей, хотя лишь временной, большевистскихъ полчищъ, побѣдоносно прошедшихъ черезъ всю Украйну до Перекопа. Въ половинѣ марта 1919 г. наступили послѣднія спазмы свободнаго антибольшевистскаго Крыма.

Какъ разъ въ послѣднія недѣли передъ концомъ можно было провѣрить силу антибольшевистскаго пафоса въ различныхъ группировкахъ сознательной общественности. Въ массахъ — городскихъ и деревенскихъ — его вообще не было, за исключеніемъ нѣмецкихъ колонистовъ, прекрасно разбиравшихся въ сущности большевизма. Тогда можно было убѣдиться, какую крѣпко консервативную силу представляютъ культурные и зажиточные земледѣльцы. Остальная масса, за исключеніемъ фабрично-заводскихъ рабочихъ и низовъ городского населенія, не пріяла и не отвергала большевиковъ. Масса была тогда психологически вообще антигосударственна или, если хо-

тите, анархична въ смыслѣ отрицанія всякой принудительной власти.

Но что же было на верхахъ, въ «сознательныхъ» кругахъ?

Чтобы быть вполнѣ доказательнымъ, я приведу опять оффиціальные документы, отчетъ о послѣднемъ засѣданіи съѣзда представителей земствъ и городовъ, состоявшемся въ Симферополѣ 19 марта 1919 г. Къ сожалѣнію, отчетъ сознательно сократилъ и смягчилъ рѣчь лидера интернаціоналистовъ, но смыслъ ея станетъ понятнымъ изъ нижеприводимыхъ возраженій. Итакъ, мы приводимъ оффиціальный отчетъ.

Лидеръ интернаціоналистовъ, городской голова Севастополя, «указывая на происшедшіе эксцессы, приходитъ къ выводу, что правительство избрало невѣрный путь борьбы съ большевизмомъ... Правительство должно принять какія-то рѣшительныя мѣры по упорядоченію жизни и, кромѣ того, постараться во что бы то ни стало предотвратить гражданскую войну на территоріи Крыма, хотя бы для этого пришлось и отказаться отъ дальнѣйшей борьбы съ большевиками на фронтѣ». Уже формулировка послѣдней фразы многозначительна, хотя она смягчена, какъ это сейчасъ выяснится.

Лидеръ эс-эровъ, В. Д. Жировъ, начинаетъ свою рѣчь словами:

«Теперь, когда непріятельскій фронтъ угрожаетъ бозопасности Крыма, не время выступать съ критикой дѣятельности правительства». Отъ имени правительства В. Д. Набоковъ заявилъ: «Правительство тоже скорбитъ о происшедшихъ событіяхъ — разстрѣлахъ безъ суда чинами добровольческой арміи. Но оно несогласно съ тѣми гласными, которые видятъ въ исключительныхъ мѣрахъ правительства по обезпеченію тыла антидемократическую политику. Мѣры эти были необходимы, такъ какъ необходимо обезпеченіе тыла тѣмъ, кто борется на фронтѣ и гдѣ за короткое время защиты Крыма погибло 50% изъ состава отрядовъ. Истинныя причины возбужденія лежатъ въ большевистской агитаціи, не жалѣющей средствъ для своихъ цѣлей. Правительство не хочетъ гражданской войны, не оно ее вызвало, но бороться съ большевизмомъ оно считаетъ своимъ прямымъ долгомъ и находитъ ниже своего достоинства не только прибѣгнуть къ одному изъ предлагаемыхъ на Съѣздѣ выходовъ — *оккупаціи союзника-*

ми, или капитуляціи передъ совѣтской властью (курсивъ мой. Д. П.), но и входить въ ихъ обсужденіе».

Теперь читатель понялъ, что именно предложилъ лидеръ эс-дековъ. Министръ М. М. Винаверъ говоритъ о «необходимости отвергнуть всякую мысль о возможности какъ оккупаціи, такъ и соглашенія съ совѣтской властью и предлагаетъ продолжать безпощадную борьбу за возрожденіе Россіи до лучшихъ дней».

Наиболѣе подробно передана рѣчь министра труда П. С. Бобровскаго. «Съ особенно тяжелымъ чувствомъ мнѣ, какъ соціалисту, пришлось выслушать аргументы с.-д. о нежеланіи участвовать въ гражданской войнѣ. Если только въ этомъ залѣ нѣтъ сейчасъ большевиковъ, то нѣтъ здѣсь ни одного защитника гражданской войны. Требованіе М... объ избавленіи Крыма отъ ужасовъ гражданской войны должно быть имъ обращено не къ правительству, а къ Троцкому... Пусть это покажется парадоксальнымъ, но я утверждаю, что наши исключительные законы — демократичные, ибо они преслѣдуютъ торжество демократіи. Въ Германіи соціалъ - демократическое правительство, которое даже съ этихъ скамей никто не станетъ обвинять въ реакціонности, принимаетъ драконовскія мѣры противъ спартаковцевъ и сражается съ ними».

Ясно, что валить въ одну кучу всѣхъ соціалистовъ нельзя было, какъ это дѣлали вожди Добрарміи. Но не менѣе ясно, что въ революціонное время проповѣдники капитуляціи передъ большевиками должны были быть обезврежены. *Идея* доборовольческой арміи была тогда воспринята и огромной частью соціалистовъ. Но другая ихъ часть, неосмнѣнно, предпочитала побѣду большевиковъ, какъ меньшее зло. Съ *этими* соціалистами правительство, дѣйствительно, не боролось изъ-за своей мягкотѣлой гуманности. Не было властной воли, ибо она отсутствовала въ природѣ всей нашей интеллигенціи. Въ этомъ корень россійской трагедіи, разыгравшейся во всей Россіи и въ Крыму. Дѣло не въ злой волѣ отдѣльныхъ индивидуумовъ, а именно въ природѣ исторически образовавшихся классовъ и группъ населенія. Пафосъ борьбы былъ лишь на полюсахъ нашей общественности.

Дабы дать полную картину нашей общественности въ описываемую эпоху, опишу вкратцѣ нашу муниципальную жизнь въ Симферополѣ при Крымскомъ правительствѣ. Зимой 1918 г. состоялись новые выборы во всѣхъ городахъ Крыма на основаніи избирательнаго закона Вре-

меннаго правительства. Эти выборы были очень интересны, ибо въ нихъ отразилось настроенiе городского обывателя. Намъ предсказывали полное исчезновенiе кадетскаго избирателя, тѣмъ болѣе что къ моменту выборовъ недовольство Добрармiей, отождествляемой съ кадетской партiей, пустило глубокiе корни въ различныхъ слояхъ населенiя. На помощь со стороны кадеты не могли надѣяться. Евреи выступали с освоими сiонистскими и нацiонально - соцiалистическими списками, татары шли подъ своимъ знаменемъ, правые тоже выставили свой списокъ. Кто же будетъ голосовать за кадетовъ, когда вся масса соцiалистична? А оказалось, что за кадетскiй списокъ было подано около одной трети всѣхъ голосовъ. Такъ было почти во всѣхъ городахъ, за исключенiемъ Севастополя. Но самое интересное произошло въ Симферополѣ послѣ выборовъ. Соцiалисты, благодаря поддержкѣ татаръ, которые опять вывернули наружу свою эс-эровскую подкладку, имѣли несомнѣнное большинство въ Городской Думѣ. Было бы вполнѣ естественно, чтобы они выбрали изъ своей среды Гор. Управу. И, однако, ни за что на это не соглашались. Даже соцiалисты - интернацiоналисты, во главѣ съ П. Новицкимъ, перешедшимъ впослѣдствiи къ большевикамъ, настаивали на коалицiи съ кадетами. Среди гласныхъ - кадетъ я былъ абсолютнымъ противникомъ коалицiи съ интернацiоналистами, которымъ я абсолютно не довѣрялъ. Въ Крыму въ эту эпоху можно было прекрасно работать съ эс-эрами, но никакъ не съ эс-деками-интернацiоналистами. Ни идейно, ни практически съ ними сотрудничать нельзя было. Но фактъ ихъ отказа отъ законнаго захвата всей власти въ городскомъ управленiи характеренъ для соцiалистовъ - небольшевиковъ. И они не обладали полнотой воли къ власти, проявленной вполнѣ лишь большевиками. Они боялись, что безъ кадетовъ они не управятся съ городскими финансами, находившимися въ плачевномъ состоянiи. И такъ какъ, за исключенiемъ большевиковъ и крайнихъ правыхъ, русскiй интеллигентъ склоненъ къ компромиссамъ, послѣ долгихъ дебатовъ состоялось соглашенiе: предсѣдателемъ Городской Думы сдѣлался интернацiоналистъ Новицкiй, а городскимъ головой былъ избранъ лѣвый кадетъ, помощникомъ котораго былъ избранъ тоже интернацiоналистъ, служащiй теперь у большевиковъ. Провѣрить жизненность и силу этого симбиоза не пришлось, такъ какъ очень скоро Крымъ былъ захваченъ большевиками.

XVIII

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ КРЫМСКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Передо мной лежитъ «Краткій отчетъ дѣятельности Крымскаго Правительства съ 15/ХІ 1918 по 15/ІУ 1919 г.», который начинается слѣдующими словами: «Крымское Правительство имѣло задачей упрочить связь оторванной нѣмцами и сепаратистическимъ правительствомъ ген. Сулькевича части территоріи Россіи со всей остальной Россіей и содѣйствовать возсоединенію этой части со всей Россіей, основываясь на началахъ русской государственности во внутренней политикѣ и вѣрности союзникамъ во внѣшней политикѣ». На самомъ дѣлѣ, какъ я уже не разъ указывалъ ,цѣли Крымскаго правительства были болѣе широкія: выработать образецъ для оздоровленія всей остальной Россіи, создать совершенную форму гармоническаго сотрудничества демократической гражданской власти и военнаго командованія, ведущаго вооруженную борьбу съ красной арміей. Въ соотвѣтствіи съ этими цѣлями правительство старалось удовлетворить справедливыя требованія мѣстнаго населенія и усилить позиціи Добрарміи.

Немедленно по своемъ вступленіи во власть, правительство «отмѣнило всѣ установленныя нѣмцами и прочими правительствами стѣсненія по отношенію къ свободѣ слова, печати и собраній, всѣ сепаратистическіе законы, установившіе привилегіи для особой категоріи крымскихъ гражданъ, и всѣ ограниченія по отношенію къ органамъ самоуправленія, проведя выборы во всѣ органы мѣстнаго самоуправленія на основѣ всеобщаго избирательнаго права. Въ теченіе пяти мѣсяцевъ не было никакихъ эксцессовъ со стороны какихъ - либо органовъ правительственной власти въ смыслѣ стѣсненія свободы гражданъ». Такъ гласитъ вышеозначенный отчетъ, составленный министрами, когда они уже находились въ изгнаніи, въ Афинахъ. Все это вѣрно. Но было ли все это цѣлесообразно съ госу-

дарственной точки зрѣнія? Едва ли. Я имѣю моральное право критиковать теперь, потому что я дѣлалъ ту же самую критику тогда еще, когда мы всѣ были въ Симферополѣ. Лучшее оправданіе моей критики дастъ слѣдующее мѣсто въ отчетѣ: «Вспыхнувшая въ мартѣ мѣсяцѣ въ Севастополѣ большевистская забастовка была ликвидирована безъ пролитія капли крови и безъ всякихъ уступокъ со стороны Правительства. Возникновеніе въ Севастополѣ большевистской забастовки и степень участія въ ней проникшихъ извнѣ элементовъ заставили, однако, Правительство втеченіе послѣдняго мѣсяца издать рядъ исключительныхъ законовъ о внѣсудебныхъ арестахъ и военной цензурѣ, причемъ примѣненіе этихъ законовъ ввѣрено было особому совѣщанію, въ составъ котораго входили: министръ внутреннихъ дѣлъ Н. Н. Богдановъ, министръ юстиціи В. Д. Набоковъ и Начальникъ Штаба Добрарміи ген. Пархомовъ. Примѣненіе это требовалось, впрочемъ, рѣдко и выразилось главнымъ образомъ въ воспрещеніи собраній и въ арестѣ главарей забастовки». Все это доказываетъ, что надо было гораздо раньше принять предупредительныя мѣры, чтобы не допустить до эксцессовъ большевиковъ съ одной стороны, и добровольцевъ — съ другой. Гораздо раньше марта послѣдніе разгромили типографію и редакцію соціалистической газеты въ Ялтѣ, каковая газета не ограничивалась бичеваніемъ незаконныхъ поступковъ отдѣльныхъ добровольцевъ, а боролась съ Добрарміей вообще, требуя ея изгнанія изъ предѣловъ Крыма. То же самое дѣлала идругая газета соціалистовъ-интернаціоналистовъ, выходившая въ Севастополѣ подъ названіемъ «Прибой». Для этихъ газетъ надо было сохранить цензуру съ самаго начала, тогда не пришлось бы ее вводить въ мартѣ, т. е. уже передъ самымъ концомъ. Вѣдь впослѣдствіи большевики не стѣснялись съ этой газетой. Кстати отмѣчу, что ликвидація большевистской стачки въ Севастополѣ прошла гладко, лишь благодаря французамъ, о чемъ свидѣтельствуетъ тотъ же правительственный отчетъ, въ которомъ мы читаемъ на стр. 13: «Отрядъ этотъ (французскихъ солдатъ)... сыгралъ, между прочимъ, рѣшающую роль въ ликвидаціи большевисткой забастовки бдительной охраной города и заявленіемъ въ приказѣ командующаго (полк. Трусона), что союзныя войска будутъ охранять существующій порядокъ и не допустятъ образованія большевистской власти». Вмѣшательство французовъ произошло не спонтанно, а по просьбѣ М. М. Випа-

вера, министра внѣшнихъ сношеній съ согласія правительства.

Однимъ словомъ, основная ошибка Крымскаго правительства состояла въ томъ, что оно въ военной обстановкѣ хотѣло осуществить идеально - парламентарный строй въ Крыму, чего не дѣлали ни Клемансо во Франціи, ни Ллойдъ - Джорджъ въ Англіи, ни даже соціалистъ Носке въ Германіи. Революціонная эпоха — не время для мирнаго парламентаризма.

«Принявъ власть лишь на время, до образованія единой русской государственной власти, Крымское правительство исключило изъ своей программы крупныя реформы, могущія быть предприняты лишь въ крупномъ всероссійскомъ масштабѣ; тѣмъ не менѣе, оно приняло нѣкоторыя частныя мѣры въ соціальной области, а именно: провело законы о страхованіи рабочихъ, о биржахъ труда, а также арендный законъ, въ основу котораго было положено начало принудительности сдачи въ аренду съ зафиксированіемъ платы земель, сдававшихся въ аренду до начала войны». Особенно интересенъ законъ объ арендѣ земель.

Крымъ содержитъ въ себѣ въ круглыхъ цыфрахъ 2.000.000 десятинъ земли, изъ коихъ 1.800.000 дес. удобныхъ и 200.000 дес. неудобныхъ подъ культуру. Изъ удобныхъ земель 900.000 десятинъ принадлежали крестьянамъ и мелкимъ землевладѣльцамъ, а 900.000 десятинъ принадлежали крупнымъ землевладѣльцамъ, въ томъ числѣ 86.000 дес. «вакуфу» (татарскимъ благотворительнымъ учрежеденіямъ). Изъ этихъ 900.000 дес. крупнаго землевладѣнія 300000 десятинъ сдавались въ аренду.Нуждающихся въ землѣ въ Крыму было всего 12.000 дворовъ, изъ коихъ 5.000 дворовъ безземельныхъ и 7.000 дворовъ малоземельныхъ, т. е. владѣвшихъ усадьбой и пополнявшихъ свой бюджетъ извознымъ и солянымъ промысломъ. Крымское правительство первоначально намѣревалось провести цѣликомъ кадетскую аграрную программу на основѣ выкупа. Но этому воспротивились эс-эры во главѣ съ г. Жировымъ, настивавшимъ отложить радикальную аграрную реформу до той поры, когда ее можно будетъ осуществить во всероссійскомъ масштабѣ.Но все же Крымскій законъ осуществилъ слѣдующее: онъ закрѣпилъ по твердымъ арендным цѣнамъ 300.000 десятинъ въ рукахъ безземельныхъ крестьянъ. Цѣна аренды установлена была въ соотвѣтствіи съ «справедливой оцѣнкой», осно-

ванной на капитализаціи дѣйствительныхъ доходовъ съ земель. Примитивная испольная аренда допускалась лишь въ томъ случаѣ, если этого требовалъ самъ арендаторъ. Кстати: въ Ялтинскомъ уѣздѣ не оказалось ни одного безземельнаго крестьянина.

Несомнѣнно, что Крымское правительство было на лучшемъ пути къ разрѣшенію аграрнаго вопроса въ Крыму безъ уничтоженія высококультурныхъ хозяйствъ, обогащавшихъ все населеніе. Винодѣліе при нормальномъ развитіи заняло бы въ скоромъ времени одно изъ первыхъ мѣстъ въ Европѣ.

«Правительство предприняло рядъ финансовыхъ мѣръ, направленныхъ къ болѣе равномѣрному распредѣленію податного бремени и въ частности издало законъ объ единовременномъ налогѣ, главная тяжесть котораго должна была лечь на состоятельную буржуазію и спекулянтовъ. Правительство приняло мѣры къ удовлетворенію размѣннаго голода, пріобрѣтая размѣнные знаки у Донского Правительства, и само выпустило размѣнные знаки». Если мы расшифруемъ эти слишкомъ громкія фразы, мы получимъ слѣдующее: Прямыхъ налоговъ въ это время почти никто не платилъ. Поступали лишь косвенные налоги (акцизъ на табакъ!). Но Крымскому правительству посчастливилось: оно «позаимствовало», благодаря содѣйствію бывшаго министра финансовъ П. Л. Барка, изъ Донского Государственнаго Банка 53.000.000 рублей, которые С. С. Крымъ лично перевезъ, подъ охраной нѣсколькихъ вѣрныхъ офицеровъ. Кромѣ того, оно выпустило собственныя бумажныя деньги подъ залогъ государственныхъ цѣнностей. Этими деньгами были покрыты всѣ расходы правительства и еще осталась значительная сумма въ день эвакуаціи Крыма, каковую сумму вмѣстѣ со всѣми казначейскими цѣнностями правительство было *вынуждено* выдать подъ расписку полк. Трусону, для обезпеченія расходовъ городскихъ самоуправленій Крыма на первое время послѣ прихода большевиковъ. (Остатки взятыхъ суммъ были впослѣдствіи возвращены французами).

Что же касается «единовременнаго налога» на «буржуазію и спекулянтовъ», то онъ явился результатомъ требованій соціалистовъ, которые въ этомъ вопросѣ не хотѣли дожидаться всероссійскаго рѣшенія вопроса. Законъ фактически сводился къ взиманію 25% съ прибылей по всему экспорту товаровъ изъ Крыма.

Отмѣтимъ, что правительство покрывало почти всѣ

расходы мѣстныхъ самоуправленій, которымъ было выдано за пять мѣсяцевъ 18 милліоновъ руб. субсидій. На Таврическій университетъ было выдано 2.300.000 руб. Въ общемъ можно сказать, что Крымское Правительство не имѣло финансовыхъ заботъ, несмотря на страшную дороговизну демократическаго самоуправленія.

«Въ области продовольственной — мѣропріятіями Правительства было достигнуто обезпеченіе населенія мануфактурными и другими товарами въ обмѣнъ на предметы вывоза изъ Крыма (табакъ, вино, соль)». Тогда Крымъ не терпѣлъ никакого недостатка въ предметахъ первой необходимости.

Далѣе, Крымское Правительство организовало въ краѣ полное отправленіе правосудія во всѣхъ инстанціяхъ вплоть до высшаго суда. Между прочимъ, и это послужило поводомъ недоброжелателямъ къ обвиненію въ сепаратизмѣ, такъ какъ, молъ, можно было ограничиться Кассаціоннымъ Судомъ въ Ростовѣ - на - Дону. Если припомнить то бурное время, то легко понять, что нельзя было заставить крымскихъ гражданъ искать себѣ суда за тридевять земель въ Ростовѣ.

Отчетъ указываетъ на организацію мѣстныхъ административныхъ органовъ и городской милиціи въ Симферополѣ. Само собой понятно, что сильный административной власти тогда не было и не могло быть. И если порядокъ былъ, несмотря на это, сносный, то это лишь доказываетъ, что люди—не звѣри, если ихъ со стороны не науськиваютъ на преступленія. Среднему обывателю порядокъ пріятнѣе безпорядка.

Даемъ, согласно отчету, сухое перечисленіе другихъ актовъ Крымскаго Правительства:

«Въ области народнаго просвѣщенія возстановлена пенсіонная касса для народныхъ учителей, переданы земскимъ самоуправленіямъ права попечителя округа по отношенію къ высшимъ начальнымъ училищамъ, проведенъ законъ о явочномъ открытіи частныхъ школъ и библіотекъ.

Забота о торговлѣ и промышленности выразилась въ разсмотрѣніи и утвержденіи уставовъ ряда крупнѣйшихъ торгово - промышленныхъ банковъ и предпріятій, имѣющихъ цѣлью содѣйствіе торгово - промышленной жизни какъ въ Крыму, такъ и въ другихъ областяхъ Россіи по мѣрѣ ихъ освобожденія отъ совѣтской власти.

Въ областяхъ охраны національныхъ имѣній были

приняты мѣры къ сохраненію въ полномъ порядкѣ единственнаго въ Россіи виноградно - винодѣльческаго хозяйства, устроенъ заповѣдникъ изъ бывшей царской охоты, обезпечена охрана, расхищенія цѣнныхъ лѣсовъ и обезпечено функціонированіе цѣннѣйшихъ научно - вспомогательныхъ учрежденій въ Крыму.Наконецъ, на долю Крымскаго правительства выпала поддержка и общегосударственнаго имущества, находящагося въ Севастопольской крѣпости, организація комиссіи по исчисленію милліардныхъ убытковъ, причиненныхъ нѣмцами русской казнѣ, выплата за счетъ общегосударственной казны пенсій, содержаніе общегосударственныхъ лазаретовъ, санаторій и т. д.».

Далѣе отчетъ содержитъ разсказъ объ обвиненіяхъ въ сепаратизмѣ со стороны Добрарміи, въ связи съ созывомъ сейма, о треніяхъ между послѣдней и правительствомъ, наконецъ, о взаимоотношеніяхъ съ союзниками, о чемъ мы уже писали. (Самый отчетъ скоро появится въ печати). Мы, поэтому, во избѣжаніе повтореній, не приводимъ здѣсь остальную часть отчета.

Въ общемъ можно сказать: Крымское правительство было *единственнымъ* изъ всѣхъ краевыхъ правительствъ, которое не таило въ себѣ ни намека на сепаратизмъ и которое выявило высшую мѣру культурной дѣятельности въ свое время. И оно страдало нѣкоторыми недостатками чисто «интеллигентской» власти, но неопасными и которые при культурномъ содѣйствіи вождей Добрарміи легко могли быть выглажены. Стихійное, даже болѣзненное недовѣріе послѣднихъ къ независимой общественности, хотя бы и государственно - строительной, надѣлало бѣды въ Одессѣ и въ Крыму. Какъ лѣвые кадеты не понимали, что подъ вліяніемъ революціи культурные правые способны продѣлать эволюцію въ сторону закономѣрнаго прогресса, такъ и вожди добровольцевъ не допускали возможности перехода части соціалистовъ на сторону здороваго государствостроительства. А въ основѣ всѣхъ этихъ ошибокъ лежало слѣдующее «недоразумѣніе»: *большевизмъ разсматривался, какъ нѣчто случайное, внѣшнее, наносное, «инородческое», а не какъ явленіе глубинное, историческое, вѣковое, національно - русское, стихійное.* Поэтому полагали, что очень легко справятся съ этой катастрофой собственными *партизанскими* силами, не нуждающимися въ поддержкѣ общественности. Поэтому къ послѣдней подходили безъ любви и безъ состраданія, безъ

довѣрія и пониманія. Имѣя широкія *московскія* перспективы, не дорожили пятью уѣздами Крыма, которые, какъ я уже сказалъ, могли бы сослужить огромную службу бѣлому движенію, именно благодаря специальному географическому положенію Крыма, какъ это впослѣдствіи доказала отчаянная попытка ген. Врангеля. Крѣпкіе пафосомъ неизмѣнной нормы, добровольцы погибали изъ-за отсутствія пафоса измѣнчиваго движенія.

Трагическая развязка приближалась: рокъ повисъ надъ несчастнымъ Крымомъ и онъ вновь сдѣлался добычей большевиковъ.

XIX

ЭВАКУАЦІЯ КРЫМА

Съ половины марта (всѣ даты по старому стилю) въ Крыму начала чувствоваться надвигавшаяся опасность большевистскаго нашествія. Большая часть территоріи сѣверныхъ уѣздовъ Тавріи уже была сдана добровольцами. Единственная надежда наша была укрѣпленная защита Перекопскаго перешейка. И оставалась еще очень маленькая надежда на союзниковъ, тѣмъ болѣе что прибылъ батальонъ грековъ. Какъ обыкновенно, съ приближеніемъ опасности начали откуда-то выползать, словно ядовитыя змѣи, разные зловѣщіе слухи. Какъ я уже писалъ, одинъ за другимъ появились слухи, что возлѣ Николаева разбитъ большевиками греческій отрядъ и что въ Парижѣ послѣ паденія Клемансо произошелъ большевистскій переворотъ. Оптимисты не вѣрили въ эти слухи, потому что внезапно французскій полковникъ Трусонъ потребовалъ, чтобы немедленно были приготовлены въ Севастополѣ казармы на 2.000 человѣкъ, а самъ генералъ Франше-д'Эсперэ, хотя и грубо, но самоувѣренно заявлялъ нашему правительству: «Вы адвокаты и поэтому много говорите. А надо не говорить, а работать. Боритесь и я васъ поддержу». Прошло съ тѣхъ поръ много времени, но и теперь трудно понять поведеніе французовъ. Изъ сопоставленія датъ выясняется. что генералъ Франше дѣлалъ свои ободрительныя заявленія, когда эвакуація Одессы и Крыма была уже рѣшена. Кажется, черезъ два дня послѣ его заявленій гдѣ-то въ Крыму высадились первые бѣженцы изъ Одессы, которыхъ просили молчать, что не помѣшало быстрому распространенію слуха объ этомъ грозномъ фактѣ повсюду. А добровольческое командованіе упорно всѣхъ успокаивало. Чуть ли не наканунѣ начала эвакуаціи ген. Боровскій въ засѣданіи сильно напуганнаго губернскаго земства гордо заявилъ, что онъ вполнѣ увѣренъ въ безопасности Крыма, что Перекопъ

неприступенъ. А передъ этимъ произошло слѣдующее*): 15-го марта генералы Боровскій и Пархомовъ завѣряли правительство, что положеніе на фронтѣ въ общемъ твердое, хотя ст. Сальково уже сдана большевикамъ. Однако на слѣдующій день добровольцы уступили уже весь Чонгарскій полуостровъ и значительное количество вооруженія. Въ этотъ роковой день начальникъ штаба, ген. Пархомовъ, впервые посовѣтовалъ Правительству начать эвакуацію. Но послѣднее и не думало сдаваться: оно еще надѣялось. Поэтому оно поручило опытному инженеру С. Н. Чаеву приступить немедленно къ укрѣпленію Перекопскаго перешейка и къ урегулированію снабженія Арміи, для каковой цѣли былъ отпущенъ милліонъ рублей. Въ этомъ отношеніи было совершено прямое преступленіе. Приблизительно 15-го февраля правительство было увѣдомлено изъ очень вѣрнаго источника, что Перекопъ не укрѣпленъ. С. С. Крымъ предложилъ ген. Боровскому вмѣстѣ съѣздить на мѣсто, дабы оріентироваться въ дѣйствительномъ состояніи тѣхъ мѣстностей, которыя должны были сдѣлать Крымъ неприступнымъ для технически плохо оборудованной красной арміи. Но ген. Боровскій отвѣтилъ, что онъ считаетъ контроль со стороны правительства обиднымъ для Добрарміи и проситъ г. Крыма и самому не ѣздить къ Перекопу. Фактъ, не нуждающійся въ комментаріяхъ. До сихъ поръ не выяснено, почему Добрармія, имѣвшая столько времени въ своемъ распоряженіи и снабженная матеріальными средствами, равно какъ и вооруженіемъ, которое было въ изобиліи въ Севастополѣ, почему она не подготовилась заблаговременно къ оборонѣ Перекопа. Ровно ничего не было сдѣлано, даже окоповъ не было. Въ этотъ тяжкій моментъ подумали объ организаціи особой бригады изъ нѣмецкихъ колонистовъ, но уже было поздно: многіе колонисты, съ радостью предложившіе свои услуги нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, теперь отказывались отъ мобилизаціи, справедливо опасаясь жестокой мести большевиковъ въ случаѣ ихъ очень вѣроятной побѣды.

Черезъ нѣсколько дней полковникъ Трусонъ вмѣстѣ съ С. С. Крымомъ и ген. Боровскимъ отправились на фронтъ. Тяжело было присутствовать при томъ, какъ французскій офицеръ жестоко раскритиковалъ установку на-

---

*) См. «Журналъ засѣданія Совѣта министровъ Крымскаго Краевого Правительства». «Арх. Русской Револ.». Томъ 2-ой.

шихъ пушекъ, совершенно непригодную для защиты нашихъ позицій. Оказалось, что пушки могли быть взяты непріятелемъ голыми руками. А работы, исполненныя Чаевымъ на Сивашѣ, были признаны вполнѣ цѣлесообразными. Къ этому времени удалось уже взорвать и мостъ. Однако къ вечеру того же дня наши войска отступили отъ Перекопа. Говорили тогда, что продвиженіе большевиковъ было облегчено, благодаря измѣнѣ русскаго офицера, капитана К. сдавшаго безъ боя позицію непріятелю. Этотъ офицеръ нѣсколькими мѣсяцами раньше расхваливалъ публично въ Феодосіи теорію Троцкаго «ни мира, ни войны», выдвинутую послѣднимъ во время Брестъ - Литовскихъ переговоровъ. Правительство обратило вниманіе добровольческаго командованія на странное поведеніе этого офицера, не несмотря на это, ему была поручена защита одной изъ самыхъ отвѣтственныхъ позицій на фронтѣ. Послѣ этого событія былъ смѣненъ начальникъ штаба, ген. Пархомовъ, а на его мѣсто былъ назначенъ полк. Коноваловъ, впослѣдствіи объявившій себя эсэромъ. Я зналъ этого офицера и мнѣ всегда казалось, что во всемъ Штабѣ онъ былъ единственнымъ серьезнымъ работникомъ, но онъ былъ связанъ по рукамъ и по ногамъ своимъ начальникомъ, ген. Пархомовымъ. Назначеніе его въ столь поздній часъ начальникомъ Штаба никакой существенной пользы принести не могло.

Отступленіе отъ Перекопа еще не привело всѣхъ въ отчаяніе. Трусонъ заявилъ, что если добровольцы удержатъ вторую линію у озеръ, онъ окажетъ имъ помощь техническими средствами и живой силой. Дѣйствительно, немедленно прибыли греческія войска, которыя заняли передовыя позиціи. Однако и вторая линія была сдана, причемъ греки понесли тяжкій уронъ. Французы были страшно возмущены, что русскіе выдвинули грековъ на передовыя позиціи. Отъ полковника Трусона получилось извѣстіе, что въ виду полнаго отступленія добровольцевъ, онъ отказывается впредь оказывать намъ какую либо помощь. А отъ ген. Деникина получился приказъ, чтобы Штабъ Добрарміи эвакуировалъ Симферополь не позже 26-го марта (9 апрѣля). Тогда лишь Правительство рѣшилось переселиться въ Севастополь, надѣясь, что французы будутъ защищать эту Крымскую твердыню, а въ Симферополь назначило своимъ представителемъ министра внутреннихъ дѣлъ, Н. Н. Богданова.

Къ сожалѣнію, расчеты были ложные: французы рѣ-

шительно отказались защищать Севастополь. Теперь, вѣдь, все извѣстно: эвакуація Одессы и Крыма была въ Парижѣ давно предрѣшена. Я склоненъ думать, что Трусонъ, обѣщая въ послѣдніе дни помощь, не обманывалъ, а шелъ сознательно противъ инструкцій изъ Парижа, надѣясь, въ случаѣ стойкости добровольцевъ, доказать необходимость и возможность сохраненія Крыма. Если это предположеніе необосновано, приходится отчаяться въ человѣческой совѣсти!

Началась эвакуація. Мѣстные большевики начали вылѣзать изъ подполья, на окраинахъ слышны были выстрѣлы. Севастополь былъ переполненъ, такъ какъ бѣженцамъ оставался лишь одинъ свободный путь: морской, а большинство пароходовъ было сосредоточено именно въ Севастополѣ. Люди расположились на ночлегъ на площади: къ счастью, погода была хорошая. «Буржуи», рѣшившіе остаться на мѣстѣ, начали переодѣваться «по пролетарски». Мой пріятель, у котораго я жилъ въ эти дни, вѣжливо попросилъ меня найти «болѣе безопасное мѣсто». Намекъ былъ понятъ и я устроился у знакомаго, который тоже собирался бѣжать. Пришлось пережить ужасные 3-4 дня. Оффиціально главноуполномоченнымъ по эвакуаціи былъ назначенъ бывшій прокуроръ Каринскій, но на самомъ дѣлѣ всѣмъ завѣдывали французы. Передъ зданіемъ, гдѣ помѣщался т. н. «base navale», стояли съ утра до вечера тысячи русскихъ людей, ожидая своей очереди на полученіе пропуска на пароходъ. У дверей стояли французскіе матросы, которые относились къ намъ отвратительно. Какой-то дряхлый полковникъ, утомленный долгимъ стояніемъ на ногахъ, вышелъ изъ рядовъ и попросилъ матроса очень вѣжливо о пропускѣ внѣ очереди. Къ нашему ужасу матросъ грубо ткнулъ старика въ мундирѣ въ грудь. Пуришкевичъ, возмущенный только что случившимся, началъ громко кричать на матроса, который, не долго думая, ударилъ строптиваго протестанта въ лицо. Тогда я почувствовалъ, какъ глубоко унижено русское имя, до чего русскіе люди осиротѣли. Такія переживанія никогда не могутъ быть забыты, никакія радости не могутъ ихъ стереть. Сотни русскихъ людей видѣли эту сцену и никто не смѣлъ пикнуть, ибо позади насъ стояли тѣни садистовъ - большевиковъ, отъ звѣрства которыхъ насъ защищалъ въ этотъ моментъ тотъ же французъ - матросъ.

Съ большимъ трудомъ я получилъ разрѣшеніе, и то лишь по протекціи одного знакомаго французскаго офице-

ра. Богатые люди получили разрѣшеніе болѣе... практическимъ способомъ, благо совѣсть человѣческая притупилась въ эти дни у всѣхъ. Надо было найти мѣсто на пароходѣ, да за проѣздъ надо было уплатить 1.500 рублей. Но всѣ транспорты были уже переполнены. Сунулся я на пароходъ «Ріонъ», мнѣ отказали. Къ счастью, на одномъ изъ транспортовъ находился одинъ изъ директоровъ Ропита, почти хозяинъ судна. Счастливая случайность! На «Ріонѣ», на которомъ я хотѣлъ вначалѣ поѣхать, большевики произвели взрывъ, отъ котораго пострадало очень много пассажировъ.

Судно - баржа - переполнено. Старый капитанъ качаетъ головой: довезетъ ли онъ своихъ пассажировъ до Новороссійска? А тутъ еще распространяются странные слухи о намѣреніяхъ матросовъ! Но никто ни о чемъ не хочетъ думать: со стороны города слышны первые пушечные выстрѣлы. Кто стрѣляетъ: наши или они? Скорѣе бы отчалить... Томительно тянутся часы ожиданія. Наконецъ, пришелъ какой-то французъ провѣрить пропуски уѣзжающихъ. Двухъ пассажировъ сняли, несмотря на ихъ отчаянные крики и заклинанія. Только и слышно было: «да, вѣдь, насъ убьютъ большевики!». Ничего не помогло. А пассажиры, онѣмѣвшіе отъ страха и ужаса, молчали. У Данте не хватаетъ одного круга: русскаго ада, созданнаго большевиками. Когда - нибудь его опишетъ выросшій изъ нѣдръ новой Россіи русскій Данте.

... Рано утромъ мы прибыли въ Ялту. Городъ словно вымеръ. Всѣ магазины закрыты, на набережной пусто. Передъ уходомъ офицеровъ были ограблены ночью нѣсколько богатыхъ людей. Мой знакомый, православный человѣкъ, подошедшій къ нашему пароходу, заявилъ мнѣ о своемъ рѣшеніи остаться въ городѣ. Онъ потерялъ счетъ: онъ не зналъ, гдѣ страшнѣе, ибо въ послѣдніе дни и здѣсь было очень страшно. «Большевизмъ, видите ли сказалъ онъ съ печальной улыбкой на устахъ, такая болѣзнь, отъ которой не застрахованы ни красные, ни бѣлые». А поодаль отъ насъ стоитъ чудище — англійскій дредноутъ. На немъ эвакуировались члены царской семьи и ихъ приближенные.

... Неизбывная тоска! Прощаемся съ дивными берегами Крыма. А пассажиры, главнымъ образомъ, штатскіе, веселы, словно на пріятной прогулкѣ. Въ углу, пригорюнившись, сидитъ ген. Пархомовъ. Мы поздоровались, но разговоръ не клеился. Сознаетъ ли онъ свои ошибки, или

онъ и теперь винитъ только другихъ? А развѣ онъ виновенъ? И я стараюсь, усѣвшись въ шлюпкѣ, дать себѣ отчетъ. Ошибки людей или неизбѣжность рока? Какъ будто первое: лучшіе добровольческіе элементы рвались на фронтъ, туда на Кубань, гдѣ Деникинъ велъ упорную борьбу съ красной арміей. Нашъ Крымъ долгое время былъ тыломъ, а въ тылу собирались худшіе офицеры, лишенные всякой идейности, или же способные только на смѣлую ненависть къ «жидамъ, масонамъ, и кадетамъ». Къ тому же и ген. Деникинъ смотрѣлъ на Крымъ свысока. Какъ мнѣ ни больно, я долженъ здѣсь сообщить одинъ очень характервый инцидентъ, который навѣрное не увеличитъ славы вождя Добраміи.

17 марта (ст. стиля) офицеръ штаба ген. Боровскаго явился къ министру - предсѣдателю С. С. Крыму и принесъ ему телеграмму въ *открытомъ* пакетѣ, потребовавъ довольно дерзкимъ тономъ, чтобы послѣдній расписался въ пріемѣ телеграммы, обозначивъ точно время пріема. Это была телеграмма - ультиматумъ отъ ген. Деникина, которая гласила: «Крымскому Правительству. Копія ген. Боровскому. Въ тяжелую минуту, когда Крыму грозило неизбѣжное порабощеніе большевиками, Крымское Правительство обратилось за помощью къ Добровольческой Арміи. Помощь въ явный ущербъ главному фронту была оказана на условіяхъ: «русская государственность и единая русская армія». Крымъ былъ спасенъ. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ армія проливала кровь, защищая Крымъ и была въ невыносимыхъ условіяхъ безудержнаго развитія внутри края большевизма, поощряемаго преступнымъ попустительствомъ Крымскаго Правительства. Въ то же время Правительство это, измѣнивъ данному обѣщанію, повело, прикрываясь русскимъ и добровольческимъ штыками, политику государственнаго и военнаго разъ-единенія, послѣдніе дни позволило себѣ принять и допустить рядъ мѣропріятій, которыя явно направлены къ ослабленію русской добровольческой арміи, а послѣдніе дни и вмѣшательство въ дѣло обороны. Поэтому мною будетъ отданъ приказъ ген. Боровскому: 1) Подавлять всякое вмѣшательство въ военныя его распоряженія, откуда оно ни исходило бы; 2) приступить къ эвакуаціи добровольческихъ войскъ изъ Крыма. Передъ выполненіемъ такой тяжелой, но неизбѣжной мѣры я въ послѣдній разъ предлагаю Крымскому Правительству отказаться отъ того губительнаго пути, на который оно вышло, объявить

военное положеніе и предоставить вытекающую изъ него власть Командующему Крымско - Азовской арміей. Отвѣта ожидаю не позже 18 часовъ 18 марта. Екатеринодаръ. 16 марта 12 часовъ. № 03834. Деникинъ». Вся эта телеграмма ошибочна во всѣхъ пунктахъ. Добрармія до 16 марта «не проливала кровь, защищая Крымъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ», ибо борьба за Крымъ началась лишь приблизительно 10 марта. Вѣроятно, ген. Деникинъ спуталъ Крымъ съ сѣверными уѣздами Тавріи, не находившимися подъ властью Крымскаго правительства. Послѣднее никакимъ обѣщаніямъ не измѣнило и не вело политики «государственнаго разъединенія». Но интересно то, что ген. Деникинъ третируетъ Крымъ, какъ чужую державу, которой онъ милостиво оказываетъ помощь! Такъ не понимать значенія сохраненія Крыма въ интересахъ борьбы съ большевиками!

Эти ни на чемъ не основанныя обвиненія и въ особенности этотъ ультиматумъ страшно возмутили все правительство, въ особенности В. Д. Набокова. Но С.С. Крымъ сдѣлалъ послѣднюю попытку примиренія. Онъ отправился къ командующему Крымскимъ отрядомъ Добрарміи, ген. Боровскому, и попросилъ его объяснить смыслъ этой совершенно непонятной и глубоко оскорбительной телеграммы, припомнивъ при этомъ общую декларацію: «Крымское правительство — временное и готово сдать власть въ любой моментъ» и указавъ, что едва ли теперь, когда нужно думать о спасеніи края во имя всероссійскихъ интересовъ, наступилъ моментъ для безплодныхъ споровъ. Ген. Боровскій, смущенный, заявилъ, что тутъ кроется недоразумѣніе, основаніемъ для котораго послужило приглашеніе инженера Чаева для укрѣпленія Перекопа и Чонгарскаго полуострова, равно какъ отказъ правительства арестовать указанныхъ Начальникомъ Штаба большевиковъ.

На это ген. Боровскому было указано, что онъ самъ участвовалъ въ засѣданіи совѣта министровъ при опредѣленіи функцій инж. Чаева, который былъ, согласно журнальному постановленію, откомандированъ въ распоряженіе командованія Добрарміи. А что касается десяти лицъ, указанныхъ военной контръ - развѣдкой, какъ большевики, при разслѣдованіи Особой Комиссіи подъ предсѣдательствомъ министра юстиціи Набокова и при участіи Начальника Штаба, ген. Пархомова, таковыми они не оказались и лишь поэтому, уже арестованные контръ-

развѣдкой, были отпущены на свободу. Послѣ этихъ объясненій ген. Боровскій сказалъ, что всю кутерьму надѣлалъ уже отстраненный отъ должности ген. Пархомовъ. А на предложеніе С. С. Крыма принять власть отъ него, ген. Боровскій попросилъ подробно ознакомить его съ положеніемъ на всемъ Крымскомъ полуостровѣ, послѣ чего онъ рѣшительно отказался принять власть и отправилъ ген. Деникину слѣдующую телеграмму, изъ которой лучше всего видно, какъ глубоко ошибался ген. Деникинъ и какъ необоснованы были его обвиненія Крымскаго правительства.

«Главнокомандующему Вооруженными силами Юга Россіи.

Доношу, что по полученіи вашей телеграммы Предсѣдатель Совѣта Министровъ посѣтилъ меня.

Результаты: Совѣтъ Министровъ готовъ въ каждую минуту выйти въ отставку для пользы дѣла, принявъ на себя инициативу передъ населеніемъ, дабы не возбуждать его противъ Добрарміи. Послѣднія постановленія слѣдуетъ разсматривать какъ результатъ не вполнѣ правильно понятаго заявленія начальника штаба о необходимости принятія мѣръ по подготовкѣ эвакуаціи. Послѣднее заявленіе создало представленіе о полной безнадежности положенія.

По заявленію Предсѣдателя, Совѣтъ министровъ всегда готовъ отмѣнить свои постановленія, готовъ отказаться отъ власти, стоя твердо на платформѣ общей государственности и преслѣдуя только цѣль возсоединенія Великой Единой Россіи. Въ настоящій моментъ по условіямъ мѣстной обстановки введеніе военнаго положенія въ краѣ считаю невозможнымъ, ибо всѣ мои силы выдвинуты къ линіи фронта, а безъ этого таковое принесетъ вредъ, но не пользу, ибо произойдетъ покушеніе съ негодными средствами и разсоритъ насъ съ союзниками.

Выходъ: подъ моимъ предсѣдательствомъ образуется комитетъ обороны, члены котораго: Предсѣдатель совѣта министровъ, начальникъ штаба арміи, министръ внутреннихъ дѣлъ, военный министръ и главноуполномоченный отъ краевого правительства по снабженію арміи для обороны, инженеръ Чаевъ, человѣкъ дѣятельный и весьма полезный для настоящаго дѣла. Находя настоящія предположенія наиболѣе соотвѣтствующими обстановкѣ, убѣдительно прошу утвердить ихъ и отмѣной своего послѣд-

няго роспоряженія дать удовлетвореніе Правительству, выразившему полную готовность работать на пользу Добрарміи, какъ единственной силы, могущей спасти родину. Жду срочнаго отвѣта. № 04926. 17 марта 1919 г. 17 часовъ.

Подлинную подписалъ: Генералъ Боровскій».

На слѣдующій день ген. Боровскій увѣдомилъ правительство, что ультиматумъ ген. Деникина отмѣняется.

Что можно прибавить къ этому? Ген. Деникинъ не понималъ значенія удержанія Крыма, отъ котораго онъ отказался съ легкимъ сердцемъ. Поэтому онъ послалъ намъ въ качествѣ вождей мѣстныхъ военныхъ силъ лишь генераловъ второго и третьяго ранга, не сумѣвшихъ понять среды и зажечь сердца вѣрой въ побѣду. Въ своей безпечности они прозѣвали укрѣпленіе Перекопа. И все это потому, что на верхахъ Добрарміи были увѣрены въ скоромъ достиженіи Москвы и не учли важности закрѣпленія за собой хотя бы клочка родины, хотя бы крошечнаго Крыма, ибо пока бѣлое движеніе имѣло подъ собою родную землю, оно было фактомъ, который всѣ были бы вынуждены признать. Владѣй мы хотя бы однимъ Крымомъ, большевики не были бы признаны и уже во всякомъ случаѣ они не смѣли бы мечтать о заграничныхъ займахъ, а главное, не была бы убита животворящая и дѣйственная надежда въ сердцахъ русскихъ гражданъ. Тогда никто не дерзнулъ бы класть бѣлое движеніе на анатомическій столъ. И вдругъ мнѣ вспомнились слова Гегеля: «Alles Seiende ist vernünftig» все существующее — разумно). Значитъ, суть не въ людскихъ ошибкахъ, а въ фатумѣ, котораго никто не можетъ избѣгнуть — ни индивидуумы, ни народы. Слѣдовательно, никто не виноватъ? Да, пусть тотъ, который чувствуетъ себя безгрѣшнымъ, первый броситъ въ виновныхъ камнемъ. Но кто изъ насъ безгрѣшенъ въ великомъ русскомъ бѣдствіи? Кто дерзнетъ отрицать свою часть въ общей винѣ, въ соборномъ грѣхѣ? Мое глубочайшее убѣжденіе: нѣтъ такого безгрѣшнаго русскаго гражданина.

И казалось мнѣ, что завтра начнется новая борьба. Наученные опытомъ, мы лучше поведемъ ее. Вѣдь я ѣхалъ въ край, гдѣ дѣйствовалъ самъ Деникинъ, гдѣ лучшіе русскіе люди думали крѣпкую думу о спасеніи Россіи.

Такъ казалось.....

Я ѣхалъ въ Новороссійскъ и Екатеринодаръ съ тѣмъ, чтобы тамъ остаться и работать. А вышло такъ, что я черезъ два мѣсяца уѣхалъ въ Константинополь, а оттуда, получивъ визу съ большими трудностями, отправился въ Парижъ. Почему такъ случилось? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо было бы описать всѣ мои впечатлѣнія и переживанія за сравнительно короткое время моего пребыванія на Кубани. Богъ съ нимъ. Довольно! Тутъ я встрѣтился исключительно съ тыловыми офицерами, реставрированными чиновниками, спекулянтами и картежниками, самостійниками и озлобленными революціонерами, съ суетящимися и фантазирующими интеллигентами. Фронта я не видѣлъ и даже не чувствовалъ. Онъ былъ тогда къ сѣверу отъ Тихорѣцкой. Настроеніе у правительственныхъ интеллигентовъ было очень бодрое: никто не сомнѣвался въ скорой побѣдѣ. Въ началѣ мая 1919 г. П. И. Новгородцевъ, въ концѣ долгихъ дебатовъ, сказалъ мнѣ: «Возьмите Вашу записную книгу и запишите себѣ на память: черезъ годъ въ это время великая Россія будетъ воскресшей; она тогда будетъ свободна не только отъ большевиковъ, но и отъ большевизма; у нея будетъ тогда сильнѣйшая армія въ мірѣ; Европа будетъ къ тому времени охвачена пламенемъ большевизма, но ее спасетъ выздоровѣвшая Россія. Тогда лишь наступитъ истинный миръ въ Европѣ, да и во всемъ мірѣ. Тогда жизнь пойдетъ по иному, по христіански». Я точно все записалъ подъ его диктовку, но искренно сказалъ ему, что мало вѣрю въ его пророчество. Допускаю, сказалъ я, что черезъ годъ мы будемъ въ Москвѣ, но еще долго будемъ возиться съ большевизмомъ. Впрочемъ, я привелъ мнѣніе одного выдающагося революціонера, впослѣдствіи перешедшаго къ реакціонерамъ: Большевики продержатся ровно столько, сколько они будутъ имѣть, что грабить. Россія такъ богата запасами, что имъ хватитъ лѣтъ на пять». Ошибся въ расчетахъ не революціонеръ - реакціонеръ, бывшій однимъ изъ идейныхъ родоначальниковъ большевизма, а многоуважаемый П. И. Новгородцевъ. А мои единомышленники по партіи писали въ своихъ кабинетахъ глубокомысленные законопроекты для будущей единой Россіи и проглядѣли слона: начавшійся уже развалъ тыла, который неизбѣжно долженъ былъ перенестись на фронтъ.

Мнѣ стало душно въ окружавшей меня атмосферѣ. Одна маленькая сцена меня потрясла: на второй день еврейской пасхи три офицера на лошадяхъ въѣхали по вы-

соко поднимающимся ступенямъ въ синагогу, шашками разрубили «кивотъ завѣта», ударили старика еврея, повредили мебель и уѣхали. Это мелочь. И не для того я привожу ее, чтобы вызвать у кого либо сочувствіе. Но эта мелочь, которую восприняли *только какъ мелочь* начальство офицеровъ, да и всѣ правительственные интеллигенты, явилась для меня доказательствомъ полной некультурности тыла. И когда я возлѣ одной аптеки въ Екатеринодарѣ читалъ оффиціальные бюллетени Добрарміи, содержавшіе очень часто грубо антисемитскіе выпады, я боялся не только за евреевъ, но и за Добрармію, и за Россію. При помощи антисемитизма можно разрушать, но *ничего нельзя создать*. Національный подъемъ вырастаетъ изъ любви, а не изъ ненависти, изъ свѣта творчества, а не изъ тьмы развала.

Я для себя работы въ районѣ Добрарміи не нашелъ. Но и мое еврейское горе не убило во мнѣ чувства долга по отношенію къ Россіи. Я рѣшилъ поѣхать за границу, чтобы тамъ работать для Россіи, что тогда означало — для арміи ген. Деникина.

Когда я сѣлъ на французскій пароходъ, который долженъ былъ перевезти меня изъ Константинополя въ Парижъ, мнѣ стало совѣстно. Что же, я удираю съ поля битвы? Да, тяжело и душно, но нужно было преодолѣть всѣ препятствія...

На палубѣ много русскихъ, между ними много буржуевъ, а можетъ быть и спекулянтовъ. Эти не могутъ успокоить мою мятущуюся душу. Вотъ товарищъ министра гетманскаго правительства. Онъ разговариваетъ съ русскимъ полковникомъ, не имѣющимъ вида инвалида. И эти меня не успокаиваютъ. У самаго якоря стоитъ высокій, стройный мущина съ энергичнымъ и въ то же время глубоко симпатичнымъ лицомъ. Во всей фигурѣ неотъемлемая породистость. Отъ времени до времени разговариваетъ съ двумя мальчиками по русски. Одинъ общій знакомый насъ представилъ другъ другу: графъ П. Н. Игнатьевъ, бывшій царскій министръ земледѣлія и народнаго просвѣщенія. Ѣдетъ въ Лондонъ съ женой и дѣтьми. Значитъ, и онъ не нашелъ себѣ мѣста въ Екатеринодарѣ, и онъ оказался внѣ актуальной русской жизни. А кто осмѣлится усомниться въ глубочайшемъ русскомъ патріотизмѣ этого аристократа не только по рожденію, но и по духу?

Русскій графъ и русскій еврей съ одинаковой легкостью выброшены за бортъ, т. е. въ эмиграцію. Я тогда

никакъ не полагалъ, что нѣсколькими мѣсяцами позже за нами послѣдуетъ и самъ ген. Деникинъ.

А въ Парижѣ, затѣмъ въ Лондонѣ пришлось встрѣчать всѣхъ, всѣхъ: ничиная министромъ Сазоновымъ и кончая эс-эромъ Миноромъ.

Слѣдовательно, да, слѣдовательно, бѣлое движенiе погибло не исключительно вслѣдствiе его реакцiонности и антисемитизма, ибо въ эмиграцiи находился безгрѣшный П. Н. Милюковъ, великiй герой «величайшей революцiи» А. Ф. Керенскiй, вожди эс-эровскаго Учредительнаго Собранiя, а очень скоро и вожди славнаго русскаго «интернацiонала».

И я себѣ сказалъ: quand-même!

Впродолженiе трехъ лѣтъ я отстаивалъ вмѣстѣ съ В. Л. Бурцевымъ интересы бѣлаго движенiя и добровольческой армiи.

Мы не побѣдили. Но кто изъ русскихъ эмигрантовъ побѣдилъ?

Но несмотря на всѣ разочарованiя, несмотря даже на предательство близкихъ друзей въ самое послѣднее время, я свято вѣрю въ окончательную побѣду культуры надъ хамствомъ, Россiи, основанной на правѣ, надъ СССР., пропитанной беззаконiемъ. Это — не вѣра, а аксiома моей нынѣшней жизни.

И. И. ПЕТРУНКЕВИЧЪ
О РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦІИ

Гаспра, 2/20 февр./янв. 1919 г.

Многоуважаемый Даніилъ Самойловичъ!

Только спустя восемь дней послѣ произнесенія Вами рѣчи въ годовщину смерти Кокошкина и Шингарева, я могъ прочесть ее, такъ какъ почта не спѣшитъ съ доставкой газетъ, предполагая, вѣроятно, что чтеніе ихъ не составляетъ особенной необходимости. Поэтому, только теперь я могу откликнуться на Вашу рѣчь и изложенныя въ ней Вами мысли, глубоко разошедшіяся, по моему мнѣнію, съ идеалами и стремленіями нашихъ погибшихъ товарищей, а равно съ духомъ и принципами нашей партіи*)

Чрезвычайныя событія, потрясшія весь міръ и разрушившія наше отечество, не могли, конечно, не оставить слѣдовъ и на нашей партіи. Тѣмъ болѣе я считаю необходимымъ бережно охранять тѣ идеи и принципы, которые составляли самыя основы партіи и отрицаніе которыхъ неизбѣжно поведетъ къ ея окончательному разрушенію. Оставаясь убѣжденнымъ сторонникомъ безусловной правильности основныхъ положеній партіи, которымъ неизмѣнно слѣдовали и Кокошкинъ съ Шингаревымъ, я считаю своимъ долгомъ не оставлять Ваши заявленія, изложенныя въ самой категорической формѣ, безъ возраженій въ надеждѣ, что Вы еще разъ провѣрите мысли, которыя, по Вашимъ собственнымъ словамъ, могутъ показаться па-

*) Рѣчь идетъ о «кадетской» партіи (Д. П.).

радоксальными, по моему же мнѣнію, — несомнѣнно ошибочныя, влекущія Россію назадъ, къ тому состоянію, которое и привело ее къ революціи и къ ея распаду. Я остаюсь глубоко увѣреннымъ, что члены нашей партіи, оставаясь вѣрными ея духу и принципамъ, не могутъ раздѣлять ни Вашей оцѣнки трагическаго смысла смерти нашихъ товарищей, ни Вашей надежды, что русская интеллигенція вообще и наша партія въ особенности, откажутся слѣдовать за своими предшественниками: Радищевымъ и Декабристами; не могутъ признать моральныя и политическія идеи ихъ отжившими; что, наконецъ, члены партіи не могутъ раздѣлять и Вашей увѣренности, что спасеніе Россіи зависитъ отъ усвоенія интеллигенціей любви къ власти и умѣнія властвовать и пользоваться всепокоряющей матеріальной силой для управленія народами. Именно матеріальной силой, ибо Вы противополагаете ее силѣ слова, убѣжденія и идеи. Вы приводите въ доказательство своей мысли имена Ллойдъ - Джорджа, Бріана и Клемансо, «умѣющихъ властвовать надъ народами», примѣръ которыхъ, по моему мнѣнію, находится въ полномъ противорѣчіи съ Вашей собственной мыслью.

Вы упрекаете Кокошкина и Шингарева въ томъ, что они были только парламентаріями, вѣрившими въ силу слова, убѣжденія, идеи, но не были, какъ наши западные политическіе антиподы, «людьми быстрыхъ актовъ, рѣшительныхъ дѣйствій, всепокоряющей воли». Уже съ давнихъ поръ я слѣжу за политическими событіями, но въ своей памяти не нахожу ни одного факта, который подкрѣпилъ бы попытку противупоставить вышеназванныхъ западныхъ государственныхъ дѣятелей Кокошкину и Шингареву. Я не могу вспомнить ни одного случая, когда бы Клемансо, Бріанъ или Ллойдъ - Джорджъ въ своей политической дѣятельности перешли съ чисто парламентской почвы на какую либо иную, гдѣ обнаружили бы «быстроту актовъ, рѣшительность дѣйствій и всепокоряющую волю». Я сомнѣваюсь, чтобы къ дѣятельности, названныхъ Вами, западно - европейскихъ государственныхъ людей можно было примѣнить, употребленное Вами, выраженіе, не рискуя смѣшеніемъ, по существу совершенно различныхъ, понятій.

Уже давно англійскіе и французскіе министры могутъ и умѣютъ *управлять государственнымъ кораблемъ,* но не могутъ и не проявляютъ желанія *властвовать надъ народами.* За такой порядокъ вещей пролито не мало

англійской и французской крови въ борьбѣ съ людьми, смѣшивавшими эти понятія, и конституціонный порядокъ, существующій въ этихъ странахъ, гарантируетъ народъ отъ влеченія ихъ правителей переходить отъ управленія государствомъ къ властвованію надъ народомъ. Власть, вѣрящая въ свой народъ, не нуждается въ властвованіи надъ нимъ; власть, проникнутая дѣйственнымъ патріотизмомъ, не можетъ не идеализировать свой народъ, ибо идеализація его — есть вѣра въ него, въ его силы, въ способность къ совершенствованію. Только пустой или фальшивый патріотизмъ не идеализируетъ своего народа, не различаетъ сквозь его недостатки, заблужденія и пороки моральныхъ и творческихъ силъ, свойствъ его души.

Вы думаете иначе, но смѣю Васъ увѣрить, что ни Кокошкинъ, ни Шингаревъ не убаюкивали себя, не закрывали глазъ на недостатки русскаго народа, но знали, что не властью правителей уничтожаются пороки и раскрываются творческія силы народа, а созданіемъ условій, въ которыхъ свободная человѣческая личность способна проявлять свою природу. И передъ нами сейчасъ стоитъ та же задача: создать условія, подобныя тѣмъ, въ которыхъ дѣйствуютъ Ллойдъ-Джорджъ и Клемансо, ибо матеріальная сила можетъ раздавить большевизмъ, но сама не можетъ измѣнить условій, его породившихъ. Обязанность выполнить такую задачу остается на русской интеллигенціи и преимущественно на той ея части, которая раздѣляетъ идеи нашей партіи.

Вы не раздѣляете этого убѣжденія и говорите, что «въ ночь на 7-ое января 1918 г. были убиты не только опредѣленныя лица. Въ эту темную ночь, говорите Вы, была умерщвлена идея, заполнявшая цѣлую полосу русской исторіи, была обезглавлена общественная группа». Я не могу согласиться съ этимъ.

Идеи, заключающія въ себѣ истину, — безсмертны. И тѣ идеи, которыми жили Радищевъ, Декабристы, Кокошкинъ, Шингаревъ, которыя составляли основу моральныхъ, соціальныхъ и политическихъ идей и принциповъ и нашей партіи существуютъ не съ Радищева и не умрутъ вмѣстѣ съ Кокошкинымъ и Шингаревымъ. Во имя этихъ идей умираютъ отдѣльные люди, какъ умерли наши товарищи, но идеи остаются живыми и въ своихъ жертвахъ находятъ источникъ своей жизненности. Поэтому, Вы глубоко ошибаетесь, утверждая, что 27 февраля 1917 г. роковымъ образомъ должно было привести къ 7-му января

1918 г. и что «это — два полярныхъ конца одного общественнаго явленія». Нѣтъ, революція и сверженіе русскаго царя съ престола не заключаютъ въ себѣ внутренней необходимости убійства Кокошкина и Шингарева. Ваша мысль явно парадоксальна и не можетъ быть доказана никакими соображеніями. Съ гораздо большимъ правомъ можно утверждать, что 7 января 1918 г. роковымъ образомъ вытекаетъ изъ 25-го Октября 1917 г., когда государственная власть была захвачена тою частью русской интеллигенціи, пришествіе которой Вы желаете и ждете, но которую Вы не узнали въ пришедшихъ, хотя это она и есть, та самая «трезвая, волевая, дѣйствующая, господская (?) и властная» интеллигенція, лишенная всякихъ идей и идеаловъ, не идеализирующая своего народа, а трезво учитывающая его стадность и, чтобы властвовать надъ этимъ стадомъ, пробуждающая въ немъ всѣ животные инстинкты: убійства, грабежа, всяческаго насилія и рабьяго страха передъ властью. Вѣдь Ленинъ съ Троцкимъ, со всей ихъ К-о и есть та самая русская интеллигенція, которая отреклась отъ безсмертныхъ идей, въ которыя вѣровали Кокошкинъ и Шингаревъ. На мѣсто этихъ идей новые русскіе интеллигенты — Ленинъ и Троцкимъ и всѣ ихъ послѣдователи — поставили культъ всепокоряющей власти и ея матеріальной силы. Всмотритесь пристальнѣе въ этихъ людей и Вы увидите, что ихъ, полныя крови, руки забрызганы и несмываемой кровью Кокошкина и Шингарева.

Я далекъ отъ отрицанія необходимости физической борьбы съ большевиками. Напротивъ, я не сомнѣваюсь, что такая борьба неизбѣжна и необходима, такъ какъ нашему отечеству угрожаетъ гибель, если большевизмъ совьетъ себѣ прочное гнѣздо. Но признавая необходимость и неизбѣжность борьбы съ большевизмомъ, я не считаю возможнымъ приносить въ жертву такой необходимости русскую интеллигенцію, которую Вы, безъ сожалѣнія уже похоронили. Правда, Вы похвалили духовныя ея качества, какъ хвалятъ покойника. Вы похвалили ея поэтичность, ея святость, ея безкорыстіе, ея покаянность, но видите въ этихъ свойствахъ души то, что въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія презрительно называли «прекраснодушіемъ», пустымъ и безплоднымъ мечтательствомъ. Но то, что было неясно три четверти вѣка назадъ, то стало достаточно яснымъ въ настоящее время.

Царскій режимъ ревниво охранялъ свою самодержав-

ную власть и не допускалъ даже призрака участія общества въ управленіи страной. Тѣмъ не менѣе, станете ли Вы отрицать, что всѣ реформы Александра II-го осуществлены и проведены въ жизнь не властью правительства, а русской интеллигенціей, безкорыстно и самоотверженно взявшей на себя трудъ преобразить дореформенную, рабскую, безграмотную, лишенную самыхъ элементарныхъ условій, свойственныхъ культурнымъ государствамъ западной Европы, Россію и ввести ее въ составъ культурныхъ странъ. И вопреки противодѣйствію правительства и его сателлитовъ, интеллигенція выполнила эту задачу.

Помните ли Вы борьбу правительства съ «Судебной республикой» и съ «Земскими парламентами», боровшимися за независимый судъ и за независимое самоуправленіе? И въ этомъ національномъ строительствѣ принимали самое дѣятельное участіе Кокошкинъ и Шингаревъ, наряду со многими другими членами нашей партіи. Кто же, по Вашему мнѣнію, будетъ продолжать это національное строительство, когда Россія потрясена до основанія безуміемъ царскаго произвола, нѣмецкаго сатанинскаго плана, такъ блистательно выполненнаго большевиками? Кто рѣшится взяться за эту задачу, когда все разрушено: разрушена жизнь государственная, общественная, семейная и личная, когда не гарантировано ни имущество, ни свобода, ни честь, ни человѣческое достоинство, ни жизнь? Кто же будетъ строить эту новую жизнь, когда, будемъ надѣяться, всероссійская армія возстановитъ въ Россіи спокойствіе и порядокъ? Армія не можетъ выполнить эту задачу, такъ какъ для этого у нея нѣтъ ни силъ, ни знаній. Выполнить ее можетъ только та часть интеллигенціи, которая строила Россію, осуществляя всѣ реформы третьей четверти XIX-го вѣка, и добилась созыва Государственной Думы въ 1905 году, та самая интеллигенція, которая, по Вашему мнѣнію, уже мертва, и никто другой. Ибо ея «идеи, заполнявшія цѣлую полосу русской исторіи», — безсмертны. Можемъ ли мы, конституціонные демократы, кровь отъ крови и плоть отъ плоти русской интеллигенціи, раздѣляющіе отъ А до Z всѣ идеи Кокошкина и Шингарева, можемъ ли мы спустить нашъ старый флагъ, признать себя политическими трупами и поручить судьбу и спасеніе Россіи той невѣдомой интеллигенціи, пришествіе которой Вы привѣтствуете? Нѣтъ, Даніилъ Самойловичъ, и флага мы не спустимъ, и мертвецами не сочтемъ себя, и не станемъ ждать грядущаго, по Вашему слову, на смѣну насъ

какого - то призрака, напоминающаго образъ того, отъ дыханія котораго Россія теперь задыхается...

Прочитавъ это длинное письмо, Вы, можетъ быть, спросите: какая цѣль его?

Отчасти въ самомъ началѣ письма я уже указалъ мотивы, побудившіе меня взяться за перо. Но тамъ я не все сказалъ и хочу добавить, что желалъ бы, чтобы Вы услыхали въ моихъ словахъ предостерегающій голосъ Вашего товарища по партіи, человѣка, которому, конечно, уже не придется ни увидѣть возрожденіе Россіи, ни принять личнаго участія въ той трудной работѣ, которая предстоитъ Россіи и нашей партіи. Наша задача безконечно трудна, но мы не можемъ отказаться отъ нея или возложить ее на кого либо другого. Мы должны будемъ работать надъ созданіемъ истиной демократіи, такъ какъ ей по праву и естеству принадлежитъ будущее въ государствѣ, не мужицкомъ, не пролетарскомъ и не соціалистическомъ, а свободномъ, самоуправляющемся, народномъ во всей полнотѣ этого слова. Міровыя событія войны отразились и на нашей партіи, переживающей въ настоящее время острый конфликтъ, нагляднымъ примѣромъ котораго можетъ служить сопоставленіе рѣчей В. Д. Набокова и М. М. Винавера съ одной стороны, и Вашей съ другой, непримиримыхъ въ своемъ существѣ.

Я не могу, какъ Ваши невзыскательные слушатели, аплодировать всѣмъ ораторамъ. Кто-нибудь: либо Набоковъ съ Винаверомъ, либо Вы ошибаетесь, кто-нибудь изъ васъ идетъ по невѣрному пути, а всѣ вы одинаково уважаемые члены партіи, каждый изъ васъ заслуживаетъ полнаго довѣрія, за каждымъ изъ васъ можно безбоязненно слѣдовать... Однако, Вы и они идете въ противоположныя стороны. Куда же, за кѣмъ идти? Какъ, по какимъ признакамъ будетъ рѣшать этотъ мучительный вопросъ рядовой членъ партіи или просто гражданинъ, въ душѣ котораго загорѣлся огонь патріотизма? Не убиваемъ ли мы нашими несогласіями собственными руками дѣло, которому хотимъ служить? Какъ старый членъ партіи, стоящій уже одной ногой за порогомъ вѣчности, я обращаюсь къ Вамъ и въ лицѣ Вашемъ къ другимъ товарищамъ съ напоминаніемъ, что сила партіи только въ единеніи, что насталъ моментъ, когда каждое ошибочное слово, устное или печатное, создаетъ ложное положеніе партіи, разрушаетъ ея единство, вноситъ въ дѣло возрожденія Россіи не плюсъ, а минусъ. Богъ одарилъ Васъ щедрымъ да-

ромъ ораторскаго и писательскаго таланта. Не жертвуйте же истиной — красотѣ формы, живой правдой — оригинальности парадокса! Amicus Plato, sed magis amico veritas!

Я надѣюсь, что Вы, глубокоуважаемый Даніилъ Самойловичъ, не усмотрите въ этомъ письмѣ желанія сказать Вамъ что-нибудь обидное. Прямота моего обращенія къ Вамъ свидѣтельствуетъ объ искреннемъ уваженіи къ Вашимъ убѣжденіямъ, высказаннымъ Вами съ обычной горячностью, но, по моему разумѣнію, противорѣчащимъ идеямъ и принципамъ нашей партіи.

Искренно уважающій Васъ

Ив. Петрункевичъ.

МОЙ ОТВѢТЪ

Давно уже, а по временамъ очень страстно, дебатируется вопросъ о роли, значеніи и судьбахъ русской интеллигенціи. Какъ извѣстно, до сихъ поръ выкристаллизовались два основныхъ мнѣнія о ней. Одни видятъ въ ней разрушительницу не только царизма, но и всѣхъ основъ россійской государственности. Наша интеллигенція, будто бы, убила религіозность въ народѣ, авторитетъ власти, іерархичность всего соціальнаго строя, принципъ частной собственности и незыблемость исторической послѣдовательности. Однимъ словомъ, въ послѣднемъ счетѣ вся наша интеллигенція сводится къ Ленину.

Другіе — между ними и И. И. Петрункевичъ — придерживаются противоположнаго мнѣнія: интеллигенція — самая творческая часть нашего народа, интересы котораго она отстаивала съ необычайнымъ самопожертвованіемъ въ процессѣ вѣковой борьбы съ самодержавной бюрократіей; только интеллигенція осуществила всѣ реформы Александра II, освобожденіе крестьянъ, независимый судъ, «земскіе парламенты», она нанесла удары царизму и съ 1905 года добивается демократизаціи всей нашей жизни; она создала всю нашу культуру, всѣ наши духовныя цѣнности, она способствовала духовному усовершенствованію всей народной массы; она сохранитъ эту роль и въ будущемъ. Многоуважаемый мой критикъ пишетъ: «Кто же будетъ строить эту новую жизнь, когда, будемъ надѣяться, всероссійская армія возстановитъ въ Россіи спокойствіе и порядокъ? Армія не можетъ выполнить эту задачу, такъ какъ для этого у нея нѣтъ ни силъ, ни знаній.. Выполнить ее можетъ только *та часть интеллигенціи*, (курсивъ мой. Д. П.), которая строила Россію, осуществляя всѣ реформы третьей четверти XIX -го вѣка, и добилась созыва Государственной Думы въ 1905 году, та самая интеллигенція, которая по Вашему мнѣнію (т. е. автора этой книги) уже мертва, и никто другой». (См. стр. 199). Какъ

видите, для И. И. Петрункевича русская интеллигенція — творецъ жизни русской и соль земли руской.

Гдѣ же правда въ этомъ вѣковомъ спорѣ, обострившемся особенно за послѣдніе годы? Это не теоритическій вопросъ, онъ затрагиваетъ самые глубинные интересы будущей Россіи.

Я являюсь рѣшительнымъ противникомъ обоихъ мнѣній, одинаково не соотвѣтствующихъ жизненной дѣйствительности и исторической правдѣ.

Въ началѣ XVI-то столѣтія Московское государство пережило глубочайшій кризисъ, когда могло казаться, что оно окончательно исчезнетъ, сдѣлавшись добычей польскихъ королей. Тогда еще не было «зловреднаго» вліянія интеллигенціи, тогда Московія еще не подверглась дѣйствію дубинушки грознаго, но Великаго Петра, тогда еще царили порядки, вызывающіе слезы умиленія у нашихъ современныхъ реакціонеровъ и ненавистниковъ интеллигенціи. И все же Московское государство распалось съ необычайной быстротой, и все же на землѣ русской гулялъ тогда настоящій большевикъ, жегшій усадьбы бояръ, убивавшій священниковъ и грабившій монастыри.

И не разъ это случалось на Руси. Въ меньшихъ, но все же въ еще грозныхъ для государства размѣрахъ допетровская Русь пережила великое сотрясеніе благодаря великому бунту Стеньки Разина, ставшаго кумиромъ всѣхъ большевизанствующихъ и, наконецъ, императорская Россія перенесла всѣ ужасы пугачевщины. Ни одинъ изъ этихъ трехъ кризисовъ не можетъ быть приписанъ разлагающему вліянію нашей интеллигенціи. Не будетъ парадоксомъ, если я скажу, что именно пугачевщина вызываетъ появленіе первыхъ ростковъ россійской интеллигенціи въ лицѣ Радищева и Новикова.

Слѣдовательно, историческая правда заставляетъ насъ отвергнуть утвержденія тѣхъ, которые сваливаютъ всю отвѣтственность за переживаемое нами страшное Смутное время исключительно на интеллигенцію. И когда ея не было, Россія тоже переживала великія сотрясенія. Я уже не говорю о томъ, что враги интеллигенціи безсознательно поднимаютъ ее до небесъ, приписывая ей исключительно рѣшающую роль въ судьбахъ страны. Если и дьяволъ, то великій, всемогущій и всесильный Сатана, противъ котораго никто во всей безбрежной Россіи устоять не могъ. По правдѣ сказать, слишкомъ великая честь для нашей, въ общемъ хилой, немощной и безалаберной

интеллигенціи. Я ей никакъ не могу навязать сатанинскую роль.

Но одинаково невѣрно и противоположное мнѣніе, защищаемое И. И. Петрункевичемъ, согласно которому наша интеллигенція — единственно творческая часть русскаго народа, та часть, которая одна лишь «будетъ строить новую жизнь», какъ она, молъ, «строила Россію, осуществляя всѣ реформы третьей четверти XIX вѣка».

И противъ этого мнѣнія протестуетъ вся исторія Россіи отъ ея основанія до конца XVIII-го столѣтія. А кто собиралъ сначала Московское Государство, а затѣмъ Россійскую Имперію? Интеллигенція, которой тогда на Руси не было? Кто превратилъ непроходимые лѣса и болота въ плодородныя пашни, кто упорнымъ трудомъ въ продолженіи вѣковъ превратилъ дикую Скиѳію въ житницу Европы? Кто создалъ въ огромномъ хаосѣ, пусть будетъ примитивный, но все же порядокъ, благодаря которому появилось могущественное государство? Кто въ мучительной вѣковой борьбѣ освободилъ страну отъ набѣговъ печенѣговъ, отъ ига татарскаго? Не интеллигенція, а въ первую голову князья, цари, императоры, поддержанные боярами и служилымъ дворянствомъ, при содѣйствіи всей безымянной крестьянской массы. Легко было интеллиенціи нашей строить Россію «въ третьей четверти XIX вѣка», когда уже было создано не ея трудами, пусть нескладное, но великое государство.

Русскіе люди забываютъ огромную разницу, которая существуетъ между русской и западно - европейской интеллигенціей.

Въ Зап. Европѣ интеллигенція появилась на историческую арену одновременно съ королевской властью. Тамъ интеллигенція выросла изъ духовенства, создавшаго всѣ разсадники образованія, основаннаго на огромномъ наслѣдствѣ римской культуры. Злѣйшими врагами феодаловъ были въ среднихъ вѣкахъ легисты, т. е. интеллигенты того времени. Это они пропитали всю общественность, всю государственность элементами античной римской культуры. Католическая церковь, цѣликомъ впитавшая въ себя богатую языческую культуру, выростила своихъ враговъ — Виклефовъ, Гусовъ и Лютеровъ, которые съ своей стороны породили новую интеллигенцію. Французскіе энциклопедисты — прямые потомки церковныхъ реформаторовъ.

Съ другой стороны рано развившіяся городскія коммуны очень быстро выдвинули собственную интеллигенцію, которая очень скоро начала выступать въ роли оппозиціи. Можно-ли понять исторію Италіи, Франціи и Германіи, не принявъ во вниманіе государство - строительную роль интеллигенціи? Вѣдь бывали цѣлыя эпохи, когда она могла-бы съ большимъ правомъ, чѣмъ Людовикъ XIV -ый сказать: «L'Etat — c'est moi».

Въ Зап. Европѣ интеллигенція была почвенная, изначальная, коренная.

Не то въ Россіи. У насъ она была искусственно насаждена царями, а особенно императорами, начиная Петромъ Великимъ. Дубинкой приходилось ее выколачивать и еще долго она переживала муки фон-Визинскаго «Недоросля», печать котораго до сихъ поръ лежитъ на ней. Поэтому и судьбы ея такъ своеобразны. Не на родной землѣ, а на чужбинѣ она выросла и идеями она была заполнена чужестранными. Потому то могло случиться столь несуразное, какъ интеллигентскій фурьеризмъ въ кружкѣ Петрашевцевъ въ царствованіе Николая I при наличіи крѣпостного права, почти поголовной безграмотности и при полномъ отсутствіи промышленности и фабричнаго пролетаріата. Поэтому у насъ соціализмъ появился одновременно съ либерализмомъ: всѣ эти новшества выросли у насъ не изъ быта, а изъ иностранной литературы. Потому то, будучи безпочвенной, не умѣряемая жизненными необходимостями, наша интеллигенція очень рано сдѣлалась максималистской. Я не утверждаю, что русскіе цари и бюрократы были на высотѣ положенія, что они были способны уловить духъ времени, но мало заявить вмѣстѣ съ И. И. Петрункевичемъ: «Царскій режимъ ревниво охранялъ свою самодержавную власть и не допускалъ даже призрака участія общества въ управленіи страной». Царскій режимъ могъ ссылаться на свои достиженія въ государство - строительствѣ, а на что могла ссылаться наша максималистская интеллигенція? Когда въ эпоху Александра II царизмъ пошелъ на встрѣчу обществу, то наша интеллигенція поспѣшила отвѣтить выстрѣломъ Каракозова, анархисткими воззваніями Бакунина, преступной дѣятельностью Нечаева и пресловутымъ хожденіемъ бунтарей въ народъ. А кончилось тѣмъ, что Александръ II былъ убитъ въ тотъ самый день, когда онъ хотѣлъ дать новый залогъ сотрудничества съ обществомъ. И надо же быть правдивымъ: и либеральная интеллигенція

не вкладывала въ борьбу съ лѣвымъ максимализмомъ тотъ же паѳосъ, какъ въ войну съ правымъ максимализмомъ.

И почему все это такъ случилось? Во всемъ повинно происхожденіе нашей интеллигенціи. Она выросла не изъ нѣдръ народныхъ массъ, она поэтому вовсе не способствовала укрѣпленію ихъ счастья, а навязывала имъ свой, вычитанный изъ иностранныхъ книжекъ, идеалъ счастья. Максимализмъ нашей интеллигенціи — доказательство не ея демократичности, а ея аристократичности, ея оторванности отъ народа. Мужикъ хотѣлъ быть зажиточнымъ, плот но поѣсть, хорошо одѣться, пріобщиться къ культурѣ. Для этого его надо было научить прежде всего получать съ обрабатываемой имъ десятины не 40, а 160 пудовъ хлѣба, а вмѣсто этого ему набивали голову бунтарско - соціалистическими идеями, которыя онъ потомъ осуществилъ на нашихъ глазахъ по своему. И тутъ-то сказалась безпочвенность нашей интеллигенціи: въ моментъ кризиса взбунтовавшійся народъ въ своей жгучей ненависти не дѣлалъ различія между бюрократомъ и интеллигентомъ. Онъ люто уничтожалъ и того, и другого. Онъ не призналъ въ интеллигентѣ своего друга. Надъ этимъ надо же задуматься всѣмъ апологетамъ нашей интеллигенціи.

Къ сожалѣнію, мой споръ съ уважаемымъ И. И. Петрункевичемъ страшно усложняется тѣмъ, что онъ беретъ подъ защиту лишь часть интеллигенціи, а именно ту часть, «которая строила Россію, осуществляя всѣ реформы третьей четверти XIX вѣка, и добилась созыва Государст. Думы въ 1905 году». Какая это часть интеллигенціи? Но прежде всего одинъ вопросъ: была-бы созвана Государств. Дума въ 1905 г., если бы не предшествовала Цусимская катастрофа и вообще вся эта несчастная русско - японская война? Я въ этомъ сильно сомнѣваюсь и потому то почти вся интеллигенція тогда была настроена пораженчески, ибо она знала свое безсиліе, она знала, что собственными силами она ничего не осуществитъ. Да, наши интеллигенты тогда не брезгали японской шимозой, ибо сами они пороха не выдумали. Но не въ этомъ дѣло. А о какой части интеллигенціи идетъ рѣчь, о которой гордо заявляется, что «ея идеи — безсмертны»? Этотъ вопросъ очень существенный.

Мой почтенный критикъ старается дать отвѣтъ на этотъ вопросъ, но его отвѣтъ ничего не выясняетъ, Онъ пишетъ: та часть, которая осуществляла всѣ реформы третьей четверти XIX вѣка. Но эти реформы осуществлялись

въ значительной части бюрократіей подъ руководствомъ Царя-Освободителя. Ростовцевъ, Валуевъ, Милютинъ и т. д. сыграли не малую роль въ осуществленіи этихъ реформъ. А если рѣчь идетъ о той части интеллигенціи, которая добилась созыва Государст. Думы въ 1905 г., то опять начинается неясность. Кто добился — съѣздъ земцевъ, или руководители массовыхъ стачекъ съ пресловутыми вожаками петербургскаго совдепа во главѣ? Если вѣрить воспоминаніямъ графа Витте, манифестъ 17-го Октября былъ данъ подъ угрозой не либеральной, а соціалистической интеллигенціи, опиравшейся на пролетаріатъ. Едва-ли, однако, И. И. Петрункевичъ мирволитъ къ соціалистической интеллигенціи и не ей онъ посвящаетъ свои дифирамбы. Онъ имѣетъ въ виду другую часть интеллигенціи, которую мы для краткости назовемъ «кадетской», т. е. либерально-буржуазной.

И дѣйствительно, русская интеллигенція распадалась на три неравныя группы: 1) бюрократическая интеллигенція, которая служила царизму не только за страхъ, но и за совѣсть, видя въ этомъ служеніи свое національное и государство - строительное призваніе. Яркими представителями этой группы были въ послѣднее время графъ Витте и Столыпинъ. 2) На противоположномъ полюсѣ стояла та часть интеллигенціи, которая стремилась къ разрушенію не только бюрократическаго самодержавія, но и всей національной россійской государственности, имѣя передъ собой идеалъ соціалистическаго Интернаціонала. И надо признать, что эта группа составляла самую многочисленную часть русской интеллигенціи. Бытовое явленіе состояло въ томъ, что въ молодые годы за рѣдкими исключеніями всѣ наши интеллигенты отдавали дань идеаламъ антинаціональнаго соціализма, даже изъ тѣхъ, которые въ зрѣлые годы играли видную роль въ рядахъ бюрократіи. Примѣръ Льва Тихомирова, начавшаго подписываніемъ смертнаго приговора Александру Второму и кончившаго апологіей самодержавію, не единичный и не исключительный по существу своему.

Обѣ эти группы схожи въ своемъ отрицаніи закономѣрной и творческой эволюціонности въ жизни народа. Бюрократическая интеллигенція вѣрила въ застой, въ «подмораживаніе» Россіи, а въ лучшемъ случаѣ соглашалась дѣлать одинъ шагъ впередъ, чтобы сейчасъ же сдѣлать два скачка назадъ. Она была по существу не консервативна, а реакціонна. А революціонная интеллигенція

отрицала эволюцію, ибо она вѣрила исключительно въ спасительность «прыжковъ въ неизвѣстность», въ творчество радикальнаго разрушенія всего существующаго, по просту говоря, въ большевизмъ.

И. И. Петрункевичъ, несомнѣнно, относится отрицательно къ обѣимъ этимъ группамъ, въ чемъ я съ нимъ согласенъ. Споръ нашъ касается третьей группы въ нашей интеллигенціи. Чѣмъ же характеризовалась эта группа?

Она была по своему быту и эмоціямъ — глубоко національна, она персонифицировала собою весь духъ подлинной русской культуры во всѣхъ ея многосложныхъ проявленіяхъ. Припомните только покойныхъ Набокова и Кокошкина! Въ этомъ отношеніи «кадетская» интеллигенція представляла собою духовную аристократію своего народа. Но раціонально она скрывала свое національное лицо, не желая смѣшиваться съ реакціонными націоналистами. Съ государственной точки зрѣнія это была крупнѣйшая ошибка, и именно потому, что соціалистическая интеллигенція была космополитична. Волей неволей получалось ложное впечатлѣніе, что буржуазная интеллигенція пренебрегаетъ національзмомъ въ пользу интернаціонализма. А въ Зап. Европѣ повсюду мы наблюдаемъ совершенно иное явленіе: германскіе демократы, французскіе радикалы, англійскіе либералы держатъ высоко знамя національзма. Въ Европѣ твердо знаютъ, что націонализмъ вовсе не связанъ съ шовинизмомъ, нетерпимостью и реакціей. А у насъ въ Россіи *стыдились* своего національзма, даже когда онъ заполнялъ всю душу людей. Стыдились, ибо боялись быть причисленными къ ретроградамъ. И поэтому ничего не дѣлали, чтобы развить и укрѣпить національное самосознаніе въ народныхъ массахъ, что имѣло столь грозныя послѣдствія во время революціи.

Въ связи съ этимъ надо было-бы разобраться въ отношеніяхъ нашей интеллигенціи къ религіи и церкви. Но тутъ я чувствую нѣкоторую неловкость въ виду того, что я не христіанинъ. Укажу только на слѣдующее: въ Зап. Европѣ антирелигіозность интеллигенціи выросла на почвѣ *политической* борьбы съ воинствующей церковью. Разные монашескіе ордена во главѣ съ іезуитами боролись за опредѣленныя политическія идеи, которыя шли въ разрѣзъ съ чаяніями интеллигенціи. Кромѣ того, антиклерикализмъ сильнѣе всего развивался тамъ, гдѣ цер-

ковь была цѣликомъ въ рукахъ римскаго папы, т. е. чужестранца. Борьба съ церковью въ Зап. Европѣ было прежде всего проявленіе національной гордости. Въ Россіи ничего этого не было. Церковь была строго національная, со временъ Петра Великаго она никакой политической роли не играла. И поэтому національно чувствующая интеллигенція должна была-бы отнестись бережнѣе и къ своей религіи, и къ своей церкви. А на самомъ дѣлѣ безвѣріе въ Россіи родилось не въ мукахъ, какъ въ Зап. Европѣ, а очень легко — подъ вліяніемъ иностранныхъ книжекъ. Русскій раціонализмъ—не жизненный, а книжный, и поэтому онъ крайне догматиченъ и нетерпимъ. Но, какъ уже сказано, я касаюсь этого вопроса лишь мимоходомъ.

Гораздо важнѣе другая характеристика нашей либерально - демократической интеллигенціи: она была защитницей эволюціонности въ противовѣсъ застою правыхъ и революціонности лѣвыхъ. Въ этомъ, собственно. и состояла главная оригинальность той части интеллигенціи, идеи которой, по мнѣнію И. И. Петрункевича, безсмертны. Да, идеи органической и творческой эволюціи безсмертны. Это все вѣрно. Но великій грѣхъ этой же интеллигенціи состоитъ въ томъ, что будучи по всему своему міровоззрѣнію эволюціонна, она въ критическіе, т. е. самые опасные моменты государственной жизни измѣняла своему знамени и мирилась съ революціонностью, а иногда ей способствовала. На этомъ она сломила себѣ шею. Но что важнѣе, благодаря этой измѣнѣ лучшей части нашей интеллигенціи, пострадала жестоко вся Россія. И тутъ я долженъ сознаться: при всемъ моемъ безграничномъ уваженіи къ патріарху кадетской партіи, къ И. И. Петрункевичу, выше-опубликованное письмо его ко мнѣ вызвало и вызываетъ во мнѣ до сихъ поръ сильнѣйшее раздраженіе. Выходитъ, что всѣ повинны въ несчастіяхъ Россіи, особенно же царизмъ и бюрократія и лишь излюбленная имъ часть интеллигенціи, свободна отъ всякихъ упрековъ и заслуживаетъ всѣхъ похвалъ.

Армія, молъ, не сможетъ строить Россію, заявляетъ И. И. Петрункевичъ, забывая, что именно она собирала Россію въ продолженіи многихъ вѣковъ, ибо «у нея (у арміи) нѣтъ ни силъ, ни знаній». Кто же имѣетъ эти силы и эти знанія? Излюбленная имъ часть интеллигенціи? Развѣ можно безъ ироніи говорить о ея силахъ? Развѣ уже забыто, какъ Милюковъ былъ удаленъ изъ Временна-

го Правительства однимъ окрикомъ безобразной петербургской толпы, возбужденной еще болѣе безобразными демагогами? Развѣ все Временное Правительство не было яркой демонстраціей полнаго безсилія интеллигенціи? А знанія? Да, нѣтъ сомнѣнія, что по знаніямъ своимъ одинъ Милюковъ спрячетъ въ своемъ карманѣ сто Клемансо, сто Бріановъ и сто Ллойдъ-Джорджевъ. Но о какихъ знаніяхъ идетъ рѣчь? О книжныхъ, т. е. литературныхъ знаніяхъ. Но чтобы строить жизнь государства, надо имѣть другія знанія, которыхъ у Милюкова и у всей нашей интеллигенціи очень мало. Потому-то неспособный быть профессоромъ Бріанъ — геніальный министръ иностранных дѣлъ, а Милюковъ въ своемъ диллетантизмѣ уже послѣ революціи, совершенно не понявъ обстановку, продолжалъ требовать захвата ненужнаго намъ Константинополя, благодаря чему 25-милліонное мусульманское населеніе Россіи было отброшено въ объятія революціонной демагогіи. Знанія? Мы видали административныя знанія кн. Львова въ роли перваго революціоннаго министра внутреннихъ дѣлъ. Хотите еще примѣры? Скромный Деникинъ, не вѣря въ знанія арміи, окружилъ себя интеллигенціей. Много она ему помогла своими безконечными рѣчами и фантастическими законопроектами? Скажутъ, ея не слушались. Это — лучшее доказательство безсилія. Сильные, властные заставляютъ слушаться себя. Припомните только Клемансо во время войны, или Муссолини теперь!

Нѣтъ, всѣ повинны въ несчастіяхъ Россіи — и царь, и бюрократія, бунтарская народная масса, но и вся интеллигенція безъ исключенія, т. е. и та, которую мой критикъ поднимаетъ до небесъ.

Я уже указалъ: она была мало національна, она, будучи эволюціонной въ теоріи, заключала компрометирующіе компромиссы съ революціей. Но это еще не все: она была безвольна, она не обладала тѣмъ, что нѣмцы называютъ «der Wille zur Macht» (воля власти). Она все время сохраняла психологію «кающагося дворянина», который вѣчно передъ кѣмъ нибудь извиняется, особенно, если этотъ кто-нибудь находится слѣва. Слишкомъ уже упростили всю проблему, когда пишутъ, что я противополагаю матеріальную силу силѣ слова, убѣжденія и идеи (стр. 196). И заявляютъ, что не припомнятъ случая, «когда бы Клемансо, Бріанъ или Ллойдъ-Джорджъ въ своей политической дѣятельности перешли съ чисто

парламентской почвы на какую-либо иную, гдѣ обнаружили бы быстроту актовъ, рѣшительность дѣйствій и всепокоряющую волю». (Тамъ-же). Я только могу сожалѣть, если мой противникъ этихъ случаевъ не знаетъ. Ну хотя бы когда Бріанъ, а затѣмъ Мильеранъ расправились съ желѣзнодорожной стачкой.

Чтобы оздоровить фронтъ, Клемансо не боялся крови, а покойный Шингарев гордился тѣмъ, что его правительство не пролило ни капли крови, въ то время какъ бунтарскіе матросы и солдаты въ самомъ началѣ революціи звѣрски убивали офицеровъ. Онъ даже не понималъ, что кровь этихъ невинныхъ жертвъ падала прежде всего на тѣхъ, которые стояли во главѣ власти, т. е. и на его голову. Безсильная гуманность куда болѣе жестока, чѣмъ властная воля. Забывала наша мягкотѣлая интеллигенція великое изреченіе Паскаля: «Справедливость безъ силы (т. е. безъ властности) немощна». А вотъ французскій интеллигентъ, очень радикальный, Анатоль Франсъ, вкладываетъ въ уста героя одного изъ его романовъ вѣщія слова: «Народъ притѣсняется, когда власть слаба».

Въ томъ то и дѣло, что я половину своей жизни прожилъ въ Зап. Европѣ и тщательно наблюдалъ ея жизнь и могъ сравнивать ея интеллигенцію и нашу. Не скажу, что западно-европейская интеллигенція — сплошной идеалъ. Теперь какъ разъ она переживаетъ глубочайшій кризисъ. Но куда съ ней сравняться нашей интеллигенціи? Возьмите для сравненія двухъ маленькихъ интеллигентовъ, не профессоровъ: Носке въ Берлинѣ, Керенскаго въ Петроградѣ. Первый совершенно не по парламентски расправляется со спартаковцами, а Керенскій противополагаетъ матеріальной силѣ «силу слова, убѣжденія и идеи». Первый спасъ Германію отъ большевизма, а второй ушелъ въ эмиграцію.

Ясно ли теперь, въ чемъ состоитъ моя критика русской интеллигенціи? Ничего реакціоннаго въ моей критикѣ нѣтъ. Я считаю себя большимъ демократомъ, чѣмъ всѣ наши парламентаріи вмѣстѣ взятые. Я глубоко убѣжденъ, что въ началѣ было дѣло, а не слово, особенно когда приходится создавать изъ хаоса новый міръ. И если было бы вѣрно, что наша интеллигеція была мозгомъ и сердцемъ своего народа, солью земли, то какъ же она допустила такой страшный развалъ всей страны, разореніе народа, униженіе національнаго достинства? Нѣтъ, послѣ всего пережитаго именно интеллигенція наша должна

смиренно раскаяться въ своихъ ошибкахъ и прегрѣшеніяхъ.

Новую Россію будетъ строить не «часть интеллигенціи», а весь народъ вмѣстѣ съ арміей и всей интеллигенціей. Но продѣлавъ такой страшный опытъ, всѣ обязаны спросить себя: а какъ быть въ будущемъ?

Уже въ январѣ 1919 г. я заявилъ: прежняя слабосильная, безвольная, немощно-гуманитарная интеллигенція умерла. Ей на смѣну должна появиться новая интеллигенція: волевая, цѣлевая, властная, дѣловитая, національная, упорная и паче всего государство-строительная. Новая интеллигенція должна будетъ прежде всего заняться возстановленіемъ экономическихъ силъ страны. Довольно политической агитаціи и побольше экономическаго творчества. Научить рабочаго дать максимумъ производительности куда важнѣе, чѣмъ ознакомить его съ діалектикой Маркса. На основѣ экономическаго благополучія легче строить культурную государственность.

Однимъ словомъ: для оздоровленія Россіи абсолютно необходима интеллигенція, но совершенно иная, чѣмъ та, которая дѣйствовала въ Россіи во второй половинѣ 19-го столѣтія и которая допустила воцареніе хама на родинѣ въ октябрѣ 1917 года.

Апологія «части интеллигенціи», данная И. И. Петрункевичемъ, для меня непріемлема, ибо результаты дѣятельности этой интеллигенціи таковы, что ими гордиться никакъ нельзя. Я не виню интеллигенцію: она продуктъ своей исторіи. Но пора ей уже проявить зрѣлость и познать свою исторію, т. е. свои недостатки. Она обязана передѣлать себя въ интересахъ родной страны и роднаго народа.

ОГЛАВЛЕНІЕ:

Настоящее изданіе отпечатано въ количествѣ 1500 экз., изъ коихъ пятьдесятъ экземпляровъ на papier alfa, нумерованныхъ.